

An illustration of a young man and woman standing on a rocky ledge, looking at each other under a large, glowing blue moon. The moon's surface is covered in intricate, glowing patterns resembling dandelion seeds or floral designs. The background is a dark blue night sky with wispy clouds and small white stars. The overall mood is romantic and dreamlike.

Луна осветит реку

Ася Соболева

Ася Соболева

Луна осветит реку

<https://litres.ru/74122324>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Луна осветит реку» – название таинственной картины, исчезнувшей полтора года назад и связанной с орденом Грабителей Лунного Света или Робмунов. Умбра Рирких узнает, что именно из-за этой картины и убили ее парня и двух близких друзей и хочет разобраться в этой истории. В то же время Кириан Дэллет ищет пропавшую картину и связанную с ней причину, по которой лишили жизни его родителей. Где же спрятана «Луна осветит реку» и в чем же ее ценность? В поисках этих ответов откроется много правды, и жизненные пути героев пересекутся, подарив героям то, о чем они даже не мечтали – исполнение заветных мечт, крепкую дружбу и, главное, любовь.

Содержание

Глава 1. Умбра	5
Глава 2. Кириан	13
Глава 3. Умбра	16
Глава 4. Умбра	25
Глава 5. Кириан	36
Глава 6. Кириан	41
Глава 7. Умбра	50
Глава 8. Кириан	65
Глава 9. Кириан	79
Глава 15. Кириан	140
Глава 18. Кириан	181
Глава 19. Умбра	190
Глава 20. Кириан	202
Глава 21. Умбра	211
Глава 22. Кириан	223
Глава 23. Умбра	233
Глава 24. Кириан	245
Конец ознакомительного фрагмента.	281

Ася Соболева

Луна осветит реку

Посвящение

Для каждого, кто ищет свой путь.

Глава 1. Умбра

Брызги крови и отблеск лунного света на лезвии клинка.

Эта картина давно стала привычной для меня и других жителей острова Каедес, где я жила. В переулке на меня только что напал какой-то паренек, которого я приняла за Грабителя Лунного Света из Ордена Робмунов, но этот оказался обычным психом, которого я припугнула своим клинком.

Уже был поздний вечер, время, когда на улице нельзя находиться без специального разрешения, которого у меня, конечно же, не было. Я находила мало смысла в том, что ночью запрещено ходить по улице. Преступность была большой и в дневное время, разве что Грабители Лунного Света, которых мы кратко звали Робмунами, действовали именно ночью. Поэтому почти каждый житель острова всегда был вооружен хоть чем-то.

Робмуны и Грабители лунного света лишь звучат красиво. На деле это орден убийц. Никто, кроме них самих, не знает их целей, но всем известно, что они убивают других. Они могут находиться среди обычного народа, единственное, что отличает их от нас — серебристая нить жизни, протянутая вдоль позвоночника. Однако днем они точно так же ходят на учебу, работу, в магазин, на рынок или еще куда-то.

Не одни они были причиной всех проблем Каедеса. Здесь

жила куча преступников: маньяки, воры, вандалы, педофилы и прочие. Но больше всего было все-таки воров и мошенников. Когда в газетах или листовках на столбах появлялись объявления о пропаже человека, никто не удивлялся. Собственно, как и кражей у тебя какой-то вещи никого не напугаешь и не поразишь.

Поэтому каждый жилой дом, и частный, как у нашей семьи, и многоквартирный, был защищен так, чтобы туда даже комар бы не пробрался. Для защиты от воров это было хорошо, но не для меня, которая периодически устраивала ночные вылазки. Поэтому я придумала схему. Моя комната находилась на втором этаже, и, несмотря на высокий железный забор, оставлять лестницу было опасно, так еще и для родителей пришлось бы придумать, что она там делает. Поэтому несколько лет назад мой друг, которого мне больше не суждено никогда увидеть, сделал мне складную лестницу. Она доходила ровно до моего окна, а когда ее складываешь, она превращается в палку, которую легко можно спрятать за водосточной трубой. А через забор я перебиралась, приставляя туда пень, который стоял недалеко от забора. Если посмотреть, выглядит, будто его корни все еще в земле, но только я знала, что его можно передвигать.

И вот, я шла домой, готовясь к своему привычному попаданию в свою комнату, но только я свернула на свою улицу, случайно влетела в какого-то человека, который шел мне навстречу и тоже свернул.

«Только бы не патрульный», – понадеялась я. Подняв голову, я тут же успокоилась. Быть арестованной за нарушение комендантского часа мне не грозило, это был обычный мужчина. Но когда разум мой очистился от страха быть арестованной, появился другой страх. Мужчина выглядел пугающе. Он был чуть больше, чем на голову выше меня. Его лицо я не видела, оно было скрыто большим капюшоном его ветровки и черной маской, закрывающей нижнюю половину лица. На руках его были черные кожаные перчатки. Я побоялась, что наткнулась на маньяка, или что еще хуже, на Робмуна.

– Девушка, аккуратнее ходите, – без единой эмоции сказал он мне голосом, напоминающим хруст костей, и прошел мимо, а я так и осталась стоять, замороженная незнакомцем. Но тут нас обоих осветили лучи фонаря.

– Черт, – выругались мы одновременно. Подъехали патрульные машины, как всегда, молниеносно. Я бы попыталась сбежать, но спрятаться было некуда, а патрульные умели двигаться быстро.

Однажды я уже попалась ночью. Мне было пятнадцать, то есть почти четыре года назад. Тогда мы с друзьями хотели острых ощущений, поэтому выбрали ночью погулять, но когда нас поймали, лишь сделали предупреждение.

– Так-так, кто тут у нас? – вышел из машины патрульный, сверкнув своим пистолетом. – Проедемся до участка.

– Не-ет, – тихо простонала я. Только этого мне не хватало.

Нас погрузили в машину и, благо, не надели наручники, но когда нас привезли в участок, сразу отправили за решетку в одну из временных камер.

– Подождите минут пятнадцать, скоро к вам придут заполнять анкеты, – сказал патрульный и вернулся к своей работе.

Мужчина, которого задержали вместе со мной, спокойно сел на лавочку, в то время как я металась из стороны в сторону.

– Мне от отца прилетит, и не дай бог, отчислят из универа, – с испугом сказала я.

– Не переживай... – начал тихо бормотать мой сокамерник, но тут же замолчал.

Я села на скамейку, дожидаясь, пока к нам кто-нибудь придет.

В камере было очень сыро, пол не мыли такое ощущение что никогда, в углу висела паутина. Некоторые прутья были слегка погнуты, а где-то в углу в пол вьелись капли крови. Да уж, место малоприятное, особенно если находиться здесь посреди ночи с подозрительным мужчиной. Меня передернуло, то ли от холода, ведь я была одета в черное короткое платье на бретельках и клетчатую бежево-коричневую рубашку, накинутую сверху, то ли от плохой атмосферы.

– Так, ну кто тут у нас? – подошла к нам женщина-работница с листками бумаги и ручками в руках. Я ее тут же узнала, это была Лисия, знакомая моих родителей. Раньше они с

папой были коллегами по работе.

– Умбра Рирких, неприятно удивлена твоим присутствием здесь, – сказала она.

– Я и сама не особо рада... Что нам за это будет?

– Исправительные работы на пять дней.

– Черт...

– У тебя каникулы, так что не думаю, что это будет проблемой.

– Конечно, будет! Работать пять дней с пьяницами и наркоманами! – воскликнула недовольно я.

– Надо думать, прежде чем нарушать закон, – пожала плечами Лисия. – А ты?

Она обратилась к моему сокамернику, который только сейчас соизволил снять капюшон.

– Кассиопей Гоцц, – назвал он свое имя снова таким голосом, от которого у меня по всему телу побежали мурашки. Надо сказать, они появились не только от голоса, но и его вида. Я смела предположить, что ему около двадцати пяти. Иссеня-черные вьющиеся волосы спадали на высокий лоб, пухлые привлекательные губы были нервно поджаты, скулы острились на щеках. Его кожа была гладкой и бледной, как блеск металла под светом фонаря ночью. А глаза... в плохом освещении камеры они показались мне черными, но приглядевшись я все же поняла, что они были темно-карими. Меня зацепила не столь его красота, сколько опасность и холод, исходившие от него. Я чуяла от него эту морозную мяту и

словно поздне-осенний мужской парфюм.

– Подписывайте свои имена, с завтрашнего дня едете на поле №4. Попробуете не прийти — вы знаете, чем вам это грозит.

Я знала. Сначала за тобой приедут и отвезут туда насильно, добавив к сроку еще столько же, а если спрячешься — тюрьма на десять суток.

– Ладно, – сказал Кассиопей, взяв протянутые через решетку бумажки и автоматические шариковые ручки из рук Лисии. Один листик и ручку он передал мне.

Лисия уже написала наши имена на бланках, нам оставалось лишь поставить дату рождения и подпись. Что-то меня дернуло посмотреть, что же написал Кассиопей. Я заметила его руки — длинные аккуратные пальцы, такая же светлая и холодная кожа, как и на лице, кое-где просвечивали вены...

Это был первый раз, когда я обратила внимание на кого-либо противоположного пола после того, как не стало моего парня.

«Нашла где... Это же тюрьма!» – горько усмехнулась я про себя.

Я думала, что боль прошла, но вряд ли боль из-за смерти любимого человека пройдет когда-либо. Вернувшись в реальность, я отдала бланк Лисии.

Я оказалась права, Кассиопею было двадцать четыре года. А его подпись была вовсе не такая простая как моя. У меня то первые буквы имени и фамилии, обведенные в кру-

жок, а вот у него первые три буквы имени, причем первая — отдельное произведение искусства, и на конце красивейший узор.

Лисия открыла решетку и выпустила нас. Прежде, чем мы отправились по домам, нам поставили печать с номером поля на плечо. Сотрется она как раз спустя несколько дней, когда мы закончим работы.

Родители узнали бы в любом случае, поэтому когда полицейская машина довезла меня до дома, я зашла через входную дверь и, конечно же, разбудила родителей.

– Умбра, ты где была? – спросил отец, зевая. За ним вышла мама, мы все вместе сели на кухне.

Ну что ж, это не самое плохое, что со мной случилось. Я рассказала об этой ночи.

– Пап, не кипятись, – попросила его я, хотя самой мне хотелось плакать от того, что я так глупо попалась патрульным. Отца чуть удар не хватил, когда он услышал это.

– Я думал, что в твоём возрасте люди уже здраво мыслят, – сказал он, сев на диван и схватился за виски. Мне было девятнадцать лет, но тем не менее для родителей я по-прежнему оставалась маленькой девочкой, особенно учитывая мою внешность. Все говорили, что я выгляжу максимум на шестнадцать.

– Я здраво мыслю. И я взрослый человек, сама несу за себя ответственность.

– Я знаю. Только вот, пожалуйста, вернись живой и здо-

ровой. Черт знает, с кем еще тебе придется работать.

Глава 2. Кириан

Огонек за огоньком начали появляться за окном поезда домики и фонари улиц, словно звезды в бездонном небе или плавающие в темноте глубин какого-нибудь озера светлячки-рыбы, если такие вообще где-то существуют. Я только открыл глаза, проснувшись в электричке. Рука, на которую я положил голову, затекла и теперь по ней словно кололи мелкими иголками, такими же, которыми кололи мою душу чуть ли не каждый день.

Электричка подъезжала к вокзалу. Я протер глаза, натянул на себя кожаную куртку и отправился к выходу. На улице первым делом я глубоко вдохнул, сам не зная зачем. Видимо, по привычке наполнить легкие свежим воздухом улицы и большого безграничного пространства после теплого и душного транспорта. Заранее я не посмотрел, куда мне отправиться, поэтому сейчас развернул бумажную большую карту города и начал рассматривать улицы. Перво-наперво мне нужно найти жилье. По рекомендации своей соседки я решил снять комнату около центра города. Недалеко находились все красоты искусства архитекторов Каедеса, а по другую сторону трущобы. Я брел по улицам с домами всех оттенков серо-голубого, блекло-зеленого и бирюзового, накрапывал дождь, и в лужах отражались фонари. Трамваи уже не ходили, а их рельсы намокли и блестели. Улица меня вскоре

вывела к нужному мне дому. Обычное многоэтажное жилое здание, самый край приличного района. За ним уже находились беднота и преступность. На всякий случай я припомнил, где у меня лежит все мое оружие. В куртке, карманах штанов, ботинке и, конечно, сумке.

Лифт не работал, я поднялся пешком на восьмой этаж. Дверь была железной, как и большинство сейчас. Это радовало.

Я позвонил в дверь, но никто не отвечал. Возможно, хозяева просто спали, все-таки на дворе была ночь. Но я не сдавался. Соседка говорила, что хозяйка принимает в любое время. Когда я позвонил третий раз, и снова никакого ответа, я перестал быть терпеливым и забарабанил по двери.

Через секунду дверь открыла мне недовольная сгорбившаяся старушка.

– Что ты стучишь? Молодой, подождешь, а таблетки мои не подождут! – ворчала она.

– Вы сдаете комнату?

– Сдаю. Проходи. – Старушка недовольной быстрой раскачивающейся походкой прошла внутрь квартиры, я последовал за ней.

– Это гостиная, там ванная и кухня. Здесь четыре комнаты, их жильцы уже спят, так что не шуми. Сдать могу эту.

Я вошел в комнату, на которую указала старушка. Ремонта в этой комнате, как и в целом в квартире, давно не было. Большое окно выходило на соседнее здание, под окном рас-

положился стол, справа шкаф, слева диван. Жить здесь мне много не надо было, лишь ночевать.

– Ну, как? – спросила меня хозяйка.

– Нормально, – буркнул я.

– Слушай правила: не шуметь, не мусорить, соблюдать график уборки, чужую еду не есть. Животных и девок не водить. Шучу, девок можно, только тихо. Шестьдесят серебряных за месяц.

– Пойдет, – сказал я и отдал сумму.

Хозяйка вышла, а я сразу закрыл дверь на щеколду, кинув сумку на пол.

«Стоит ли вообще тратить силы на это?» – думал я о том, что собирался делать. Мне потребовалось почти полтора года, чтобы восстановиться, и сейчас я снова ступал на опасную тропу. Но я был одержим идеей и разбит изнутри.

Глава 3. Умбра

Парень, которого задержали вместе со мной, Кассиопей, тоже не решил уклониться от ответственности. Вместе с нами прибыли ещё трое человек: двое мужчин лет сорока и женщина, которой скорее всего было около тридцати, но выглядела она невозможно плохо для своих лет. Нам показали наш шатер, где мы все будем ночевать, а потом сразу же провели к месту нашей работы. Нас определили в теплицы с ягодами и выдали инструменты. Сегодня была солнечная и теплая погода, но для таких работ это было плохо. В теплицах и так была жара и даже на улице не охладиться.

Я предвкушала, как мне предстоит тут провести целых пять дней, и хотелось сжечь ко всем чертям эту теплицу. Сколько раз я себе говорила, что нужно быть осторожнее!

Такие наказания не были для жителей нашего острова редкостью. Даже приличные и порядочные люди нередко могли сюда попасть благодаря жестким правилам. Хотя какими бы жесткими они не были, преступность это не уменьшало.

– Каждому – по грядке на сегодняшшний день, – приказал нам мужчина-владелец теплицы. – Убрать сорняки и привязать к палкам кустики. Можно полить еще.

Мне хотелось разрыдаться от того, насколько глупо я попала и насколько глупо введение комендантского часа. Но

я не часто плакала.

Уже не часто.

Сердце уже не сжималось в спазмах боли, я не теряла способности дышать, но все было не так, как прежде. Иногда случаются в жизни такие моменты, которые меняют тебя, делая совершенно другим человеком. У меня таких моментов было два, и один из них был явно приятнее и счастливее второго.

Это была зима, конец декабря. Все улицы были заснежены, с неба валились хлопья снега, а я шла довольная домой, купив себе новую книжку. Мне было четырнадцать лет.

Я все еще отчетливо помню, во что была одета: болотного цвета куртка, фиолетовая шапка, черные широкие штаны и белые ботинки. Книжка не поместилась в сумку, и я несла ее в руках. Люди уже активно готовились к новому году, а город был украшен разноцветными флажками и яркими огнями. Но помимо новогодних красот, были и минусы зимы, например, гололед, скрывавшийся под слоем снега. Завернув за угол одного дома, я не заметила, что под ногами у меня был гладкий лед, припорошенный снегом. Мои ноги заскользили в разные стороны, я начала падать и почувствовала, как задела кого-то, кто тоже повалился вместе со мной. Какой-то мальчик в смешной оранжевой шапке с помпоном лежал рядом со мной и хохотал.

– Прости, – встал он на ноги и помог мне подняться. – Я не думал, что кто-то завернет за угол и что там лед.

– Ничего страшного, – буркнула я. При падении книжка раскрылась и ее страницы помялись, а сама я больно ударила бедром.

– Позволь угостить тебя чаем, в знак извинения, – сказал он. Моим первым

решением было отказать. Во-первых, он был мне незнаком, а во-вторых, он выглядел достаточно нелепо и смешно, хотя наверняка все дело было в шапке.

– Ты сильно ударилась? Может, помочь тебе дойти до дома? Или все же согласишься, чтобы я угостил тебя чаем? – не отставал он. Мне казалось, я всегда плохо разбиралась в людях, однако он сразу вызывал у меня доверие. Его улыбка была чистой и искренней, большие веселые глаза смотрели в мои хмурые. Его голос еще не сломался, поэтому был слегка детским. Да что там говорить, я сама еще была ребенком, не только сознанием, но и по внешности.

Я не была закрытой девочкой, которая боялась общения, слишком не доверяла миру и что-то в таком духе. Просто мне с самой собой было спокойней. Окружающим я казалась спокойной, иногда печальной, тихой. Может, где-то глубоко внутри я хотела иметь близких друзей, но потом почему-то сразу поглощала эти мысли учебной или увлечениями.

Сама не знаю почему, тогда мне захотелось пойти с ним. Уже близился вечер, и я надеялась, родители будут не против, если я немного задержусь. Что-то внутри тянуло меня к этому незнакомому мальчишке.

– Мой дом совсем рядом, – сказал он, указав на старинное многоэтажное здание. «Значит, он живет в квартире», – поняла я.

– Меня, кстати, Нави зовут, – представился он.

– Необычное имя. Но тебе подходит. Я Умбра.

– Приятно познакомиться. Тебе сколько лет?

– Четырнадцать, – ответила я.

– Ровесники, получается. Мне тоже.

– А твои родители не будут против, если я к вам зайду?

– Они не дома, так что можешь не беспокоиться. Правда, ко мне могут прийти друзья, но они раньше времени вряд ли придут.

Я попыталась сделать шаг, но бедро тут же отозвалось болью в том месте, где я на него приземлилась.

– Помочь? У нас лифта нет, – сказал Нави. Одной рукой оперевшись о него, я сумела дойти до его дома. Место ушиба уже чуть меньше болело, и все же подъем до пятого этажа оказался нелегким.

Парадная была совершенно не такой, как в обычных многоквартирных домах. Резные перила с узорами, каменная лестница, потрепанная временем.

Квартира, где жил Нави, была просторной и большой. Я хоть и жила в частном доме и привыкла к тому, что в нем весьма просторно, в его квартире складывалось ощущение еще большего пространства. Она не была украшена как-то роскошно, обычная среднестатистическая квартира, но то,

что меня удивило – лесенка, ведущая куда-то наверх из коридора.

– Там моя комната, на втором этаже квартиры, – объяснил Нави, увидев, что я заинтересованно разглядываю. – Могу потом показать после того, как угощу тебя чаем.

Мы сняли куртки, шапки и ботинки, и теперь я могла лучше разглядеть Нави. Без шапки он выглядел куда лучше. Он оказался достаточно милым. Голубые большие глаза весело блестели, густые русые волосы слегка спутались, на светлой коже с персиковым оттенком была россыпь веснушек. У него были очаровательные щечки, но толстым он не был.

Мы прошли на милую кухню с белой мебелью. Я села за деревянный стол.

– Какой чай ты будешь? – спросил он, поставив чайник. – Есть зеленый, обычный черный, черный с черникой, с мятой, с облепихой...

– Только не с облепихой, – сказала я. Не любила ее вкус.

– О, ты тоже ее не любишь? Моя мама его обожает, а я терпеть не могу. Как насчет мятного?

– С удовольствием.

Пока он заваривал чай, я думала, что прежде даже не гуляла ни с кем, а тут пошла к какому-то мальчику домой. Но страха я не чувствовала, а я всегда доверяла своим чувствам.

Только он налил чай и поставил две большие кружки на стол, как раздался звонок в двери.

– Они раньше, что ли, пришли? – удивился он и быст-

ро пошел в коридор, открывать дверь. Послышались веселые голоса. Кажется, их было двое – мальчик и девочка.

Нави проводил их на кухню, и увидев меня, оба его друзей застыли.

– Это Умбра, – представил он меня. – Мы столкнулись на улице, и по моей вине Умбра упала, ударилась бедром и помяла книгу. Поэтому в качестве извинения я предложил ей выпить чай.

– Ну, ты, как всегда, прям джентльмен! – воскликнул его друг. – Я Бренн, это Лола.

Друзья Нави были тоже нашего возраста. На обоих одинаковые зеленые свитера, а на шеях обоих висели кулоны – половинки сердец, которые соединялись в одно. Я понимала, что они не брат и сестра, но лицами они были похожи друг на друга. У обоих слегка округлая форма лица, большие глаза и густые черные ресницы, яркий пигмент пышных губ, ямочки на щеках, но зато они отличались цветом волос. У Бренна коротко-подстриженные темные волосы, а у Лолы синие со слегка отросшими светлыми корнями. И еще под ее правым глазом была крупная родинка.

– Ты сильно ушиблась? – спросила сразу Лола, услышав про бедро.

– Нет, оно уже почти не болит, но спасибо.

– А книжка сильно помялась? – спросил Бренн.

– Не думаю, что несколько мятых страниц помешают мне читать, – сказала я.

– Что за книжка, кстати? – поинтересовалась Лола, усевшись ко мне за стол и взяв с полки шоколадную конфету.

– Легенды о русалках и нимфах, часть про пиратов на территории эльфов, – ответила я. Вообще, я читала совершенно разные книги, но и легендам было место на моей полке.

– Ухты, как интересно! – воскликнула Лола, жуя шоколадную конфету. – А я вот больше поэзию люблю.

– Во многом потому, что стихи можно не просто прочитать, а пропеть под музыку, – добавил Бренн. – Лола – музыкант.

– Ты играешь или поешь? – поинтересовалась я.

– И то, и то. Я играю на электрогитаре и на акустической.

– И надо сказать, у нее талант, – вновь добавил Бренн.

– Зато вот мальчишки вообще далеки от какого-либо искусства, – сказала Лола.

– Неправда, что-то в искусстве мы смыслим, – возразил Нави. – Например, обожаю все, что связано с луной и звездами. Недавно ходил на уличную выставку современных картин и видел там такую картину полумесяца... Как настоящий! «В тени облаков» картина называется.

У меня едва не вспыхнули щеки от смущения, как только я услышала собственное название.

– Это моя картина, – скромно призналась я. – Я не занимаюсь профессионально, но мою картину все равно взяли на выставку.

– Это очень круто! – сказал Нави.

Ребята были дружелюбными, веселыми и простыми. Я быстро нашла общий язык с ними, и в тот вечер еще не знала, что обрела по-настоящему близких друзей.

– Ты можешь работать аккуратнее? – выдернул меня из воспоминаний Кассиопей, на которого я случайно брызнула водой из шланга.

– Прости, – сказала я. – Зато охладишься, вон день какой жаркий!

Даже сквозь его солнечные очки я заметила, как он закатил глаза. Мы продолжили работать.

Мой комбинезон был уже испачкан в земле. Я не заморачивалась над внешним видом, чтобы ехать сюда, поэтому надела светлый джинсовый комбинезон, майку под него, а на ноги кроссовки, в которых мои ноги уже вспотели. Чтобы не потела шея, я завязала свои не особо длинные прямые блекло-коричневые волосы в пучок. Моя кожа была бледной, но если следующую работу нам дадут на улице, она непременно стгорит и станет красной.

Я знала, куда ехала, поэтому о макияже забыла, и теперь мои светлые брови и ресницы делали меня младше на несколько лет. Правда, о бальзаме для губ я тоже не подумала, и теперь сгрызала сухие губы до крови.

Кассиопей то и дело поглядывал на часы, будто должно было что-то произойти, но кроме ругани других, отбывающих наказание, ничего интересного не происходило.

После половины первой грядки с меня стекал пот. Я тоже

показывала свое недовольство периодическими ругательными, но достаточно приличными фразами, особенно когда я что-то опрокидывала или ломала стебельки.

– Четырнадцать тридцать одна, – тихо произнес Кассиопей.

– Ну да, через двадцать девять минут обед, – откликнулась я.

– Я должен быть не здесь. Если бы не врезался в тебя, все было бы нормально, – ворчал он.

Я понимала, что, возможно, он злился еще и из-за жары, вынуждавшей выпивать по два литра воды в час. Хорошо, что с водой нас не ограничивали.

– Какого черта я вообще с тобой столкнулся? – чересчур недовольно спросил Кассиопей.

– Тем же вопросом задаюсь, – буркнула я в ответ.

Под вечер у меня уже не было сил ему отвечать. Жара, большая физическая нагрузка и злость на себя за невнимательность прошлой ночью вымотали меня, что я без ужина сразу завалилась спать. Мне было все равно, что мы спали впятером в одном шатре в спальниках, в который я даже не забралась, хоть ночью было и прохладно.

Глава 4. Умбра

Завтракали мы в поле на ободранных скамейках и столе с облезшей краской. Каша была пресной, а чай слабо-заваренный, но горячий. Хотя при таком солнце он вообще вряд ли остынет. Нарушители, с которыми я работала, грязно ругались, обсуждая тяжелую работу, которую мы выполняли.

– Вон молодые, пусть работают за нас, – кивнула в сторону меня и Кассиопея женщина. Она не была старой, не больше сорока, но ее опухший вид придавал ей несколько лет. У меня сложилось ощущение, что она была зависима от запрещенных веществ, настолько ее лицо было нездоровым.

– Права ты, права, — согласился один мужчина.

– Не будем мы за вас работать! – возмущенно воскликнула я. – Каждый должен сам отбывать свое наказание.

– И правильно, девочка. Не зря же их сюда отправили, – поддержал меня другой мужчина.

Кассиопей со вчерашнего утра не произнес ни слова. Не говори я с ним до этого, подумала бы, что он немой. Он словно находился в своих мыслях и был чем-то сильно озадачен, его брови хмурились, а взгляд смотрел в пустоту.

К нам подошел владелец теплиц и поторопил, чтобы мы быстрее закончили с завтраком.

– Сегодня переходите к вишневому саду. Корзинки для ягод найдете в сарае, – сказал нам он. – Можете радоваться,

завтра жара спадет.

Сегодня работалось чуточку легче, чем вчера. Может, все дело в том, что я уже свыклась с мыслью о пребывании здесь.

Жалко, что я не взяла солнцезащитный крем, потому что спустя час на открытом солнце моя кожа покраснела, начав обгорать, а деться было некуда. Если закрыться кофтой, я изжарюсь еще сильнее. Чтобы не напекло голову, я надела свою любимую черную кепку, которую носила уже очень много лет. И тем не менее она не спасала мое лицо от нещадящего солнца.

Зато бледная кожа Кассиопея никак не менялась, оставаясь такой же гладкой и светлой.

Собирая вишню, я не сразу вспомнила, что это была любимая ягода Лолы. От этой мысли я тяжело вздохнула.

Мне всегда казалось, она постоянно что-то жевала. Она в принципе любила поесть, но каждую свободную минуту она перекусывала то конфетами, то ягодами, то орехами, то еще чем-то. Единственные моменты, когда она не ела – когда играла на гитаре и пела.

Помню, это было лето, нам было по пятнадцать, и Лола позвала нас, чтобы мы первые услышали ее новую песню, музыку и текст которой написала она сама.

Лола, как и я, жила в частном доме, и у ее родителей был небольшой вишневый сад. Как раз тогда был сезон вишни, поэтому она нас угостила ею, пока сама готовилась к показу песни.

Исполнять ее ей помогала ее младшая сестра Алиса, которая отлично играет на барабанах. У нее была даже своя барабанная установка дома, но у них не было комнаты со звукоизоляцией, поэтому родители не всегда были рады увлечению дочерей.

Лола бегала из комнаты в комнату, то подкрашивая себе глаза, чтобы выглядеть как настоящая рок-звезда, то искала медиатора, то спрашивала нас, удобно ли мы сидим и не хотим ли чего-нибудь попить. Она была взволнована, из-за чего много суетилась, хотя в других ситуациях она всегда была спокойна. Лолу нельзя было назвать человеком, который постоянно переживает о чем-то, скорее наоборот, ее редко что тревожило, она легко преодолевала все трудности и проблемы.

И в какой-то момент нашей дружбы я переняла это качество и на себя. Я стала более веселой и менее зацикленной на проблемах, которые можно было легко решить. Только вот после ее потери я утратила это. Моя жизнь превратилась в существование.

– Малышка, мы же твои друзья, – напомнил ей тогда Бренн. – Тебе не нужно переживать, я уверен, нам очень понравится твоя песня.

– Ладно, – вздохнула она. Было весьма нежаркое лето, но Лола оделась в короткое черное платье с пышной юбкой и открытым верхом. От синего цвета волос она не отказывалась, но теперь в него были выкрашены только концы, а остальная

длина была ее натурального светлого цвета. Тревога отражалась и в ее карих, как темный шоколад, глазах.

Бренн, с которым они были возлюбленными уже два года, встал и обнял Лолу, чтобы ей стало чуть спокойней.

Это действительно успокоило ее, и тогда они с Алисой продемонстрировали нам песню.

– Песня называется «История одного звездопада», – объявила Лола, и Алиса начала играть первой, после чего начала и Лола.

Красивая песня с ярким и одновременно пронизывающим душу звучанием повествовала о мечтах и звездах.

Я гордилась за подругу. Она не раз говорила, что в будущем хочет связать свою деятельность с музыкой, и было ясно понятно, что это ее призвание. Песня так подходила ей по характеру, слова отлично сочетались с музыкой, которая не была нежной, но и грубой не казалась.

– Тебя ждет большое будущее, – сказал ей Нави. – Это замечательно.

– Спасибо, – пыталась отдышаться Лола, выпивая уже второй стакан воды. – Мне и самой понравилось, как я ее исполнила. Алис, ты тоже умничка!

Лола уселась к нам на диван и стала есть вишню ягода за ягодой, пока большая миска не опустела.

– Это я от адреналина не могу остановиться, – сказала она, доедая последнюю ягоду из этой миски. Но было еще две тарелки.

Однако песня Лолы была не единственным, чем мне запомнился тот день. После прослушивания ее песни, Нави решил провести меня домой, и пока мы шли, он в первый раз взял меня за руку.

Меня в тот момент переполняло счастье. Мы были хорошими друзьями, но в какой-то момент я начала подозревать, что с моей стороны это не просто дружба. А когда он меня взял за руку и в моем животе словно вспыхнул фейерверк радости, я убедилась в этом.

– Вот бы хорошо найти свое предназначение, как Лола, – сказал тогда Нави. – По ее глазам и чувствам, вкладываемым в песню, было видно, как она вкладывает в это всю душу и наслаждается этим.

– Зато у меня совсем нет идей, где я хочу реализовать себя, – призналась я.

– Ты найдешь, – пообещал мне он. – Я уверен, что бы ты не начала делать, у тебя все получится. Главное, слушай свое сердце.

С того момента прошло четыре года, а я до сих пор не знала, чего хотело мое сердце. А если за это правонарушение меня выгонят из института, я вообще нормальную работу себе не найду.

– Работай поактивнее, – поторапливал меня проходящий мимо владелец этих полей. – О жизни потом думать будешь. Когда он прошел дальше, я недовольно пробормотала: – Я вообще тут делать ничего не хочу.

– Не надо было по улицам ночью шататься, – тихо, но резко бросил мне Кассиопей. – Тогда бы ничего тут и не делала.

– У меня не было выбора! – ответила я с агрессией, продолжая срывать вишню.

– Не соглашусь, – спокойно и равнодушно говорил он, хотя мне казалось, внутри у него сейчас бушевали тысячи эмоций. – Сама виновата, что оказалась здесь.

– Потому что в тебя врезалась. Если бы не ты, я бы успела ускользнуть.

– Ты еще и на меня это вешаешь? Думаешь, у меня важных дел нет, кроме как ягоды собирать?

– Между прочим, ты и сам шел тогда ночью по улице, – напомнила я. – Видимо, со своих важных дел.

– Собственно, как и ты. Настолько важные дела, что у тебя «не было выбора», – процитировал он мои слова. Но он действительно не знал, откуда я шла и почему так поздно. И вряд ли такой черствый человек, как Кассиопей, понял бы меня.

Да, внешность у него была действительно красивая. Опасная и притягивающая. Но как я успела заметить, за ней прятался совсем не привлекательный человек, порою слишком задумчивый и равнодушный. Грубый, эгоистичный придурок. Кажется, последнюю фразу я произнесла шепотом, и он услышал, но я не жалела об этом.

– Взаимно, – усмехнулся он, легким движением подхватив наполовину полную корзинку и перешел к другому дереву

на расстоянии от меня.

Я радовалась, когда с заходом солнца пропала эта изнуряющая жара. Сразу после ужина женщина и один из мужчин завалились спать, а вот мне пока что не спалось. Другой мужчина сидел в поле и курил, а мы с Кассиопеем молча сидели под темным небом, полным маленьких далеких звезд. Нас освещал тусклый желтый светильник, работающий на батарейках, который стоял посреди стола, и почти полная луна.

Кассиопей накинул на себя толстовку и капюшон. Мне же было больно накинуть что-либо на себя. Мои плечи, спину, лицо и руки жгло от каждого прикосновения. У Кассиопея лицо и грудь тоже немного обгорели, но не так сильно, как у меня.

Мы не говорили ни слова, просто пили чай. Я даже не смела догадываться, о чем мог думать Кассиопей, но я думала, как же мне хочется домой. Мы совершенно не заметили, как к нам сзади подошел владелец полей, весело сообщив:

– Завтра продолжите собирать вишню. – Он резким и сильным движением в знак подбадривания хлопнул сначала меня, а потом Кассиопея по плечу, от чего я поморщилась и зашипела.

Владелец полей ушел, а я старалась восстановить дыхание от жжения на коже.

– Может, тебя сметаной помазать? – предложил вдруг совершенно неожиданно Кассиопей. В его грубом серьезном голосе не было нотки заботы и энтузиазма, скорее это было

сказано вообще с отсутствием каких-либо чувств.

– Кассиопей, если ты это спросил чисто из вежливости, можешь не утруждаться, – ответила я.

– Зови меня Кас. И я просто предложил, увидев, что тебе больно. Обычная человечность.

Я закрыла глаза, подумав. Мы не были настроены дружелюбно друг к другу, но от сметаны мне действительно станет легче, потому что если я лягу, и моя кожа коснется отнюдь не мягкой и шелковистой ткани спальника, я точно не засну от неприятных ощущений.

– Я попрошу баночку сметаны, – сказал он и направился к владельцу полей, который еще не ушел далеко.

Кас быстро вернулся со сметаной. Он закатал рукава толстовки, и на его руках, оставшихся такими же белыми, под светом луны просвечивали вены, что делало его еще привлекательней. Его длинные напряженные пальцы размазывали по моим плечам сметану, которая приятно холодила кожу. У меня даже мурашки пробежали по телу от его прикосновений.

– Прости, утром я немного вышел из себя, – сказал он. – Что за такие важные дела могли быть, чтобы возвращаться домой так поздно?

Мне не хотелось отвечать, но такая близкая обстановка породила во мне откровения. Кас немного пугал меня, но при этом я не боялась сказать ему что-то личное, хотя мы были совершенно незнакомы.

«Может, ты просто устала от боли и одиночества?» – спросил меня мой внутренний голос.

– Я была с подругой, – ответила я. – Она проходила прослушивание в рок-группу, выступила с песней своей старшей сестры, потому что... – мой голос слегка осип на этой фразе, – потому что ее сестра больше никогда не сможет спеть эту песню.

– Она умерла? – догадался Кас. Я кивнула. Казалось, я смирилась уже с этой мыслью, и Алиса смирилась с тем, что ее сестры больше не было. Но иногда тоска преодолевала все мысли, особенно ночью, когда искренность и все чувства проявлялись сильнее.

Когда после прослушивания Алисе отказали, она не могла успокоиться. Эта песня была лучшей из всех, которые написала ее сестра, только последний куплет она не успела сочинить. Он был дописан Алисой.

Я боялась представить, как сложно было Алисе выступить с этой песней, и как разбилось ее сердце, когда она услышала резкое, но твердое «нет».

– Ей отказали в песне, а потом я успокаивала подругу, боялась оставить ее одну. Потому и возвращалась так поздно, – закончила я, не уточняя Касу подробностей. – А ты?

– С другом допоздна засиделись, ничего особенного.

Странный ответ, но я решила не допытываться. Когда Кас стал мазать мне лицо, я закрыла глаза. То, как нежно он наносил сметану на мое лицо, чувствовалось как будто мягкий

шелк, проводимый по коже.

– Спасибо, – сказала я ему, когда он закончил. – Может, тебя тоже намазать? Ты тоже слегка обгорел.

Он задумался, но потом все же кивнул. Больше всего у него обгорели нос и грудь по вырезу футболки. Мое лицо было близко с его, и как и я, он отводил взгляд, пытаясь не смотреть мне в глаза.

Казалось, по какой-то неведомой причине, то небольшое расстояние между нами было накалено. Я словно ожидала, что сейчас между нами полетят серебристые искры.

Я загоразживала от него свет, из-за чего его темно-карие глаза казались черными, точно бездонными.

Когда я перешла к его груди и слегка залезла на участок между плечом и шеей, мне пришлось чуть отодвинуть ворот футболки и толстовки. Мне показалось, сзади, там, где был его позвоночник, что-то светилось.

Может, от светильника отсвечивает?

Но отодвинув футболку от его спины, я убедилась в том, чего неосознанно опасалась. В районе шеи начинала светиться серебристая светящаяся полоса, уходившая по позвоночнику вниз.

Я резко отскочила от Каса. Мое сердце бешено колотилось, а желудок был точно наполнен тяжелыми камнями.

Кас сначала оскалился, поняв, что я увидела, но тут же принял равнодушное выражение лица.

– Ты Робмун? – с опаской спросила я.

– И? Пойдешь и доложишь на меня? – усмехнулся он.

Во мне вспыхнул огонь ненависти. Такой сильной, что я сжала кулаки.

Может, конкретно Кас и не виноват, но из-за Робмунов, из-за этих Грабителей Лунного Света убили близких мне людей. Двух друзей, которые дали мне то, чего я не могла бы дать самой себе, и мою любовь, который стал частичкой меня.

Я побоялась, что если доложу на него, он найдет меня и зарежет. Или утопит. Или использует другой способ избавиться от меня. Может, я была недовольна своей жизнью, но не до такой степени, чтобы попрощаться с ней.

– Не буду ломать кому-то жизнь. Через три дня мы с тобой больше никогда не увидимся, – ответила я, и направилась в шатер, жалея, что не протащила с собой на всякий случай хотя бы ножик.

Глава 5. Кириан

Утром в моих мыслях было столько сомнений, что даже крепкий кофе не избавил меня от них. Казалось, я уже решил действовать, но другая половина меня уговаривала продолжить тихую, спокойную жизнь.

И плевать на несправедливость и всю пережитую мною боль.

Вы когда-нибудь задумывались о значимости семейных реликвий? С моей семейной реликвией, за которой охотились много лет, было связано много загадок и неясных вещей, но одно я знал точно: ее украли, причем самым ужасным образом. Предательством.

Я жаждал отмщения, жаждал вернуть ее себе, кровному наследнику этой реликвии, но еще больше мне хотелось прояснить ее историю, которая была мне совершенно непонятна. А спросить было уже не у кого.

Поиски я должен начать с самого крупного города Каедеса – Диврета. Многие поколения моей семьи жили здесь, пока мои родители не переехали в маленькую деревушку на южном берегу океана. Но потом моих родителей убили за эту семейную реликвию. Пришли... люди, требующие ее отдать им, но на тот момент она уже была украдена. Я чудом спасся, а вот мои родители – нет. Хотя бы ради них я должен вернуть ее и понять, в чем такая ценность, что за ней охотится

столько людей.

Родственников у меня осталось немного, и все относительно молодые, поэтому могут и не знать об этой реликвии, однако стоило попытаться начать поиски хотя бы с этого.

Чтобы убедиться, что они еще живы и узнать, где живут, я взял мамину телефонную книжку и нашел там телефон ее сестры, которая жила в Диврете. Насколько я знал, она была не намного старше меня, лет на пять. А мне было двадцать шесть. На кухне висел проводной телефон. Я набрал номер, приложив трубку к уху, и стал ждать. Сначала мне долго не отвечали, и я уже было подумал, что так и не ответят, но вскоре все же подняли трубку. Ответил приятный женский, точнее, я бы даже сказал, девичий голос:

– Добрый день, дом семьи Дэллет.

Дэллет – фамилия моей мамы и ее сестры. Моей отец взял фамилию моей мамы, и, кажется, то же самое сделал муж моей тети. Фамилия была небызвестна в истории, о чем говорит хотя бы принадлежность нам той ценной реликвии, которую я ищу.

– Мое имя Кириан Дэллет, я племянник Августы Дэллет.

– Так звали мою тетю.

– Я няня ее детей, Августы пока нет дома, – ответила девушка на том конце провода. – Я могу что-то ей передать?

– Мы давно не виделись с ней, я бы хотел зайти в гости.

– Думаю, вы можете зайти сегодня вечером, после шести часов. Надеюсь, вас устроит. Я передам Августе. Записывай-

те адрес: улица...

– Спасибо, – сказал я, записав адрес в телефонную книжку мамы, и повесил трубку.

Что ж, даже если я не узнаю ничего про реликвию, хотя бы повидаясь с родственницей, которую видел последний раз на похоронах родителей, а до этого не видел лет пятнадцать.

Я вернулся в свою комнату и достал из сумки приличную одежду, чтобы пойти в гости – черную рубашку и брюки. Утюга здесь, судя по всему, не было, поэтому я повесил их на вешалку, чтобы за пол дня успели разгладиться. Мне нужно было что-то поесть. Пока я ехал сюда практически через весь остров, съел лишь булочку с чаем, а сегодня утром кофе. С таким питанием долго не протянешь, поэтому я сунул кошелек в карман и пошел в ближайший магазин. От родителей мне досталось все их состояние, это были огромные деньги. Почему я решил снять комнату, когда мог позволить снять себе хорошую квартиру? Все просто, мне нужны были люди, от которых я мог узнать что-нибудь полезное, и ко всему прочему, я не чувствовал себя достойным тратить деньги на собственный комфорт, потому сгодилось и такое жилье.

Моя семья была достаточно богатой, на юге у меня остался большой дом, где мы жили. Но за те почти полтора года, с момента как не стало моих родителей, я его запустил, поэтому везде, кроме моей спальни, кухни и ванной вся мебель и полы были покрыты толстым слоем пыли.

По образованию я был астрономом, у меня были весьма

обширные знания в этой сфере, я проучился в институте пять лет и даже подумывал продолжить развиваться в науке по этой специальности, но судьба распорядилась иначе, и какое-то время я просто преподавал астрономию в школе, а когда не стало моих родителей, ушел с этой работы.

Я бродил между полок магазина, внезапно задумавшись, почему выбрал именно эту специальность. Меня с детства привлекал космос. Я не мечтал стать космонавтом, как многие дети, и тем не менее звезды и планеты интересовали меня больше, чем что-либо другое.

Я положил в корзину для покупок бутылку молока, десяток яиц и картошки. Признаться, я отлично готовил несмотря на то, что все мое детство на нашей кухне работали повара. Но сейчас у меня не было настроения готовить сложные изысканные блюда.

Мое состояние было словно ожиданием, но я не понимал, чего ждал. Последние несколько лет от меня не уходило чувство, будто я – не я. Словно я существую, а чтобы жить, мне нужно что-то сделать.

Смерть родителей немало повлияла на меня, и тем не менее я уже давно свыкся с этой мыслью, а ощущение простого бессмысленного существования не покидало меня.

Мне было некому высказаться. У меня не было ни девушки, ни друзей. Чтобы как-то справляться с периодами апатии, я занимал себя двумя вещами. Первая – я изготавливал ювелирные украшения на заказ, в основном с лунным кам-

нем. У моих родителей был большой ящик этих камней, поэтому я делал серьги, кольца и кулоны с этими камнями, запас которых был огромен. Зачем-то я и сюда с собой взял мешочек с ними.

Второе, что меня спасало от тоски и уныния – спорт. Я бежал и укреплял мышцы упражнениями, что здорово спасало меня от ужасных мыслей, и благодаря этому я имел красивое накаченное тело, что при моем высоком росте наверняка смотрелось привлекательно в глазах многих девушек, но мне не было до них дела. Один раз я уже полюбил, и больше не собирался, чтобы мое сердце и безопасность не порушились вновь.

Глава 6. Кириан

Я стоял перед неплохим частным домом. Не старинный особняк, какой был у нас, а современный, не примечательный чем-то особенным внешне, двухэтажный дом за высоким железным забором.

Я нажал на звонок, и через минуту калитку мне открыла девушка, с которой, судя по всему, я говорил по телефону. На вид ей было лет восемнадцать, не больше. Белые с золотистым оттенком волосы были заплетены в косу, глаза ярко накрашены чёрным, одета в синюю широкую кофту, заправленную в чёрную короткую юбку.

– Вы Кириан Дэллет? – уточнила она, внимательно рассматривая меня.

– Да.

– Пройдемте.

Она проводила меня в дом, к которому от калитки вела дорожка из светлой плитки. По ее краям росли аккуратно стриженные деревья, а за ними в глубине сада виднелись беседка и деревянные качели.

Внутри дом был таким же, как и снаружи. Простым, но уютным. Девушка проводила меня в просторную гостиную, которая граничила с кухней и лестницей, ведущей на второй этаж.

– Августа еще не пришла. Могу предложить чай.

– Благодарю, – кивнул я.

Она ушла на кухню, а я сел на мягкий большой диван, накрытый покрывалом в цветочек, рядом с девочкой, которая рисовала что-то на листе бумаги.

Няня быстро принесла мне кружку черного чая, сев рядом. Вместе с ней с кухни вышел мальчик, держащий в руках плюшевого кота.

Я отхлебнул горячий чай и, наконец, понял, что я так и не спросил имя няни.

– Как вас зовут?

– Алиса.

Дочь моей тети закончила рисунок и показала его Алисе. Казалось, девочку совсем не смущало мое присутствие, хоть мы и виделись первый раз.

– Ухты, как красиво! – воскликнула Алиса. На рисунке было ночное синие небо со звездами и полумесяцем. Для ребенка пяти лет действительно было нарисовано красиво.

– Вы же не знакомы друг с другом? – спросила у меня Алиса, имея в виду детей.

– Нет.

– Поняла. Зайки, – обратилась она ласково к детям. – Познакомьтесь, это ваш двоюродный брат, Кириан.

Я понятия не имел, как обращаться с детьми, но они мне радостно улыбались, и я ответил им тем же, хотя мне казалось, искренней улыбки уже давно не было на моем лице.

– Я покажу Кириану другие мои рисунки, – подскочила

моя кухня и побежала наверх по лестнице.

– А почему ты к нам раньше не приходил? – спросил кузен с менее выявленным энтузиазмом.

– Я жил в другом городе, – ответил я.

Он был менее активным, чем кухня, которая тут же прибежала вниз с пачкой рисунков.

Мне казалось, обычно дети рисовали цветы, домики, животных и свою семью. У нее же почти все рисунки были пейзажами, и около половины – ночь. Надо сказать, луна на рисунках у нее получалась достаточно хорошо. Это был не просто белый круг, означающий луну, а разные ее фазы с разными оттенками на каждом рисунке, с горами, тенями и облаками.

– Это очень... – я не знал, как сделать комплимент ребенку. – Очень красиво.

– Спасибо. Я пойду к себе в комнату и нарисую тебе что-нибудь, – сказала радостная кухня, сгребла в охапку все карандаши со стола и побежала наверх. Кузен же переместился на пол, застеленный узорчатым ковром, и теперь играл с деревянными игрушками.

– Вы откуда приехали? – поинтересовалась Алиса.

– С юга, с маленькой деревни, – коротко ответил я. У Алисы были заметные синяки под глазами, что складывалось ощущение, будто по ночам она не спала. Мне стало интересно, чем она занималась помимо этой работы, и почему у нее такой усталый вид и печаль в глазах, которую было сложно

заметить за веселой маской, оказывавшейся на ее лице перед детьми.

Но я не спросил, я запретил себе это делать.

Никаких личных интересов, никаких сближений.

Хотя Алиса и сама смотрела на меня с интересом.

Как бы мне ни было плохо внутри, я старался выглядеть хорошо хотя бы внешне. Моя кожа была бледной, хотя скорее, нездорового бледного оттенка. На нижней части лица была трехдневная темная щетина. Мои черные волосы, доходившие до лопаток, я собрал в небрежный пучок на макушке. Рубашка хоть и была немного мятой, это было незаметно, поскольку она обтягивала мои крепкие мышцы.

Раздался звук открывающейся двери. Мы еще не успели среагировать, как дети побежали радостно встречать свою мать.

Августа и моя мама не были похожи внешне, и тем не менее то, как она радостно обняла и поцеловала обоих детей, после чего достала из сумки большой пакет шоколадных конфет в яркой обертке и протянула им, не могло мне не напомнить мою маму. В детстве она часто приносила мне какие-нибудь сладости, когда возвращалась с работы. Но я радовался ее приходу и без сладостей.

И мама, и папа были для меня самыми близкими людьми, которые мне всегда помогали, всегда поддерживали и безмерно меня любили.

Я всегда мечтал отплатить им чем-нибудь за все, что они

мне дали. Денег у них было достаточно, но я мог их отблагодарить иными путями. Устроить путешествия. Подарить внуков. Стать хорошим человеком и добросовестным успешным работником. Ученым, например, чтобы они мною гордились.

Но этому уже не случится. Во мне не было ничего, чем они могли бы гордиться. Разве что то, что я продолжал жить и не сдался, но это сомнительный повод для гордости. Даже наоборот. Заслуживал ли я жить? Ведь в какой-то мере их не стало из-за меня. Не я их застрелил, но если бы я получше разбирался в людях, этого бы не случилось. Теперь у меня не было доверия к людям и никакого желания сближаться с кем-либо.

– Кириан, – сказала Августа, увидев меня. – Не виделась с тобой несколько лет.

– Да, – кивнул я, и мы поцеловали друг другу щеки, как это было принято.

– Когда мне позвонила Алиса, я удивилась. Не думала тебя увидеть в Диврете.

– Мне... было тяжело начать что-либо.

– Я понимаю тебя.

– Но сейчас я решил хоть немного вернуться в нормальную жизнь.

«Вполне вероятно, что ненадолго», – мысленно добавил я.

– Это хорошо.

Августа стала расспрашивать, что ели ее дети в течении

дня и чем они занимались. А я задумался, что мне нужно было поговорить с тетей о реликвии, для чего мне не нужны были лишние слушатели, но я не знал, как бы повежливее об этом намекнуть.

Августа заметила мое замешательство и сама догадалась об этом:

– Алиса, дорогая, поиграй с детьми, а мы пойдем на кухню, обсудим нашу семью, – сказала она, направившись на кухню, и я последовал за ней.

Мы прошли на кухню, Августа закрыла дверь, и мы сели за стол друг напротив друга.

– Думаю, ты что-то хотел сказать, – догадалась Августа.

– Я не просто так приехал в Диврет. Я хотел обсудить «Луна осветит реку».

Такое название было у нашей семейной реликвии. Почему-то произносить его вслух было странно, будто я называл что-то священное и тайное.

Мне казалось, что несмотря на закрытую дверь, Алиса все равно подслушивала.

– Боюсь, я знаю не на много больше, чем ты, – разочарованно вздохнула Августа. – Она хранилась у вас дома.

– И все же, что тебе известно?

– Все детство я думала, что это просто картина. Красивая картина, написанная нашим предком, талантливым художником, но не более. О том, что она представляет особую ценность, я узнала только когда ее украли. Зачем ты интере-

суешься этим?

– Хочу вернуть ее, – тихо, но уверенно ответил я. – И понять, что там за ценность.

– Боже, ты вслед за родителями решил отправиться? – воскликнула Августа.

– Это уж судьба решит, – равнодушно пожал плечами я. – Но думаю, мне нужно вернуть то, что принадлежит нам.

Августа задумалась. Я не собирался ее втягивать в это, для нее я хотел безопасности. У нее была семья, работа и вполне счастливая жизнь, которую я не смел бы разрушать. Но если она обладала хоть какой-то информацией, мне нужно было ее знать.

Я сомневался насчет своего такого семейного будущего. Возможно, за правду о реликвии и ее саму в руках своего законного владельца, я лишусь жизни.

Ну и прекрасно.

– Кража связана с Грабителями Лунного Света, так? – уточнил я.

– Насколько мне известно, да.

– Это сужает поиски.

– Дорогой мой, если ты хочешь пойти против Робмунов один, у меня для тебя плохие новости. Ты почти сразу же будешь мертв, – предупредила Августа.

– Знаю. Но я вижу перед собой только одну жизненную цель.

– Я знаю только одно, чем могу тебе помочь. У меня есть

одна вещь... Архив уже закрыт, не против сходить туда завтра?

– Хорошо. Если считаешь, что это поможет поискам, то пошли.

– Не гарантирую, но эта вещь может быть связана с «Луна осветит реку». Знаешь, где архив находится?

Я понятия не имел, но вполне мог найти на карте, поэтому кивнул. Мне стало любопытно, что это за вещь, но я решил не спрашивать раньше времени.

– Тогда завтра встречаемся там в час дня, – решила Августа, и мы вышли обратно в гостиной, где моя кузина показывала Алисе то, что она только что нарисовала.

– Кириан! – воскликнула кузина, подбежав ко мне и протянув рисунок. – Это тебе!

Ее улыбка была такой невинной и искренней, что я ей даже позавидовал. Она не знала, насколько жестоким может быть этот мир.

Я принял рисунок, улыбнувшись.

– Я не совсем умею общаться с детьми, – слегка виновато сказал я тете и Алисе.

– Зайка, Кириану очень нравится твой рисунок, ты такая молодец! – похвалила ее Алиса вместо меня. – Ты же не забыла убрать за собой карандаши в коробку?

Ее голос был таким ласковым и добрым, что кузина улыбнулась ей и кивнула. У Алисы общаться с детьми получалось

очень хорошо.

Рисунок кузины был и правда красивым, в таком возрасте не каждый умел так рисовать. Но и не столь художественные навыки меня здесь зацепили. На рисунке был парень, очень похожий на меня, сидел на берегу реки среди скал и лесов. Над головой была полная луна, чей свет падал прямо на парня. Преобладали синие, зеленые и фиолетовые цвета. От рисунка у меня побежали мурашки по коже, но я не понимал, что меня так впечатлило.

Я свернул рисунок в трубочку и сунул в карман брюк.

Когда я уходил, кузина помахала мне рукой, мило улыбаясь. У меня сложилось впечатление, что я ей понравился, хотя искренне не понимал чем. Пустотой и сломленностью?

Во всяком случае, дети часто чувствуют больше взрослых.

Глава 7. Умбра

Ходил слух, что Робмуны совершают убийства ради жертвоприношений. И этими жертвами стали три моих близких человека. Мне было плевать, что эти убийцы по-настоящему делают и в чем заключается их деятельность, потому что теперь я ко всем ним питала неподдельную ненависть, а еще неосознанно опасалась их больше, чем прежде.

Весь день я ходила сама не своя. Утром мне хотелось наброситься на Каса, накричать на него и побить, хоть он и не виноват в смерти моих друзей. Потом я каждую секунду пугалась от любого шороха, думая, что он меня прирежет где-то под вишневым деревом. А потом я успокоилась.

Это не было спокойствие, которое можно было сравнить с равнодушием. Больше мое спокойствие походило на затишье перед бурей, или в моем случае затишье перед собственными чувствами или мыслями.

Сегодня не была такая сильная жара, а солнце периодически скрывалось за облаками, поэтому работать было проще.

Култ, религия, секта, тайное общество... Мне было плевать, что из себя представляли Грабители Лунного Света. Наверняка что-то было связанное с Луной. Но если они обладали магией Луны, обязательно ли убивать ни в чем неповинных людей? Я помнила слова, которые мне сказал Нави однажды: «Можно любить луну и чувствовать ее особую

энергию просто так, не относясь к Робмунам».

То лето выдалось прохладным, но мы выбрали деньки потеплее и отправились в поход. Родители пятнадцатилетних нас ни за что бы не пустили, поэтому я, Нави и Бренн сказали, что мы идем на ночевку к Лоле, а Лола своим родителям сказала, что идет на ночевку ко мне.

Ребята любили часто выбираться на природу, в то время как я до знакомства с ними не получала никакого удовольствия от пикников, прогулок по лесу и поездок на пляж на целый день, а в походах я и вовсе никогда не была. Но в тот раз они решили взять меня с собой, чтобы показать, как на самом деле это здорово. Мы собрали еду, палатки и теплые вещи и отправились в горы. Они находились на западе Каедеса, в нескольких десятках километров от Диврета и совсем рядом с океаном. Чтобы добраться до гор, Бренн взял у своего старшего брата машину. Мы боялись, что нас остановят и попросят документы, которых у Бренна не было. На тот момент ему только-только исполнилось шестнадцать, он был самым старшим из нас, но тем не менее водить машину было разрешено с восемнадцати.

Нам повезло, нас не остановили. Мы приехали на склон зеленого холма, плавно спускающийся к песчаному побережью океана. Нас встретил невероятной красоты закат. На горизонте виднелось яркий круг солнца, окруженный оранжевыми, как огонь, и розовыми, как спелые сочные ягоды, красками. Плавно небо переходило в серо-голубой оттенок,

а затем в черно-синий. Мы поставили две палатки на том месте, где только начинался плавный склон. За этим холмом высились горы, такие нетронутые и величественные.

Спать мы еще не собирались. Лола взяла с собой гитару.

Это было то же лето, когда Лола написала свою первую песню, но такие песни не пелись на пикниках.

Бренн и Нави зажгли костер и достали железные шампуры и квадратики зефира. Пока Лола настраивала свою гитару и выбирала песню, мы принялись жарить зефир.

– Берешь кусочек, насаживаешь на шампур и жарешь, – объяснил мне Бренн. – Только не пережарь сильно.

Я никогда прежде этого не делала. А зря, это оказалось очень вкусно.

Та неделя хоть и была более теплой, чем остальные, ночью было прохладно, поэтому я сидела рядом с костром, чтобы не замерзнуть.

– Солнце, тебе не холодно? – заботливо спросил меня Нави.

– Нет, спасибо, – улыбнулась я. С их появлением в моей жизни я стала гораздо чаще улыбаться.

– Я готова, – сообщила Лола. – Будем петь «Любовь в сосновой роще».

Это была популярная песня, подходящая как раз для таких случаев: сидеть у костра и всем вместе петь ее. После нее Лола исполнила еще несколько песен, и в тот момент она была совершенно другой. Обычный ее грубый стиль песен

сейчас сменился на романтический и атмосферный.

– Одним зефиром не наешься, – сказал Нави, и с Бренном они принялись жарить овощи и мясо. Тогда я и полюбила походы, в которые мы еще не раз ходили.

Часа в два ночи мы разошлись спать, только я, непривыкшая проводить время на свежем воздухе, не могла заснуть. Я прошла чуть вниз по склону и села на траву, наблюдая за ночью. Теплой, спокойной и звездной ночью.

Темная вода океана рябилась небольшими волнами. Горизонт сливался с черным небом, которое отражалось в океане. Меня это пугало, но там, на холме я этого не боялась.

Страх воды был у меня с детства. Ему не было какой-то причины. Тогда, смотря на океан, я еще не знала, что через несколько лет я буду бояться воды еще сильнее.

Я не заметила, как сзади тихо подошел Нави и сел рядом со мной.

– Замечала, что ночь по ощущению совершенно отличается от любого другого времени суток? – спросил меня он. – Ночью, когда на небе царствует луна в окружении своих придворных – звезд, человек становится совершенно другим. Более искренним и откровенным, более беззащитными.

– Замечала, – коротко ответила я, глядя вверх на неполную Луну, окруженную тысячами ярких и далеких звезд. Ночь из-за темноты порождала загадочность, таинственность, но еще больше загадок представляло небо. Почему звезды светятся? А Луна? Почему Луна светится? А почему

именно она крутится вокруг земли вместе с ней и почему ее видно только ночью?

– Говорят, Луна – символ человеческой души, – сказал Нави, тоже устремив свой взгляд наверх. – С ней связано очень много загадок.

– Может, Луна имеет собственную магию, – предположила я. – Хотя, может, я просто начиталась книжек про волшебство.

– Ну, отсутствие магии Луны не доказано. К тому же существуют Робмуны. Так что мы не можем быть уверенными ни в чем. Физическое существование души, например, тоже не доказано.

– Что такое душа и почему мы вообще существуем тоже никому не понятно, – добавила я.

– Когда смотришь на звездное небо, особенно задумываешься над этим вопросом.

Я вздрогнула. Это было не от холода и не от вечного вопроса «кто ты есть». Словно я почувствовала что-то приятное, что пробудилось во мне при виде Луны. Меня словно обволакивал холодящий свет, пробегающий мурашками под кожей.

– Можно я тебя сфотографирую? – предложил он, достав из кармана кофты пленочный фотоаппарат. – Сидя под Луной напротив океана ты выглядишь очень красиво, мне бы хотелось это запечатлеть.

Мне нравилось, как Нави подмечал какие-то вещи, на

которые не каждый обратит внимание. Это не было что-то необычное, он просто мог видеть красоту в простоте.

Когда он сделал фото и убрал фотоаппарат, повернулся ко мне, слегка погладив меня вдоль лица и убрав прядь волос за ухо.

– Мне кажется, Луна действительно обладает особой силой, – сказал он.

– Вроде бы, как раз таки этим и занимаются Грабители Лунного Света. Используют магию луны, – предположила я, основываясь на всевозможных теориях, не подтвержденных вещественными доказательствами.

– Можно любить луну и чувствовать ее особую энергию и просто так, не относясь к Робмунам.

– Ты прав. Красоту Луны можно видеть и вне всяких орденов.

– Луна прекрасна, но ты еще прекрасней, – сказал он и поцеловал меня. Не ожидавшая этого я выпучила глаза, а когда он отстранился, смущенно улыбнулась. Это был мой первый поцелуй. И его тоже. И в тот момент я понимала, что это моя первая и единственная настоящая любовь. Благодаря Нави я училась больше радоваться, больше замечать прекрасного в жизни. С ним я чувствовала себя хорошо, спокойно и счастливо. Я чувствовала себя собой.

Я бы все отдала, чтобы испытать это еще раз.

Слышала мнение, что месть – вещь бесполезная. Судьба сама разберется с тем, кто сделал что-то плохое. Но мой по-

завившийся в голове план говорил не столь о мести, сколько о правде и справедливости. Кто-кто, а я уж точно не смогу противостоять целому ордену. Зато я могла узнать, что именно там происходит, почему убили моих друзей. Попытаться приблизиться к Робмунам, чтобы получить информацию.

Раньше мне не хотелось думать о друзьях лишний раз, чтобы не получать очередной нож в сердце, но теперь мне хотелось справедливости. Если друзей нет, я должна знать, почему. И, возможно, попробовать отомстить тому конкретному человеку, который это сделал.

Робмуны умели хорошо скрываться, поэтому днем их не найти. Да и в целом их сложно найти. Зато теперь я была знакома с Касом, и у меня оставалось половина сегодняшнего и один завтрашний день, чтобы попросить его познакомить меня с другими Робмунами или отвести в место, где они собираются. Разумеется, я не собиралась становиться членом их ордена, просто хотела влиться к ним и разузнать что-то. Не спрашивать напрямую, а просто выведать нужные мне сведения.

Мысль казалась мне безумной. Совершенно безумной и безрассудной.

Моя жизнь была спокойной и обычной. Я училась в институте на юриста, жила с родителями, у меня даже была одна подруга. И если не брать в расчет прошлое, вполне хорошая, безопасная и нормальная жизнь.

А если я решу пойти к Робмунам? Это небезопасно, я могла сильно рисковать, но, может быть, я буду чувствовать себя лучше, если буду знать правду. Жизнь перестанет быть спокойной и защищенной, но это поможет мне начать прожить свою жизнь и испытывать что-то еще, помимо тоски и скуки.

Эта мысль не покидала меня весь день, от чего я была сильно встревожена и перевозбуждена, из-за чего еле смогла заснуть.

Но лучше бы я не спала.

Я думала, ко мне перестали приходить кошмары, но, видимо, сегодняшние мысли всколыхнули в моем сознании что-то.

Я видела, как Нави, Лола и Бренн лежат окровавленные на песке. И меня охватил ужас, пронзивший меня вплоть до кончиков волос. Я подскочила в своем спальном мешке и пыталась осознать, что это сон, а их давно уже нет.

В действительности я не знала, как именно они умерли, их тела нашли на берегу океана. Как сказали следователи, их ранили, но с такими ранами они могли выжить. Однако их бросили в воду, где им уже не осталось никакого шанса.

После этого я боялась людей, улиц и воды.

Раньше у меня возникали и такие вопросы, как «почему меня не тронули, а только их?» или «были ли они связаны как-то с Робмунами или стали просто жертвами?»

Теперь сон точно не придет.

Я решила прогуляться. Тихо вылезла на улицу, убедившись, что остальные крепко спят. Ночь была тихой и на удивление абсолютно безветренной, однако в моих штанах и свитере я все равно ощущала ночную промозглость. По середине чистого ночного неба висел белый растущий месяц, окруженный тысячами звезд. Он будто фонарь ярко освещал поле. Мне не хотелось сидеть на месте, по крайней мере здесь, поэтому я отправилась к реке. С тех времен я не боялась ходить одна, даже по ночам, но я по-прежнему боялась водоемов.

Река была небольшой и, кажется, не глубокой, поэтому я подошла ближе. Еще издалека я заметила что-то светящееся в траве рядом с берегом. Это выглядело настолько волшебным, что я на секунду даже забыла о своем кошмаре. Когда подошла, сразу узнала лунные цветы. О них мне однажды рассказал Нави. Точнее, он мне их показал. Это было за пару месяцев до того, как его не стало.

Эти цветы светились лишь под лунным светом и встречались не часто, там, где редко бывал человек. Оно и видно, я зашла на ту часть берега, где редко кто бывал. Я села на траву и тут же намокла от влажности травы и земли. Журчание воды и стрекотание кузнечиков начало успокаивать меня. Такие звуки всегда хорошо влияли на состояние человека. Когда я о чем-то переживала, Нави находил природные успокаивающие звуки где бы то ни было, и вода, и треск поленьев в камине или печке, пение птиц или шелест листвы.

Снова я его вспомнила.

Во многом благодаря Нави я стала пробовать себя во многих деятельности, пытаюсь найти себя. Я перестала не бояться, делая что-то не так. Искала в каждом дне что-то хорошее и запоминающееся.

А что сейчас? Каждый день ничем не отличался от предыдущего, я понятия не имела, кем работать после выпуска из института, а в данную минуту вообще находилась на исправительных работах как преступница.

Зато это хоть немного вывело меня из однообразности дней.

Иногда нужно высказаться, главное, чтобы тебя слышали, пусть даже без ответа. Лунные цветы показались мне для этого идеальным предметом.

– Что мне делать? Отпустить? Попытаться не думать ни о Нави, ни о Лоле, ни о Бренне? Они навсегда останутся в моем сердце, но я их больше ни разу не увижу. Никогда не поговорю с ними.

Мне показалось, цветы стали светиться чуть тусклее, словно разделяя со мной боль.

– Попытаться жить дальше, как нормальный человек. Закончить институт, пойти работать юристом, выйти за кого-нибудь замуж и родить детей. Но что во мне противится этому? Словно что-то внутри хочет все же пойти к Робмунам. Узнать, что происходит у них на самом деле и отомстить их убийце. Но я ведь могу умереть...

Слезы не шли, их давно не было, а вокруг было холодно и одиноко. Лишь цветы и полумесяц были со мной.

– Будто моя жизнь снова готова разделиться на «до» и «после». Она может остаться такой же скучной, а может совершенно поменяться, но в какую сторону?

Цветы засветились ярче. Может, они так со мной разговаривали, а может, мне так казалось.

– Вам известно чувство одиночества? – спросила я их. – Словно ты один единственный в мире человек, стоящий на такой развилке. Наверняка я не одна такая, наверняка есть люди с похожей ситуацией. Но этот путь ты проходишь один.

Это было печально осознавать. Хотелось хоть иногда испытать легкость на душе, которую я не испытывала с момента их гибели.

Может, это глупо, но цветы меня понимали. От моих мыслей их свет снова стал менее ярким, но в следующую секунду они словно вспыхнули, что моим глазам стало больно.

Мои размышления сменились моим замершим от страха сердцем и застывшей кровью, когда позади себя я услышала рычание. Своей вспышкой света цветы меня предупредили об опасности. Медленно обернувшись, я увидела оскаленного волка, чьи серые глаза голодно блестели.

– Черт! Ты же не будешь меня есть, да? – спросила я дрожащим голосом, медленно встав на ноги. Все мои мысли по поводу своей жизни и своих чувств ушли на задний план.

Волк лишь сильнее зарычал и показал свои клыки, кото-

рые совсем не выглядели дружелюбно. От страха я не могла вспомнить ни одного совета, что делать, если на тебя напало дикое животное. Я сделала шаг назад, не оборачиваясь спиной, а волк крался вперед, грозно рыча.

Что ж, может, мне и не придется решать, что мне делать со своей жизнью дальше. Но мне было страшно. Гул бешеного сердцебиения я ощущала во всем теле, каждая мышца которого напряглась, ожидая, что волк кинется на меня и разделит меня на кусочки своими крепкими острыми зубами.

Участок у реки достаточно хорошо освещался благодаря луне, отражавшейся в воде, и цветам, бравшим энергию от луны, но мое внимание так сильно было сконцентрировано на волке, что я не заметила тихо приблизившегося к волку сзади темный человеческий силуэт. Он что-то кинул в волка, и животное тут же повалилось на землю. Не мертвое, просто спящее.

– Усыпляющий дротик, – пояснил человек грубым мужским голосом.

Кассиопей. Этот голос, пробирающий до костей, мог принадлежать только ему.

Я все еще не могла успокоиться. Кажется, у меня подскочило давление, а в глазах потемнело. Чтобы не упасть, я села на траву.

– Какого черта ты одна шляешься ночью по лесу? – недовольно ругался он.

Его вопрос и то, с каким тоном он его задал, так разозлили

меня, что я сразу пришла в себя. Какое ему до меня дело и почему он смеет обращаться со мной в таком тоне?

«Вот Нави не посмел бы говорить с тобой так», – прошептал мне внутренний голос. Меня всегда было легко разозлить, но когда мы стали близки с Нави, его всегда легкий и мягкий характер действовал на меня успокаивающе. Зато в последние полтора года я вновь начала злиться по каждому пустяку.

Кас присел рядом со мной.

– У меня встречный вопрос. Что здесь делаешь ты? – спросила я, повернувшись к нему. – Ночью положено спать. Зачем ты сюда пошел? Следил за мной?

– Делать мне больше нечего, – буркнул он, но тут же мрачно смолк. Выходит, я оказалась права.

– Чем же я тебя так заинтересовала? – искренне не понимала я. Он – Грабитель Лунного Света, преступник, возможно, убийца и просто почти незнакомый мне человек. А я – обычная девушка, далекая от его мира.

– Просто стало интересно, куда ты пошла, – оправдался он. – Я решил удовлетворить свое любопытство.

– Удовлетворил? Можешь возвращаться, – отвечала я ему в такой же манере, с какой говорил он. Не бояться быть грубой, когда обстоятельства этого требуют, я научилась у Лолы и Алисы. С друзьями – веселые милые девушки, но если их что-то разозлит, обе сестры умели постоять за себя.

– А если бы я тебя не спас? Что ты тут забыла?

– Мне не спалось. Такой ответ тебя устроит?

По его лицу было видно, что нет, но видимо из принципа он ответил:

– Вполне.

Мы замолчали, не уходя и не смотря друг на друга. Кас меня пугал с самого начала, а когда я узнала, что он Грабитель Лунного Света, стала опасаться его еще больше. И тем не менее сейчас почему-то я не чувствовала себя в опасности.

– Кстати, лунные цветы – это одни из проводников чело- века с Луной. Они содержат ее энергию, – сказал вдруг Кас.

– Поэтому они мне отвечали... – поняла я.

– Отвечали? – удивился он.

– Ну, я имею в виду, по-разному светились. То более ярко, то менее ярко. словно реагировали на мои слова.

– Интересно... – пробормотал Кас, потрогав один из цветков. – О чем вы говорили?

– Мне приснился кошмар, где я видела трупы своих друзей, – призналась я. – Прошло больше года, но мне все еще тяжело от этого. Я просто хотела высказаться кому-то, а цветы меня отлично поняли.

Делиться чем-то личным с Касом было не так уж и сложно, хоть я и не сказала всего, что у меня на душе. Я не знала о его биографии ничего, но мне казалось, что и в его жизни были не менее тяжелые моменты.

Он ничего не ответил, лишь молча задумчиво смотрел на

цветы.

В моей голове вновь всплыли мысли. Я все еще не решила, осуществлять ли мне мой план, но это не помешало мне спросить:

– Могу я поинтересоваться, в чем заключается ваша... особенность?

Кас сразу понял, что я имела в виду.

– В магии Луны, как ты могла предположить, – усмехнулся он.

– Почему именно Грабители Лунного Света? И в чем заключается магия?

– Грабителями мы зовемся, потому что используем магию луны, которая от природы человеку не дана. Робмунами не рождаются, а становятся, и даже если оба родителя к ним относятся, их ребенок Робмуном не будет. По сути, Луну мы не грабим, потому что соблюдаем законы энергообмена. А вот в чем заключается наша магия, я не вправе рассказывать.

Больше вопросов задать я не рискнула. Ночь хоть и время откровений, как говорил Нави, но мы уже достаточно сказали с Касом друг другу.

Без слов мы оба поняли, что нужно пойти обратно и попытаться поспать.

– Кстати, спасибо, что спас меня от волка, – сказала я, когда мы шли к нашему спальному месту обратно. – Ты правда пришел очень вовремя.

– Не за что, – тихо и быстро произнес он, зайдя в шатер.

Глава 8. Кириан

День встретил меня серыми тучами и моросью, потому я надел черный плащ и взял зонтик на случай, если дождь усилится. Судя по карте, архив находился недалеко от дома, в котором я жил. Нужно было только обойти парк, пройти мимо библиотеки, и следующее здание за ней – архив.

Народу на улицах было немного несмотря на то, что это был центр города. Я шел по главному проспекту, где с шумом проезжали трамваи и машины, а по другую сторону дороги расположились жилые многоквартирные дома. Диврет в основном состоял из мрачных, серых и простых зданий, правда, кое-где все-таки оставались отголоски прошлого – всевозможные украшения в интерьере и архитектуре, но это было редкостью. В Диврете лишь в одном районе были такие красивые постройки, недалеко от центра, но в остальных частях везде стояли однотипные серые дома, и меня, человека, привыкшего жить в старом фамильном роскошном особняке, это вгоняло еще в большую тоску.

Я еще шел мимо парка, когда здание библиотеки привлекло мой взгляд, проглядывая сквозь листья деревьев из парка. Оно было необычной формы. Почти черные гладкие каменные стены имели большие круглые окна, сквозь которые виднелись полки с книгами в невероятных количествах и весьма странные конструкции. Подойдя поближе, я эти конструк-

ции разглядел и снаружи, только не со стороны проспекта, а сбоку, ближе к парку: такие же, как и стены, темные каменные балконы, мосты и лестницы, выглядевшие массивно, запутанно и необычно. Загадочности придавало озеро, расположившееся за библиотекой, и зеленые растения, обвиваемые стены сзади. Ко входу вели ворота, блестящие серебристым металлом, украшенные полумесяцем и звездами. Вполне неплохой символ мечтательности, загадочности и фантазии, означающий безграничный мир книг, скрывавшийся в этом здании.

Но я шел дальше, как бы меня не привлекла библиотека. Архив, расположившийся в следующем здании, был уже попроще на внешний вид. У входа я сразу увидел ждущую меня тетю.

– Мы идем не в сам архив, а в одно конкретное его отделение, – пояснила она. – Нам нужны Ячейки Памяти.

Впервые слышал о таком, наверное, потому, что прежде их не использовал и в моем поселке такого не было.

При входе Августа протянула свой паспорт, и работница долго его рассматривала, после чего принялась искать что-то в большущей книге с миллионами имен.

Пока я лишних вопросов не задавал. Когда работница нашла в книге то, что искала, отправилась в маленькую комнатушку, где пропала на две минуты, после чего вышла и протянула нам ключ.

– Проходите, – сказала она, открыв нам дверь.

Мы оказались в длинном коридоре без окон с приглушенным светом, по бокам которого расположились тысячи шкафчиков с маленькими пронумерованными ящиками, закрытыми на замок. Августа посмотрела на ключ, где было число «900». Мы отыскивали девятисотую ячейку, и Августа открыла ее ключом.

– Это нечто вроде хранилища ценных вещей, – пояснила она мне. – Сам понимаешь, некоторые вещи хранить дома бывает крайне опасно в нашем мире со всей этой преступностью. А это здание очень хорошо охраняется. Поэтому люди здесь могут хранить какие-то свои ценные вещи. Мне эта ячейка перешла от твоей мамы.

Мои бабушка с дедушкой – родители Августы и моей мамы – умерли пятнадцать лет назад. Мне говорили, что они погибли от гриппа. После болезни пошли осложнения, поэтому они и не выжили. Тогда картину перевезли к нам домой.

В ящике было несколько предметов, которые в этой полутьме было проблематично рассмотреть. Один из предметов, сразу бросившихся мне в глаза, был клинок размером с предплечье с невероятной красоты эфесом и таких же красивых ножнах. Помимо этого, там лежали тяжелый, большой металлический ключ, который был едва ли не больше ладони, небольшое зеркало в серебряной резной окантовке и ручкой, книжка в обложке из серебра и странная прозрачная бутылочка, на передней стороне которой стекло было синим, а по

середине большую часть занимал полупрозрачный плоский круг с глазами и ртом, напоминавший луну. Внутри была какая-то блестящая тягучая субстанция. Я не сразу заметил такую же луну, как и на баночке, на обложке книги. Помимо этих предметов лежали четыре пачки денег.

– Я не знаю, что именно тебе может понадобиться и не знаю, насколько это ценные вещи, – сказала Августа. – Кому попало лучше их не показывать, поэтому все, что мы возьмем, нужно хорошо спрятать.

Тетя предоставила мне выбор, какие предметы забрать с собой. Конечно, мы могли за ними вернуться сюда в любой момент, но как я подумал, частое посещение этого места может вызвать подозрение у работников отдела Ячеек Памяти.

Все это походило на магический набор, хотя родители ни разу не упоминали о чем-то волшебном. Да и про существование ведьм я не слышал, особенно у нас в семье. Однако кража картины была связана с Грабителями Лунного света, а они, скорее всего, связаны с магией, и тем не менее в моей семье точно не было людей, принадлежавших к их ордену.

– Все очень запутанно, – тихо произнес в раздумьях я. – Долго будем разбираться с этим всем...

Оглядев предметы, я подумал, что нам точно может пригодиться, и решил:

– Берем книжку и ключ. Не думаю, что остальное понадобится в поисках картины.

Августа подготовилась. Она достала из своей небольшой

дамской сумки черный плотный мешок, убрала туда книгу и ключ, после чего открыла сумку, в которой оказалось потайное дно, застегиваемое на молнию, и убрала мешок туда.

– Я, конечно, слышал, что в больших городах преступность особенно высокая, но не до такой же степени, – удивился я.

Мы вернулись к ней домой. Сегодня был выходной, но ее мужа дома я не наблюдал как вчера вечером, так и сегодня, поэтому поинтересовался:

– А где твой муж?

– Он работает в горах, добывает золото, поэтому он на неделю уходит туда, потом возвращается домой на несколько дней.

Что ж, чем меньше людей будут посвящены в мои поиски, тем лучше.

В гостиной мы застали Алису, читавшую детям какую-то книгу. Мой взгляд привлек книжный шкаф, прямо за диваном, на котором она сидела. Помимо книг на полках стояли фотографии в рамках, а на самом верхнем ряду стояло несколько фотоальбомов. Это навело меня на мысль вспомнить не только рассказы о семейной реликвии, но и родственников. Только сейчас я понял, что знал крайне мало о их жизни. В детстве мне мало рассказывали о моей семье, особенно о предшествующих поколениях, но ведь чтобы понять, в чем ценность картины, мало знать лишь историю какого-то предмета. Нужно знать и про родственников.

– Августа, я возьму? – спросил я, указав на верхнюю полку книжного шкафа.

– Ты про альбомы? Конечно. Бери и приходи на кухню, – сказала она.

Я достал стопку толстых фотоальбомов, обложки которых были разных оттенков синего. Они перекликались с синей клетчатой рубашкой Алисы, в которую она сегодня была одета. Еще на ней были светлые джинсовые шорты, открывавшие ее красивые стройные ноги, и зеленые носки с мухоморами. Ее длинные волосы были распущены и слегка были завиты.

Во время чтения детской книжки моя кузена останавливала ее и что-то шутила, на что Алиса рассмеялась, и смех ее почему-то напомнил мне колокольчики, растущие в поле, освещенном вечерними теплыми лучами садящегося солнца.

Я понес альбомы на кухню, все-таки у меня сейчас есть важная задача.

Августа налила нам по кружке кофе и положила на стол то, что мы взяли из Ячеек Памяти. Я смотрел на это все и понимал, какая на меня ложилась ответственность. Это была не просто картина, не просто возвращение ворованной вещи у людей, имеющих авторитет и власть. Я хотел разобраться с историей и тайной своей семьи, из-за которой умерли мои родители и рисковали многие люди.

Во мне текла кровь Дэллет, и я не боялся опасностей и

рисков, стоявших передо мной. Я искренне хотел узнать все и был готов ко всему, что меня могло ждать, даже если это была смерть за семейную тайну.

Семья Дэллет известна не только знаменитым художником с его бесценным шедевром «Луна осветит реку», который жил более ста лет назад. Несколько моих предков состояли в Правящей Общине – главном правительственном органе Каедеса. И тем не менее, ни мои бабушка и дедушка, ни родители не были связаны с политикой, а были обычными людьми, которым, как и мне, просто перешла загадка по наследству.

– Как ты думаешь, почему идет такая охота на картину? – спросила меня Августа.

– Самый простой ответ – деньги. Написана давно, художником, который написал еще много известных картин, которые теперь висят в галереях или у богачей дома.

– Но расправляются ли с людьми жестоким способом за картину, пусть и ту, которая стоит целое состояние? – Августа задавала вопросы, будто хотела меня вывести на какую-то мысль.

– Ты лучше меня знаешь, что на Каедесе и за обычный кошелек убить готовы, – ответил я. – Но, честно говоря, не думаю, что дело только в деньгах.

– Я про то же. Кстати, почему ты не пошел в полицию?

– Они так и не нашли убийцу родителей, сказав, что вроде это сделали Грабители Лунного Света. Они не продолжили нормальное расследование, поэтому я решил заняться этим сам. Да и если действительно к этому причастны Робмуны, полиция тут не поможет.

– Тогда давай разбираться, – сказала Августа. – Найти информацию я тебе помогу, но не более. Не буду подвергать опасности свою семью.

А мне было некого подвергать опасности, кроме себя.

С чего начать поиски, я до сих пор не знал. Августа поделилась всем, что помнила она, и я рассказал все, что было известно мне. Этого было крайне мало, и тем не менее я знал хоть немного.

«Луна осветит реку» была написана Цефеем Дэллет сто семьдесят три года назад. В будущем он подарил эту картину своей дочери Лиа, которая перед самой смертью передала картину своей правнучке – моей бабушке и матери Августы.

– А потом после смерти бабушки и дедушки картина оказалась у нас, – закончил я. – Но ведь прежде за картиной не охотились.

– Мы не можем знать это наверняка.

Мы решили рассмотреть вещи, которые мы забрали. Ключ был, скорее всего, либо от ворот, либо от очень большого замка, и я даже предположить не мог, где ставят такие замки. А книга оказалась не на нашем языке. Подобных букв ни я, ни Августа ни разу не видели.

– Должно быть, это какая-то древняя книга, – сделала вывод Августа. Изредка в книге попадались черно-белые зарисовки с сюжетными картинками, но они не позволяли сделать вывод, о чем эта книга.

На кухню зашла Алиса, чтобы поставить чайник. Августа подозвала ее к себе:

– Алис, ты случайно не знаешь, что за язык это может быть?

Алиса внимательно всмотрелась в открытый разворот книги со сплошным текстом.

– Нет. Хотя... погодите, – задумалась она. – Мне кажется, у моей сестры на зеркале висела бумажка с похожими буквами. Я думала, это просто какой-то шифр, чтобы я не прочитала.

– Ладно, спасибо, – сказала Августа, а когда Алиса ушла, добавила: – Это нам ничем не поможет. Ее сестры уже нет.

Кем была сестра Алисы и почему у нее была эта бумажка? За годы учебы в школе и университете, за все мои прочтения научных и художественных книг, учебников и документов я ни разу не видел подобных букв. Может, стоит зайти в библиотеку. Связаны ли эти предметы с картиной? Что-то мне подсказывало, что все это относится к одному и тому же – и картина, и эти предметы из Ячейки Памяти.

Августа взяла один из альбомов и начала показывать мне фото предков.

– К сожалению, я крайне мало знаю о родственниках и их

биографиях, – сказала она. – Это Цефей с женой Кристианой, маленьким сыном и дочерью Лиа.

Фотография была очень старой, потрепанной, но на ней были видно мои предки. На стуле сидел Цефей, на его коленях сидела маленькая дочь, а рядом стояла Кристиана. Фон был нечетким, но я разглядел картину, ту самую, «Луна освещит реку», висящую на стене в рамке.

На другой фотографии была Лиа, здесь она была уже подростком. На ней было платье с рюшами, волосы закручены в кудряшки, на фоне была все та же картина в рамке на стене, но мой взгляд остановился на кулоне, висящем на шее. На старом фото трудно было разглядеть мелочи, но мне показалось, кулон был в форме луны с лицом, такой же, как на странной баночке и книге.

Грабители Лунного Света существовали давно, но о связи моей семьи и этого ордена я ни разу не слышал. И родители мои, как я помнил, не питали к ним особой симпатии. Не были негативно настроены против них, как большинство жителей Каедеса, и тем не менее хороших слов о них я от родителей не слышал. Я знал, что причастны они, но весь ли орден к этому причастен или кто-то конкретный? И зачем им понадобилась картина? Если никаких личных связей моей семьи с Робмунами не было, значит, для них большую ценность представляла только картина. Тут и была проблема, ведь такой большой тайный Орден Робмунов, обладающий властью и секретностью, точно бы не стал бы делать что-

то ради денег.

– Возможно, мне стоит узнать больше о Робмунах, – сказал я.

– Или попытаться связаться с твоей бывшей подружкой, – предложила Августа.

На кухне сразу стало тихо и душно.

– Прости, – сразу извинилась тетя.

Я не знал тогда, что девушка, которую я любил, лишь пользовалась мной, чтобы подобраться ближе к картине. Но украла картину и убила родителей не она.

Я отчетливо помнил тот вечер. Родители были внизу в гостиной, а ко мне пришла моя девушка. Мы сидели в моей комнате на кровати и пили вино. Вечер был тихим, спокойным и романтичным. В один момент вечера я почувствовал, как в глазах начала расплываться комната, а в голове появился туман. Бокал вина не мог так на меня подействовать, и я не понимал, что со мной. Когда я лег на кровать, я услышал крики внизу и звуки выстрелов. А моя девушка гладила меня по голове и говорила:

– Поспи. Спасибо, что помог нам, дорогой. Не бойся, ты не умрешь. Мы лишь заберем то, что должно быть у нас.

– Ты меня использовала? – спросил я ее тогда шепотом, понимая, что мне подсыпали сильное снотворное, которому я не мог сопротивляться.

– Считай это помощью мне и всем, кто пытается познать правду о Луне и вселенной.

Утром, когда я очнулся, обнаружил, что в доме разбросана вся мебель, пропала картина, а на полу лежали тела моих родителей в луже крови. А на их телах были еле заметные серебристые следы. Как говорят слухи, их оставляли Робмуны.

– В любом случае, они только помогли украсть картину, но делали они это не для себя, – сказал я Августе. – Но до сих пор ли у Робмунов эта картина? И где конкретно?

– Даже полиция не может найти место, где они собираются, а за последний год не поймали ни одного из них. И как ты собираешься выйти на них?

– Что-нибудь придумаю.

К нам снова заглянула Алиса, принявшаяся наливать детям чай. Мне не первый раз за сегодня показалась нотка печали в ее глазах, которую она умело прятала от детей.

– Можешь сегодня уйти пораньше, выходной все-таки, – сказала ей Августа.

– Спасибо, – коротко ответила Алиса, направившись обратно в гостиную, но вдруг остановилась, глядя на книгу.

– А вы не снимали обложку? – спросила вдруг она. Мы с тетей недоуменно на нее посмотрели.

– Ну, скорее всего, серебряная обложка снимается, и за ней прчется обычная, картонная.

– Благодарю, – сказал я, думая, как я сам не догадался, и принялся снимать ее.

Я ожидал, что на обложке будет название, но там была лишь обычная серая бумага обложки. Зато было кое-что дру-

гое. Между обложками было несколько старых пожелтевших недатированных писем. Их было всего три и, кажется, они не были связаны между собой.

Я взял одно и начал зачитывать:

«Почему ты не хочешь оставить меня в покое или забрать отсюда? Не веришь в то, на что способна я, так забудь об этом. Мой дед чувствовал магию, мои родители ее чувствовали, и я не собираюсь от нее отказываться. Я думала, ты меня любишь, а если любишь, принимаешь человека таким, какой он есть. Ты готов от меня избавиться любым путем, но ведь я не лезла к тебе с магией!

Забери меня, пожалуйста.

Ли́а, Психиатрическая лечебница им.Луддгена».

– Ли́а была в психлечебнице из-за магии? – удивилась Августа. – Ты смотри, какое еще тут письмо есть.

«Отец, у меня все хорошо. После занятий в школе я сегодня продолжил работу над картиной и придумал уже название. «Луна осветит реку». Жду не дождусь, когда ты приедешь с острова, чтобы показать тебе ее. Думаю, ты будешь в восторге. Как твои дела? Надеюсь, после острова ты недолго задержишься на юге и поскорее вернешься к нам в Диврет. И надеюсь, ты сумел найти на острове то, что я просил. Без этого картина будет смотреться не так, но даже без этой вещи она безупречна.

Твой сын, Цефей».

– Во-первых, неужели наши родственники были связаны

с магией? – спросил я. – А, во-вторых, про что говорил Цейфей? Предмет, без которого картина смотрится не так?

– Не понимаю, о чем речь. Тут еще одно письмо, но в нем ничего важного.

– Ладно. Что ж, я знаю, что мне делать. Узнавать о Робмунах и том магическом, с чем они связаны.

– Забери это все с собой, тебе пригодится, – сказала Августа.

– Спасибо, что помогла мне.

– Если еще понадобится моя помощь, звони или приходи.

Глава 9. Кириан

По дороге домой я зашел в киоск и купил пару газет, а придя домой решил спросить у хозяйки квартиры еще старых газет.

– У меня их целая куча, – ответила старушка и полезла в кладовую. – Тебе постарее иль поновее?

– Любые, желательно, побольше. Я почитаю, потом отдам.

– Что ж тебе газеты то понадобились, да в таком количестве?

– Да так... – не знал я, что ответить. Я собирался искать информацию о Робмунах и картинах, вдруг об этом писали в газетах. Потом я подумал, что хозяйка квартиры может знать что-то, поэтому рискнул спросить:

– А что вы знаете о Грабителях Лунного Света?

– Мало знаю, как все, – сказала она, положив на пол передо мной большую стопку газет. – Убивают, колдуны чертovsky! Не дай бог государственный переворот готовят! И ведь не поймешь, то молодых хватали, то старых, непонятные они. Так и не поймешь, если встретишь где. Вот месяц назад в парке сидела на лавочке, рядом два паренька, как ты по возрасту, обсуждали вещи интересные. У одного родители поссорились из-за Робмунов, ему там что-то несладко пришлось. Вот видишь, семьи рушатся из-за Робмунов. Мало вообще о них знаю, не распознать их.

– Ладно, спасибо вам.

– А ты чего интересуешься ими? К ним решил при-
мкнуть? – подозрительно посмотрела на меня она.

– Нет, просто интересуюсь, – ответил я, быстро скрив-
шись в комнате со стопкой газет. До позднего вечера я искал
в газетах про Робмунов, что в глазах уже буквы начали рас-
плываться. Информации я нашел немного, все я выписывал
на листы бумаги, но решил разобраться с этим завтра, сей-
час мне точно нужно было отдохнуть. На уставшую голову я
ничего дельного сообразить не мог.

Был уже поздний час, но я слышал, что в Диврете, несмот-
ря на комендантский час, были секретные заведения для от-
дыха, работавшие незаконно. Туда я и решил сходить.

Волосы я вновь завязал в пучок, надел футболку, штаны
и черную кожаную куртку и вышел из комнаты, где застал
идущего с кухни мужчину, лет на десять старше меня.

– Доброй ночи, – сказал он мне.

– Доброй. Не подскажите, есть поблизости какие-то заве-
дения?

– Есть, – шепотом ответил он. – Пройдешь до конца ули-
цы, свернешь направо, там будет двор. Доходишь до зеленой
маленькой дверки, там длинный коридор. Справа будет чер-
ная дверь, там и заведение.

– Спасибо большое, – ответил я, отправившись на улицу,
то и дело оглядываясь, чтобы не было патрульных.

Место было подозрительным. В студенческие годы мы с

девушкой и друзьями часто выбирались в подобные запрещенные места, но вот уже сколько времени я не помнил, что такое веселье. Пил я только от тоски и горя на своей кровати, опустошая родительский погреб. Да и сейчас веселиться я не собирался, просто выпить.

Людей не было, фонари плохо освещали улицы, а во дворе они вообще отсутствовали. Я сунул руки в карманы, проверяя свои раскладные ножи на всякий случай, хотя если бы я кого и встретил, то скорее испугались бы меня, учитывая мое спортивное телосложение и высокий рост.

На входе в заведение не было охраны, поэтому я спокойно вошел.

Яркие огни мигали в прокуренном помещении с кучей пьяных людей, громко играла тяжелая музыка.

Для начала я попросил у бармена пиво, решив начать с чего-то полегче. Я понимал, что здесь собрался не самый приятный и безопасный контингент. В основном тут были малолетние глупые подростки, которым удалось ускользнуть втайне от родителей сюда, взрослые пьяные мужики и девушки, торговавшие телом.

В моей голове кружилась вся информация, которую я узнал сегодня, но в одну четкую мысль это все не складывалось. Четкий план моих действий никак не хотел вырисовываться, и я подозревал, что все дело в усталости после нескольких часов чтения газет.

Пока стоило заглянуть в библиотеку, чтобы спросить про

язык в книге, а также найти хоть одну зацепку о Робмунах, что по-прежнему для меня было невысказанным. Единственное, что я мог пока сделать, попробовать поискать их в толпе пьяных посетителей этого заведения. Ночью у них светился позвоночник, а здесь это вполне можно было заметить.

Я уже выпил пиво, поэтому приступил к более крепкому алкоголю, параллельно став высматривать в танцующих и сидящих людях тех, у кого за одеждой на спине было бы свечение.

Ну, хотя, чего я ожидал? Наверняка Робмуны ночью скрывали свои спины и шеи либо под плотной закрытой одеждой, либо закрашивали краской или тональными кремами, а может, они по ночам не находились в людных местах и осуществляли какие-то ритуалы под Луной или охотились на людей.

На секунду мне показалось, что у одного мужчины в толпе на шее сзади что-то сверкнуло, но это оказался лишь отблеск от ламп. Рядом с ним прошла девушка, сверкнув своими длинными светлыми волосами. Мой взгляд зацепился за нее, а когда она развернулась так, что я мог видеть ее лицо, распознал в ней Алису.

Она была достаточно далеко барной стойки, где сидел я, поэтому не видела меня, и я не спешил к ней подходить, решив последить, что она тут делает. Одетая она была не так, как днем, сейчас на ней было до неприличия короткое пла-

ть, больше напоминавшее длинную майку, обтягивающую ее худое тело. Черные кружевные чулки заканчивались чуть выше колен, на ногах были зелёные туфли на толстом массивном каблуке.

Она танцевала и старалась делать акцент на бедра и плечи, стараясь выглядеть более соблазнительно.

Что от меня еще не укрылось, она старалась зацепиться взглядом с мужчинами. Временами она подглядывала за другими девушками, одетыми так же откровенно, но те, в отличие от Алисы, двигались более уверенно и открыто. Алиса подражала им, но от меня не укрывались ее трясущиеся руки.

«Что она тут забыла?» – подумал я, хотя и так понимал, зачем здесь такие девушки.

Найти клиентов.

Проституция не была редким явлением на Каедесе и закон не запрещал этот род деятельности, и тем не менее я не поддерживал это. Как мужчина, я ни разу не думал удовлетворить свои телесные потребности за деньги с девушкой, которую я видел первый и последний раз. Для меня это был процесс не только физического сближения с человеком, но и душевного, для этого между душами двух людей непременно должна быть тяга к друг другу, ну или хотя бы симпатия. Мне было бы совершенно неприятно использовать девушку, как вещь, которой я мог попользоваться одну ночь без обо-

юдного притяжения.

Не думаю, что девушкам очень нравилось это делать, просто некоторые не видели для себя других вариантов заработать деньги.

Дома у моей тети Алиса показалась мне милой, но печальной девушкой, которая хорошо ладила с детьми, легко находила с ними общий язык и искренне заботилась о них. Не знаю, сколько Августа ей платила, но не думаю, что настолько мало. Да и она не была похожа на ту, которая постоянно зарабатывает на своем теле.

Когда Алиса спустила одну лямку платья с плеча, чтобы привлечь к себе мужское внимание сильнее, я не выдержал и подошел к ней.

Я легким движением дотронулся до ее плеча, и она обернулась. Узнав меня, она тут же застыла, а в глазах промелькнул страх. Мы стояли близко, и чтобы смотреть в мое лицо, ей приходилось задираť голову, даже при том, что она была на каблуках.

– Здравствуйте, – сказала смущенно она мне. – Только не говорите об этом Августе.

– Ты постоянно этим занимаешься? – спросил я, хотя неуверенность, которую я видел в ней до этого, подсказывала мне, что это первый раз.

– Нет, – шепотом ответила она.

Я не стал спрашивать, зачем. Мне и так почти ничего не было о ней известно, кроме того, что она работала няней у

моей тети и что у нее была сестра, которой теперь нет.

Мне должно быть все равно, Алиса сама вправе решать, что делать со своей жизнью. Она всего лишь девочка, которую я видел пару раз и до которой мне не должно быть никакого дела.

Но что-то заставило меня сказать:

– Давай уйдём отсюда и поговорим.

Алиса не возражала. Она забрала у бармена сумочку и тонкую синюю рубашку, в которой я видел ее днем, и мы вышли из этого заведения. Казалось, уличный ночной воздух очищал мою голову после выпитого алкоголя и духоты заведения. Алиса куталась в рубашку, на улице было не жарко.

– Ты далеко отсюда живешь? – спросил я.

– Да, – ответила она, не глядя на меня. Удивительно, но с такими тяжелыми туфлями и большими каблуками она шагала бесшумно.

– Почему тогда ты здесь?

– В этом районе меня никто не знает.

Что ж, вполне разумное решение, если не хочешь, чтобы твоя репутация пострадала в глазах знакомых.

– Не против пойти ко мне? – спросил я. Алиса кивнула, но ее руки все еще не перестали трястись, дыхание было сбивчивым, а волнение так и не покидало ее, поэтому я сказал:

– Мы просто посидим, поговорим, я ничего с тобой делать не буду.

Она не ответила, но, кажется, стала дышать чуть спокойнее.

Когда мы пришли, я провел ее в свою комнату, а сам отправился на кухню, чтобы налить ей и себе чай. Вернувшись с двумя кружками в руках, я застал ее сидящей на диване и смотрящей пустым взглядом в стену.

– Держи. Если хочешь перекусить, у меня тут есть печенье, – сказал я, но Алиса молча приняла кружку и сделала глоток.

Я не знал, о чем она думала и что происходило у нее внутри.

Впрочем, что происходило у меня внутри, я тоже не знал, иначе мог бы объяснить, почему я привел к себе почти незнакомую девочку, решив предотвратить развитие не самого приятного варианта ее будущего. Все потому, что мне показалось, она совершенно не была такой.

– Почему ты решила это сделать? – спросил я, как вдруг она расплакалась. Я даже растерялся. Из ее глаз текли слезы, капая на колени и в кружку с чаем, размазывая черные тени и тушь по щекам.

– Я не хотела, просто... – она пыталась объяснить, но запиналась, всхлипывая. – Мне нужны были деньги, я могла их быстро заработать только так... А еще это был бы мой первый раз, поэтому вышло бы дороже...

Она пока не сказала, зачем ей понадобились срочно деньги, но казалось, для нее это было важно.

Мне стало жалко ее. Я даже не знал, сколько ей лет, но на вид было около семнадцати или восемнадцати. По сути, еще ребенок. Я сидел и не знал, как мне ее утешить и нужно ли вообще это делать. Иногда человеку нужно просто выплакаться, чтобы его не трогали. Слезы скоро кончились, но она продолжила всхлипывать и икать.

– Простите, – сказала она, обращаясь ко мне официально на «вы». То ли она так относилась, потому что я был малознакомым родственником женщины, у которой она работала, и того просто требовали правила приличия, то ли она подчеркивала нашу разницу в возрасте. – Просто, когда я там пыталась найти хоть кого-нибудь, кто обратил бы на меня внимание и заплатил бы, я чувствовала себя так, словно меня окунули в грязную канаву. Я хотела лишь заработать денег на одно важное дело.

– Неужели настолько важное? – изумился я.

– Для меня – да. Несколько дней назад я проходила прослушивание с песней моей сестры в рок-группу. Для меня это важно, потому что моей сестры больше нет, а мне так хочется, чтобы ее песни стали известны! Но меня не взяли. Спустя три дня мне позвонили и сказали, что если я внесу им залог в размере пятидесяти тысяч серебряных, они возьмут меня.

– А твои родители? Они в курсе этого?

Алиса вздохнула, сделав глоток чая. Она не ответила, видимо, размышляя, отвечать или нет. Я не хотел на нее да-

вить, потому что сразу почувствовал, что наткнулся в ней на что-то болезненное.

– Я одна, – призналась она. – Мои родители умерли, когда мне было пятнадцать лет.

– Прости, а сколько тебе сейчас? – спросил ее я.

– Недавно исполнилось восемнадцать. Три года назад случился сильный пожар из-за короткого замыкания. Дом сгорел дотла вместе с родителями. У них были такие ожоги, что их не смогли спасти. Меня и моей сестры в тот вечер дома не было.

– Мне очень жаль, – шепотом сказал я, очень хорошо понимая, какого это, потерять родителей. Но потерять и жилье... Страшно представить, что чувствовала девочка-подросток, оказавшись на улице вместе с сестрой, имея при себе лишь горе.

– Мы обе были убиты изнутри, но нужно было как-то продолжить жить, а у нас не было ни денег, ни жилья, ни других родственников, – продолжала Алиса. – Опекун над нами оформили родители парня моей сестры. Какое-то время мы жили у них, но потом моя сестра пошла работать кондитером. Пекла торты, пирожные... Нам стало хватать денег, и мы сняли квартиру. Чтобы не вредить моей учебе, сестра запретила мне работать, хотя сама прогуливала школу из-за работы, чтобы мы нормально жили. А потом, когда ей было восемнадцать лет, а мне шестнадцать, в один ужасный вечер ее мертвое тело нашли на берегу океана. Говорят, Робмуны.

Я нахмурился. Алиса говорила про ту записку на зеркале сестры со странными буквами, а теперь оказывается, что ее убили Робмуны. Интересно. Ужасно, но интересно, совпадение ли это?

– Парня моей сестры и его друга тоже нашли вместе с ней. Осталась лишь ее лучшая подруга, и она помогла мне не умереть от горя. Ей тоже было тяжело, нам и сейчас тяжело, но если бы не она, я не знаю, что со мной было бы. Каким-то чудом она смогла достучаться до меня, что все я смогу жить с этой болью и прожить жизнь нормального человека. Я смогла взять себя в руки и пойти работать. Школу я с горем пополам закончила в этом году. Сейчас снимаю квартиру, работаю, пеку торты на заказ по рецептам сестры и работаю няней.

– А что насчет песен? – поинтересовался я. Сам того не замечая, я ни разу не отвел от Алисы взгляда, пока она рассказывала, внимательно слушая ее, но не показывая никаких эмоций, разве что сожаление в глазах. Она же сжала в руках кружку, грея об нее руки, и смотрела на чай внутри, в котором отражался свет лампы. Я догадался, что она не часто делилась этим с кем-то, сейчас я чувствовал, как колотилось ее сердце, а голос подрагивал.

– Моя сестра всегда увлекалась музыкой, – ответила она на мой вопрос. – Она находила в ней отклик души. Сама писала тексты, музыку и была гитаристкой. Я же барабанщица. Сестра даже мечтала когда-то, что когда мы вырастем, созда-

дим свою рок-группу. Но, увы, не получилось. А без денег меня не берут.

– Значит, тебе туда и не надо, – сделал вывод я.

– Это был бы мой шанс на успешное будущее рок-звезды, – раздосадовано сказала Алиса, но я не разделял ее мнения.

– Где тебя бы не ценили и использовали, как им надо, не давая тебе творчески развиваться? То, что они тебя готовы были взять лишь за деньги, доказывает, что тебе там делать нечего. И уж тем более эти люди не стоят таких денег и жертв с твоей стороны.

Алиса кивнула, понимая, что я прав. Она обернулась в поисках чего-то, и когда ее взгляд остановился на пакете шоколадного печенья на столе, она спросила:

– Можно?

– Конечно.

Чай уже немного остыл, но это не мешало Алисе хрустеть печеньем и запивать его.

– Знаете, мне казалось, это мой шанс на счастливое будущее, – сказала она.

– словно светлый лучик надежды в непроглядной тьме твоего отчаяния, – дополнил я.

– Да, именно так. С момента смерти моей сестры меня не покидало ощущение, будто в меня вселился демон грусти и боли. Я плакала почти каждый и была в полном отчаянии. Моя подруга помогала мне справиться с этим, но ей и самой плохо. А потом в моей голове что-то щелкнуло. Я решила

исполнить песни сестры, которые мы играли вместе. Даже с двумя инструментами песни звучали отлично. На прослушивании я пела и играла на барабанах, а аккорды для гитары я дала их гитаристке, которая их играла во время моего прослушивания, чтобы песня звучала более полноценно. Девушки в той группе милые, а вот их продюсер оказался настоящим козлом. Песни и мои навыки его не просто не устроили, их совершенно некорректно раскритиковали. А потом сказали, что за деньги могут взять. Видимо, когда никого больше не нашли... В общем, я снова впала в уныние. Сначала у меня появилось желание двигаться дальше, продвигать песни сестры, а сейчас это желание оборвалось.

– Знаешь, я тоже почти полтора года был в похожем состоянии, – признался я, хотя изначально не хотел что-либо о себе рассказывать. – Моих родителей убили за семейную реликвию. Причем причастны были и моя девушка с лучшим другом. Мне повезло больше, у меня остались дом и деньги, но что от них толку, когда у тебя забрали самых близких тебе людей и предали? Меня пожирала боль по их утрате. Я думал, что на этом и моя жизнь кончена. Но недавно в какой-то момент я решил, что я тоже потомок этой семьи. Я решил разобраться в этом всем, хоть это и опасно. Но я делаю это ради семьи. Родители защищали древнюю семейную реликвию, которая передавалась через многие поколения. И я намерен вернуть ее обратно, раз для моих предков она была такой ценной.

– Вы двигаетесь дальше ради семьи, ради родителей. Это очень хорошая черта человека, – сказала Алиса.

«Потому что ради себя самого двигаться вперед я не вижу смысла», – пронеслась вдруг в моей голове мысль, но Алисе я сказал другое:

– Так и ты найди в себе то, ради чего хочешь двигаться. Ради семьи, ради сестры. А там дальше и планы на будущее сами в голове возникнут. Потери и трудности нас разрушают, но главное ведь то, как мы будем действовать дальше – сделаем боль и утрату своим двигателем, благодаря которому станем сильнее, или отдадимся им на съедение.

– Вы снова правы, – сказала Алиса. – Мы можем двигаться вперед ради них. Стать сильнее. Может, я смогу сама создать свою рок-группу. Спасибо, что поговорили со мной.

– Всегда пожалуйста.

Она зевнула, и я подумал, что уже поздний час и нужно спать.

– Ты ложись на диване, а я посижу. Вряд ли буду спать, – сказал я.

– Мне неудобно, все-таки, вам тоже нужно спать... – засмущалась Алиса, но я настоял на своем.

– Не бери в голову, ложись, – уговорил ее я, сам усмехаясь внутри тому, что жертвую своим комфортом ради кого-то, хотя строго-настрого запретил себе сближаться с кем-либо.

«Это всего лишь разговор по душам на одну ночь», – подумал я, сев за стол. Алиса накрылась пледом и быстро по-

грузилась в сон, что я понял по ее ровному спокойному дыханию.

Интересно получалось, я давал Алисе советы, которые сам соблюдал не в полной мере. Я говорил ей о надежде, счастливом будущем и прогрессе, в то время как сам шел вперед лишь в скорые объятия смерти, готовой встретить меня за картину и правду о моей семье. Сценарий моей оставшейся жизни я видел одним: в процессе поиска правды меня убьют Грабители Лунного Света или в случае удачного возвращения картины они вновь украдут ее, а меня постигнет та же судьба, что и у моих родителей.

Но мне не было страшно от этого или грустно. Эти полтора года настолько истязали мою душу, что мне ничего не хотелось для себя самого. Единственное, что я мог сделать — для родителей. Найти семейную реликвию, ну, и может, удовлетворить свое любопытство.

Глава 10.

Умбра

Тот выходной августовский день мы провели дома. Целый день лил дождь, барабанивший по подоконникам и затапливавший газоны и улицы. Мы с папой собирали большой пазл, в то время как мама на кухне готовила вкусный обед и сахарные булочки, аромат от которых разносился по всему дому.

Мне было шестнадцать лет. Вечером к нам на ужин заглянул Нави, которого пригласила моя мама. Они уже были знакомы, родители знали, что мы встречались, и мама относи-

лась к нему со всей добротой, чего нельзя было сказать об отце. Ничего против наших отношений он не высказывал, и тем не менее, когда Нави к нам приходил, он кидал на него предостерегающие взгляды.

– Разрешите Умбре сегодня ночью пойти к нам домой, мои родители приглашали ее, – сказал он моим родителям за ужином. – У нас есть комната прямо под крышей, откуда открывается ночью вид на звездное небо. Сегодня обещали звездопад.

– Нет, – категорически ответил мой отец. – Нави, я понимаю, вы близки, но вам всего лишь по шестнадцать лет, и я никак не могу отпустить Умбру с тобой.

– Тогда Нави может остаться у нас, – предложила моя мама. – Посмотрят на звездопад с нашего двора.

– Нет, – снова отрезал отец. – Вместе ночью – просто неприемлемо, пока вы несовершеннолетние.

– Мы будем всю ночь под присмотром моих родителей, ничего страшного не случится, – уверенно говорил Нави, параллельно руками складывая салфетку, пока из нее не получился маленький свернутый треугольник. Я замечала, что периодически за столом или еще где-то он неосознанно имел привычку складывать подобным образом салфетки или какие-нибудь бумажки, которые попадались под руку.

– Мой ответ все еще «нет», – повторил отец.

– Ну, или Умбра просто сбежит через окно, когда вы пойдете спать, – пожал плечами Нави, кинув маленький тре-

угольник из салфетки на стол. Я хоть и доверяла ему, сейчас побоялась, как бы он не ухудшил мои отношения с отцом. Но он был прав, если бы меня не отпустили, я бы просто сбежала через окно, как я уже прежде делала.

Я понимала страхи отца, но мы с Нави действительно собирались только смотреть на звезды. Между нами еще не было ничего, о чем мог переживать отец, однако его было не переубедить. Он долго и молча обдумывал свое решение и наконец сказал:

– Ладно.

– Спасибо! – обрадовалась я.

– Обещаю, верну Умбру в целости и сохранности, – сказал со всей серьезностью Нави.

Хоть прежде я неоднократно бывала у него дома, но ночью я к нему приходила впервые. Раньше ночью мы были только в походах или у Лолы, и вчетвером, не вдвоем.

Нави рассказывал, что его родители часто ссорились, но при мне они всегда делали вид дружелюбной семьи. Тем не менее, они давали сыну все самое лучшее, старались не впускать в их разборки. Не знаю, действительно ли на него эти ссоры никак не влияли или он просто скрывал, но он редко пребывал в подавленном состоянии. С другими же родственниками он меня так и не успел познакомить.

Когда мы пришли, его мама протянула нам поднос со всевозможными вкусностями.

– Я рада, что тебя отпустили к нам, – приветливо сказала

она мне. – Если вам что-то понадобится, я буду в спальне. Умбра, если захочешь еще что-то съесть, кухня полностью в твоём распоряжении.

Она была очень милой женщиной, которая всегда дружелюбно и с добром относилась ко мне. Однако после смерти Нави я ни разу не видела ни ее, ни отца Нави. Его мама очень любила своего сына, и меня она полюбила, но сейчас между нами не было никакого контакта. Может, оно и к лучшему, ведь я бы ей напоминала о сыне, а она, скорее всего, не хотела лишний раз испытывать боль.

Нави повел меня на второй этаж их квартиры, где находилась его комната. Я уже замечала рядом с ней еще одну небольшую дверь и думала раньше, что там кладовая или часть чердака.

Чтобы не споткнуться, Нави включил фонарик, который взял с собой. Как я догадалась, света в этой комнатухе не было. Он осветил небольшое помещение, в котором по обе стороны от двери стояли тумбы с книгами и растениями в горшках. Но то, что больше всего привлекало внимание – прозрачная стеклянная крыша, открывавшая обзор на край соседнего дома и небо.

По середине мансарды стоял большой мягкий диван, а перед ним маленький стеклянный кофейный столик, куда Нави поставил поднос.

– Располагайся, как тебе будет удобно, – сказал он, плюхнувшись на диван, и я последовала его примеру. Диван ока-

зался таким мягким, что ощущался словно облако.

Нави выключил фонарик, но и без него хорошо было все видно благодаря звездам и луне. Мы взяли стаканы с ванильным молочным коктейлем и клубнику в шоколаде, оставив нарезанные дольками фрукты и мармелад на потом.

– В отличие от звезд, Луна не светится, она лишь отражает солнечный свет, – сказал Нави. – Но сегодня мы ради звезд. Падающих звезд.

– Я никогда прежде этого не видела и думала, что это миф, – призналась я.

– В какой-то мере так и есть. На самом деле то, что нам кажется падающими звездами, это твердые метеоритные объекты, которые летят к земле, но, попадая в атмосферу Земли, сгорают и оставляют за собой след на небе, что мы видим как свечение.

– Спасибо, теперь я разочарована.

– Это всего лишь научный факт. Но традиции остаются традициями, когда видишь падающую звезду – загадай желание, а сегодня этих «падающих звезд» должно быть много.

Мы ели и смотрели на небо, не говоря ни слова. Это было одно из лучших сочетаний – прекрасный вид, на который можно было смотреть бесконечно и вкуснейшая клубника в шоколаде, которую делала мама Нави сама. Клубника сама по себе была свежей и сладкой, уж не знаю, где ее взяли, потому что ее сезон закончился давно.

Мы не говорили ни слова. Они тут и не требовались. Вро-

де мы смотрели на ночное небо, которое можно было увидеть каждую ночь, но люди делают это очень редко. И размышляют очень редко, а глядя на небо мысли сами начинают течь в твоей голове, могут течь как у Нави – плавным потоком, как легкими накатывающими волнами, а могут как у меня – шумящий водопад.

Сквозь окна в темноте комнаты отчетливо виднелась и луна, и горы на ней, и тысячи звезд. Какие-то дальше, какие-то ближе, они образовывали созвездия. А ведь каждое что-то значило, но я не знала никаких созвездий, поэтому смотря на звезды, не могла найти ни одного.

И ни одной звезды пока не падало.

– Сколько мы можем прождать? – спросила я.

– Кто ж знает. Но можем скрасить ожидание, – сказал он, потянувшись ко мне.

Его поцелуи всегда напоминали цветочный сад, обдуваемый приятным летним бризом. Спокойствие, счастье и расслабление – вот, что я чувствовала рядом с ним, и все заботы сразу забывались.

Сейчас я уже сомневалась, что когда-либо еще такое испытаю. Может, мы встречаем любовь лишь раз в жизни, а все остальное – просто симпатии.

Если так, то свою единственную настоящую любовь я уже испытала. И потеряла.

Нави отстранился от меня и посмотрел на небо.

– Начинается, – шёпотом сказал он, будто боясь спугнуть

явление.

Маленькие светящиеся далекие частички летели вниз, оставляя за собой светящийся тонкий след. Сначала их была всего пара штук, один за другим, но позже их стало больше. Я словно видела сказку наяву.

Нужно загадать желание. Чего я хотела? С желаниями у меня было сложно. Трудно понять, чего именно ты хочешь. Кто-то загадывал что-то конкретное, а у меня не было таких желаний. Или они были, но казались слишком маленькими, чтобы загадывать их в такой редкий момент. Тогда мне пришла идея. Я знала, что загадать. Закрыв глаза, я произнесла желание про себя.

– Что загадала? – поинтересовался Нави.

– Нельзя говорить, а то не сбудется, – таинственно улыбнулась я.

– А я считаю, что если говоришь человеку, которому доверяешь и знаешь, что он желает тебе только добра, то можно.

Нави определено был таким человеком для меня. И желание мое частично было связано с ним.

– Можешь не говорить, я не обижусь. Может, некоторые желания и правда должен знать ты один, – сказал он.

– Но это желание ты вполне можешь услышать. Я загадала, чтобы в будущем я нашла свое предназначение, построила с тобой семью и жила счастливо.

– Желание вполне осуществимое.

– А ты что загадал? – спросила я.

– Почти то же самое, – улыбнулся он. – Чтобы у нас с тобой все было хорошо.

То были обобщенные желания, но они успокаивали душу, давая уверенность в счастливом будущем.

Нас везли обратно с исправительных работ в Диврет, и о исполнении своих желаний, которые я тогда загадывала, я и мечтать не могла. Мы ехали в грузовике, тряслись по неровным дорогам. Я все не решалась спросить Каса о Робмунах. Сквозь солнечные очки он смотрел на сосновые леса, мимо которых мы проезжали.

Как только я собиралась сказать ему, мое сердце начинало бешено колотиться.

Нет, я не решусь на такой рискованный план. Пусть он и казался мне хорошим, мне не хватало для него смелости. Комфорт и безопасность пересилили во мне.

На выходе из грузовика мы выдали бумаги, подтверждавшие, что мы теперь свободны от исправительных работ. Кас быстро исчез, когда нас отпустили. Как призрак.

Значит, не судьба, – подумала я, и направилась домой. До этого я даже не представляла, насколько соскучилась по дому и комфортным условиям для жизни.

Когда я подходила к своему дому, забыла о Робмунах и Касе, поскольку переживала, как встретят меня родители.

Будет ли неприятный разговор или они просто будут рады, что я вернулась?

Открыв дверь, оба родителя подбежали ко мне и крепко обняли.

– Ты в порядке, – выдохнула мама.

Время было обеденное, поэтому мы отправились на кухню, где мама, как всегда, наготовила много вкусностей. После той пресной еды ее обычные блюда казались чем-то божественным.

Когда мы уже сели есть, отец сказал:

– Я договорился, чтобы тебя не ставили на учет, – сказал отец. – В университете о твоём правонарушении не узнают, и в будущем не возникнет проблем с работой.

– Спасибо.

– Как там было? С тобой все хорошо? – спросил он.

– Да, все хорошо. Много работали, – принялась рассказывать я, умалчивая о Робмуне Касе. Лицо мамы показывало, что она сильно переживала за меня, отец слушал внимательно, но со строгим выражением лица.

– Надеюсь, теперь ты не будешь ходить по ночам. Ты будто с подросткового возраста еще не выросла, – отчитывал меня отец.

– Ты же знаешь, я не могла иначе, – возразила я.

– Алиса не стоит того, чтобы незаконно выбираться из дома в ночи и идти успокаивать свою подругу из-за какой-то мелкой неудачи.

– Умбра, отец прав, Алиса – взрослая девушка и сама может справиться в трудностях, – поддержала его мама. – Ты и так ей много помогла, когда она осталась одна после смерти Лолы, хотя, думаю, могла бы и сама справиться с этим.

– А если бы на ее месте была я, вы бы предпочли, чтобы я справлялась совсем сама, без поддержки и чьей-либо помощи? Пусть внутри я буду разрушена и разбита, но зато сама?

– Все эти испытания делают Алису сильнее, – возразил отец. – Взрослая жизнь она такая, каждый сам за себя.

– Но всем нужна поддержка. Просить помощь и поддержку не стыдно, наоборот, иногда нужно принять ее, чтобы тебе было легче.

Папа старался ради меня, но зачастую имел слишком твердые убеждения насчет чего-то. Чтобы не разжигать дальше конфликт, я спросила:

– А у вас что нового?

– Как обычно, работаем, – ответила мама.

– Да, как обычно. Говорят правда, Робмуны чаще стали проявляться. По ночам их стали видеть на улицах, но нам ни одного не поймать. Будь моя воля, всех бы расстрелял.

Иногда я поражалась жестокости отца, но в какой-то мере была согласна, у меня самой было желание истребить Робмунов. Как минимум за то, что убили моих друзей. Неважно, какие цели они преследовали, но никто не давал им права убивать.

– Я постираю твою одежду, а ты иди отдыхай, – заботливо

сказала мне мама.

Прежде чем отдыхать, я отправилась в ванную и хорошенько вымылась. Чтобы смыть пот, грязь и воспоминания об этих нескольких дней я три раза протерла тело мочалкой.

Выйдя из душа, я переоделась в чистую домашнюю одежду и легла на мягкую кровать, по которой сильно соскучилась. Нормальная жизнь вернулась.

Нужно позвонить Алисе, спросить, как она, и договориться встретиться.

Глава 11.

Кириан

Когда я проснулся, у меня ломило все тело. Я заснул за столом, и теперь у меня затекли спина, руки и ноги, поэтому пришлось размяться. Алисы в комнате не было. Может, постыдилась вчерашней ночи и ушла?

Но выйдя на кухню, я застал ее у плиты. Она смыла размазанную косметику с глаз и щек, пригладила волосы, и теперь стояла под лучами утреннего солнца, пробивавшимися в окно сквозь кружевной тюль.

– Доброе утро. Я взяла ваши продукты, решила приготовить яичницу, – сказала она, обернувшись ко мне. – Вы не против? Я и на вас готовлю.

– Спасибо, – сел я за стол, чувствуя аппетитный запах завтрака.

– Простите, вам, наверное, было неудобно спать за столом.

– Все нормально.

Алиса аккуратно поставила передо мной тарелку с аппетитным завтраком, яичницей, рядом лежали дольки помидоров и нарезанный хлеб.

– Кофе я у вас не нашла, поэтому заварила чай, – сказала она и поставила на стол кружки.

– Спасибо большое.

Давно мне никто не готовил завтрак. И в принципе еду. Единственное, что я мог съесть по утрам – пару печенек или сушек, а все из-за отсутствия аппетита. Да и остальные приемы пищи не вызывали у меня восторга или радости, приходилось заставлять себя есть. Но сейчас я действительно чувствовал голод и с радостью желал съесть то, что приготовила нам Алиса. Когда она первой попробовала то, что приготовила, кажется, сама удивилась, что было вкусно.

– Сегодня возвращается моя подруга, – сказала она. – Она... была на исправительных работах. Когда ее забрали туда, ее родители мне сообщили об этом. На самом деле, ее поймали из-за меня. Она меня тогда успокаивала после прослушиваний...

– Не вини себя, – посоветовал я ей. – Все же в порядке. Ее могли и не поймать, но я считаю, что если ее и поймали, судьба так распорядилась не просто так.

– Да, наверное, вы правы...

– Кстати, спасибо еще раз за завтрак. Очень вкусно.

Она мило улыбнулась, и в груди у меня что-то замерло.

– Просто хотела отплатить завтраком вам за доброту. Пока я готовила, обдумала все, и вы действительно правы. Не нужно мне идти в ту группу. Я найду другой способ показать миру песни моей сестры.

– Рад, что ты это поняла, – безэмоционально ответил я. Уж не знаю, заметила ли она перемену в моем настроении и появившуюся серьезность в моих глазах, но мне не нравилось, что ее судьба была мне равнодушна.

После завтрака мы вышли на улицу, Алиса – домой, а я в библиотеку. День обещал быть ясным, но жары не было, чему я очень радовался. Мы шагали по улицам молча, пока не дошли до трамвайной остановки, где Алисе нужно было сесть на транспорт.

– Еще раз спасибо за разговор ночью, – сказала она, прощаясь. – Мне это было нужно.

– Пожалуйста, – сказал я ей. – Будь осторожна и выбирай самый благоприятный путь к исполнению своей мечты.

Она осталась на остановке, а я пошел вперед по улице, но что-то заставило меня обернуться и посмотреть на нее.

Сам не знаю, зачем я это сделал.

Дорога вела меня к библиотеке, у меня была важная задача. Я нес в рюкзаке книгу, чтобы показать ее библиотекарю и, может, попробовать найти какой-нибудь древний словарь.

В библиотеке почти не было людей, из-за чего каменные балконы и мосты между разными сторонами помещения и свисающие с них зеленые растения казались дикими.

Я подошел к библиотекарю, это была молодая девушка, раскладывавшая по полкам книги. Протянув ей открытую книгу, которую мы нашли в Ячейках Памяти, я спросил:

– Не подскажите, есть ли у вас словари с этим языком? Или другие книги на нем?

Девушка несколько секунд всматривалась в непонятные буквы в книге, после чего позвала другую работницу, старушку.

Та, увидев мою книгу, сразу побледнела в лице. Что ее могло так напугать?

Я насторожился.

– Откуда у вас эта книга? – спросила старушка.

– От родственников. Вы знаете, что это за язык?

– Молодой человек, советую вам прятать эту книгу. На нее могут охотиться. Это древний язык. Я видела его лишь однажды, когда нам показывали в Историческом Музее Кадеса несколько сохранившихся документов, которым больше тысячелетия. Язык нигде не изучают, поговаривают, это язык святых. Запрещенный людям язык, который они не могут понять. Но это лишь легенда. В библиотеке подобного нет, только в музее. Большая вероятность, что вы не поймете это.

– Ладно, спасибо, – задумчиво сказал я, отойдя в сторону.

Появлялось еще больше вопросов. Логичное действие – пойти в музей. Главное, не привлекать к себе лишнее внима-

ние. Если это такая редкая книга, тогда понятно, что на нее могут охотиться коллекционеры редких старинных вещей.

Или не только коллекционеры?

Я не спешил уходить из библиотеки, меня привлекало и тянуло это здание. Может потому, что оно сильно отличалось от всех других.

Был всего лишь полдень, я никуда не торопился, поэтому попросил книги с биографиями, где могла быть информация о моих родственниках.

Один из читальных залов, где я решил посидеть, находился на первом этаже. Создавалось ощущение либо будущего, либо далекого-далекого прошлого. Над залом возвышался высокий потолок до самой крыши, несколько метров над землей выступали каменные балконы.

Сами столы и стулья были из гладкого тёмного камня округлых форм. Такое я видел впервые.

Мне принесли четыре книги. В двух из них была одна и та же информация о моих предках, участвовавших в правлении Каедесом. Подробно были расписаны все их заслуги, образование, карьерный путь и семейное положение. И ничего того, что меня интересовало.

В другой книге были собраны биографии художников. Я нашел Цефея Дэллет. Что я хотел найти, я не знал, но информация меня не удивила.

Родители – Аристей и Клеона. Учился Цефей в математическом лицее, но всегда увлекался живописью. Тем не менее,

строил карьеру не только как художник, но и как искусствовед. На двадцать пятом году жизни женился на девушке по имени Кристиана, а спустя четыре года у них родилась дочь Lia. Скончался он в глубокой старости.

Внизу было небольшое дополнение в виде сноски об отце Цефея. Аристей был астрономом, известным ученым и профессором, но в двадцать два года резко прервал свою карьеру, хоть у него были большие амбиции. Сделал он это ради другого дела, какого – не уточнено. Больше о нем ни слова.

В читальном зале было не особо много людей, помимо меня лишь парень с девушкой, оба младше меня. Кажется, студенты. Они делали какое-то домашнее задание, параллельно болтая шепотом о чем-то. Краем уха я уловил их разговор:

– У нас стали чаще покупать телескопы и блокноты с чёрными листами, – сказала девушка. – И бабушка говорит, по телевизору то и дело пугают более частыми появлениями Робмунов.

– Боишься, что они к вам в магазин приходят, а вы упускаете преступников?

– Да. Им наверняка нужны телескопы, если они связаны с луной и космосом. А на чёрной бумаге удобно рисовать луну и созвездия. Но никаких признаков у покупателей, что они Робмуны...

Меня посетила глупая мысль, но сейчас самое сумасшедшее могло мне помочь в поисках. Я мог пойти в подобный

магазин, дожидаться покупателя, которому бы понадобились эти вещи, и проследить за ним.

Нужно было действовать, чтобы найти Робмунов. Идея отыскивать их ночью, когда совершаются убийства от их рук, дело рискованное. Патрули могут меня схватить. Тем не менее этот вариант я не исключал, а оставлял на крайний случай.

Я не заметил, как ко мне подошла старая библиотекарша с еще одной книгой.

– Тут тоже есть про Цефея Дэллет, вам может быть интересно, – сказала она.

– Спасибо, – взял я в руки книгу под названием «Искусство вечно. Шедевры Каедеса».

В оглавлении было много сочинений известных личностей о великих творениях, описание памятников, картин, книг, музыкальных произведений.

Про «Луна осветит реку» было одно сочинение искусствоведа, жившего около ста лет назад.

Он не описывал саму картину, лишь рассуждения о ней. То, что мне нужно.

«...Цефей был скрытным человеком, но талантливым художником. На одном званом приеме нам удалось познакомиться, и он позвал меня своими глазами увидеть его известную еще в узких кругах «Луну осветит реку». Обрамленная в темную деревянную рамку, она висела на стене,

в обычной гостиной особняка Йефея. «Луна осветит реку» – произведение, которое поймёт не каждый, но даже не вдумываясь в смысл, можно наслаждаться ею. Возможно, в будущем за эту картину будут предлагать немислимые суммы денег, но всякой суммы будет мало. С первого взгляда меня поразила эта картина, и до сих пор впечатление и восторг о ней не покидают меня. Каждого, кто увидит «Луна осветит реку», свяжут узы с этой картиной. Мне кажется, я чего-то не понял. Словно мысль была, но ускользнула от тебя. Но несмотря на это, осталось чувство, что, увидев картину однажды, я остался духовно связан с ней навечно...»

Я видел картину не один раз, но у меня таких ощущений не возникало. Однако эти слова подтверждали, что картина обладала тайной, доступной не каждому встречному.

Только зачем она понадобилась Робмунам?

Никто не знал их численность, но это было не пять и не десять человек. Где в большом охраняемом Диврете собирались Грабители Лунного Света? Было известно, что они находятся лишь в столице, в других городах их нет, разве пара человек. Поэтому искать их имело смысл лишь здесь.

Они были ходячей легендой. Про них везде ползали слухи, о их существовании знал каждый житель Каедеса, но никто их никогда не видел.

В книгах я чего-то особо важного для себя не подчеркнул, как мне показалось, поэтому пошел сдать книги и двигаться

дальше.

Глава 12.

Умбра

Рисование было моим любимым занятием, но вот уже много времени я не держала в руках бумагу, карандаш и краски. Не было идей, что изобразить на бумаге, и не было желания даже притрагиваться к этим предметам.

Но что-то заставило меня этим утром взять в руки простой карандаш, ластик и новый, еще пустой блокнот, который мне подарила Алиса на прошлый день рождения.

Вчера мы созвонились с Алисой и договорились встретиться вечером. Власти Каедеса не были совсем жестокими и бесчеловечными, поэтому раз в две недели была ночь, в которую не соблюдался комендантский час, и в эту ночь работали различного рода заведения для отдыха и веселья. Поэтому мы обе определились, что нам нужно отдохнуть таким образом.

Но до вечера у меня был целый день. За окном светило яркое солнце, из открытой форточки дул легкий прохладный ветер, колышущий белый тюль. Я решила не сидеть в комнате и спуститься на улицу, сесть на деревянную зеленую лавочку, окруженную белыми и розовыми флоксами, цветущими шапками и привлекающими бабочек.

Карандаш навис над листом бумаги, крепко сжимаемый в моей руке. Я не могла сделать ни штриха, в голове не было идеи, что я хотела перенести на бумагу, но я хотела переси-

лить себя и нарисовать что-то.

Последние мои рисунки были сделаны после смерти друзей. Я их не доставала и не пересматривала, и пока мне не хватало смелости взглянуть на них еще раз. И после этого я ни разу не рисовала.

Нужно отдаться спонтанному воображению и вдохновению.

У меня получались толстые, кривые линии. Я боялась отдаться творчеству. Боялась раскрыться в искусстве. Такое было и в детстве, с чем мне помог справиться Нави. Хоть он и утверждал всегда, что далек от искусства, именно он был моей музой, моим мотиватором.

Я сделала глубокий вдох июльского теплого воздуха, пахнущего ягодами и цветами.

Не нужно так насильно заставлять себя рисовать. Ничего хорошего не выйдет. Может, я пока не готова к этому.

Родители меня отпустили в клуб с Алисой, я им не соврала, куда собиралась идти. На удивление, отец даже не попытался меня отговорить от этого.

После нескольких дней носки комбинезона и майки, которые испачкались в первый день, мне хотелось нарядиться во что-то красивое.

Наконец пригодилось мое легкое черное платье в цветочек, которое я почти не носила. Для удобства на ноги я на-

дела кеды, а волосы слегка завилась и собрала заколками передние пряди волос. Немного туши на ресницах и блеск для губ освежили мой образ.

С Алисой мы встретились в центре города. Она была одета совершенно иначе, чем я. На ногах черные штаны карго, сверху кожаный топ, а на руках перчатки с открытыми пальцами. Часть ее стиля – темный макияж и слегка спутанные волосы, собранные в две косички.

Алиса одевалась так же, как ее старшая сестра. Ей хотелось быть похожей на нее, я видела это невооруженным глазом. Та же целеустремленность и стойкость, то же выражение лица, тот же стиль одежды... Глядя на Алису, я видела в ней копию Лолы.

Алиса радостно помахала мне, когда я подходила к ней. Наши объятия были крепкими и долгими, мы не хотели друг друга отпускать, потому что знали, что больше мы обе ни от кого такой поддержки получить не можем.

– Прости, – виновато сказала она, выпуская меня из объятий. – Из-за меня тебя арестовали. Как все прошло? Как ты?

– Сначала выпьем, потом расскажу, – сказала я, и мы зашли в клуб.

Мы выбрали заведение попроще, пусть там было и недешево. Выбрав дальний столик, мы заказали себе коктейли и принялись рассказывать, что произошло с нами за эти дни. Я в подробностях рассказывала о том, как мы работали и как сильно я уставала.

– Бедная, – с жалостью сказала Алиса. – Хорошо, что ты в порядке, но как ты попалась?

– Я столкнулась с одним парнем... Мы вместе отбывали наше наказание.

– Симпатичный? – загадочно улыбнулась Алиса.

Я закатила глаза. Хотя что уж скрывать, Кас мне действительно казался симпатичным. Только вот при этой мысли у меня что-то замирало в груди. И не из-за того, кем он был. Это было чувство вины перед Нави. Раньше я не могла даже взглянуть на других парней, но когда кто-то мне показался симпатичным на лицо, я сразу постыдилась этого.

В любом случае, стоит об этом забыть. Кас был преступником.

– Он Робмун, – шепнула я, и у Алисы тут же округлились глаза.

– И ты не сдала его?

– Нет. Вообще, я даже хотела попросить его отвести меня к Робмунам.

– Ты, никак, спятила? – опешила Алиса.

– Нет. Я как раз таки хотела разобраться с... со всем тем, что произошло. Но так и не рискнула, – призналась я.

– Может, оно и к лучшему.

– Но почему у меня тогда ощущение, что я упустила возможность? И упустила что-то важное?

– Боль все еще не дает покоя. Как и незнание истины.

Наверное, Алиса была права. Но в моей голове вертелся

еще один ответ, который я так и не произнесла вслух и даже противилась принимать его.

«Потому что это был шанс на нескудную жизнь».

Нам принесли наши коктейли, а в моей голове все еще вертелись мысли, что зря я не попробовала влиться в Орден Робмунов. Но что уже жалеть, если ничего нельзя изменить?

– А ты как провела эти дни? – спросила я, стирая из головы прежние мысли. – Не переживаешь, что не взяли в группу?

– Они мне потом позвонили и сказали, что могли бы взять меня, если бы я им заплатила большую сумму, – ответила Алиса, уставившись в бокал с коктейлем. На мгновение она замолчала, обдумывая что-то. – У меня даже была мысль найти где-то деньги, но лучше я поднакоплю, куплю нормальную барабанную установку и справлюсь со всем сама. У меня случилось что-то вроде прилива мотивации.

– Это здорово.

– На самом деле, на меня так повлиял разговор с одним человеком... С племянником Августы. Он недавно приехал в Диврет.

– Симпатичный? – повторила я вопрос Алисы с такой же интонацией.

– Да, – ответила она, не шутя. – Высокий, мускулистый, серьезный... Ему где-то двадцать пять на вид.

– Неужели ты в кого-то влюбилась? – поразилась я. Насколько я знала, прежде у Алисы не было даже симпатий.

– Не говори ерунды, мы виделись то пару раз. Просто симпатичный, – отмахнулась она, вертя трубочку в бокале.

Я выпила первый коктейль, ожидая, когда алкоголь подействует на мое сознание. Кажется, оно подействовало раньше, чем я ожидала, поскольку прямо за Алисой я увидела одинокого парня в черной водолазке, хорошо прикрывавшей его шею прямо до того места, где росли волосы. Он сел за соседний свободный столик, держа в руках стакан виски.

Я мгновенно узнала в нем Кассиопея.

Когда он сел и посмотрел вокруг, наши взгляды пересеклись, и мое сердце остановилось.

– Ты будто призрака увидела, – сказала мне Алиса. Заметив, что я смотрю куда-то за ее спину, она развернулась, после чего резко посмотрела на меня.

– Это он?! – спросила она, но я уже не слышала ее вопроса.

В ушах стоял гул, сердце пустилось в пляс, а в голове кричала мысль:

«Это твой шанс. Узнай правду. Отомсти.»

Алиса что-то говорила мне, но я уже вставала из-за стола и направлялась к столику Каса.

– Надо же, судьба снова сводит нас, – усмехнулся он, хотя в его темных глазах промелькнула тень.

– Я подумала... В общем, можешь отвести меня туда, где вы все обитаете? Просто я подумала, почему бы не стать одной из вас... – старалась уверенно говорить я, но слова да-

вались мне с трудом из-за волнения.

– Ты хочешь стать...такими, как мы? – насторожился он.

– Ну, да, – ответила я, понимая, что это звучит ни капли не убедительно.

Кас ничего не говорил, он сделал большой глоток виски, размышляя.

Сейчас он ответит «нет». Оно и к лучшему, не буду рисковать своей безопасностью.

Однако подсознание предательски умоляло: «Пожалуйста, скажи да».

Ничего не произнося, Кас достал из кармана штанов огрызок карандаша и на салфетке написал какой-то адрес.

– Приходи туда завтра в полночь. Я тебя встречу и проведу, куда надо, – сказал он.

– Спасибо, – тихо ответила я, скомкав салфетку и спрятав в лифчик, после чего вернулась к Алисе.

– Что сейчас произошло? – спросила она. Пока я отсутствовала, она успела выпить еще коктейль.

– Я пойду к Робмунам. И все выясню, – с уверенностью ответила я, хотя руки слегка тряслись.

– Ты только будь осторожна.

– Буду, не переживай. Лучше давай обсудим песни Лолы, – перевела я тему, чтобы не думать о том, что сделала. Жалеть или радоваться я буду потом, на трезвую голову. – Думаю, тебе нужно найти гитариста и студию, чтобы записать песни.

– А знаешь, я иногда думаю, способен ли будет кто-то заменить Лолу?

– Нет, – мрачно ответила я. – Никто ее не заменит. Но ты найдешь другого, не менее плохого гитариста или гитаристку, который поможет показать миру труды Лолы.

– Я надеюсь на это. Но знаешь, слишком много трудностей и переживаний было в последнее время, – сказала Алиса, и я не могла с ней не согласиться. – Пойдем и оторвемся по полной.

Она потащила меня на танцпол, а я глянула в сторону Каса. Интересно, он кого-то ждал или был здесь один?

Алиса заставила меня прыгать и танцевать, и вскоре я совершенно забыла о Касе. Когда мы решили передохнуть и вернулись к нашему столику, чтобы выпить еще по коктейлю, его уже не было.

Вернулась я домой под утро, когда солнце уже начало всходить.

Я устало плюхнулась на свою кровать и смотрела на потолок, который немного вращался.

Только сейчас я вспомнила про записку Каса, которую вытащила ее из лифчика и кинула на тумбу.

Я сделала первый шаг, но не знала, продолжать ли. Стоит ли оно того.

Перевернувшись на бок, я потянулась к тумбочке, чтобы достать одну папку, которую доставала крайне редко. Точнее

почти никогда.

Я разложила на кровати вокруг себя фотографии нас с Нави, Лолой и Бренном и свои рисунки.

Нави любил фотографировать, и все фотографии, лежавшие сейчас передо мной были сделаны им. Он всегда старался запечатлеть счастливые моменты или красивые вещи.

Вот мы с ним на качелях, а вот он сфотографировал меня с букетом цветов. А вот несколько фотографий, где мы все вместе. На обратной стороне одной из них были подписи Нави, Лолы и Бренна.

Я не чувствовала боли, разрывавшей сердце на маленькие осколки, это была ноющая боль с нотками приятной ностальгии. Я улыбалась и плакала, глядя на эти фото.

У меня отняли счастье. Отняли мою поддержку, мою радость, мою любовь, оставив вместо них лишь пустое место, которое ничем не заполнить. Моя жизнь потускнела, словно надо мной всегда висели серые непроглядные тучи.

Я взяла в руки лист бумаги с моим карандашным рисунком. На ней был портрет Нави. Я всегда думала, что плохо рисую людей, но этот портрет очень точно передавал все его черты лица, его взгляд, даже читалось настроение, в каком он был, когда я рисовала его с натуры.

Прижав портрет к груди, я шепотом произнесла:

– Я сделаю это ради тебя. Я отомщу тому человеку, который отнял тебя у меня. И узнаю правду, за что.

Пусть мне было страшно, что меня могут там убить. Пусть

я боялась, что я совершаю ужасную ошибку. Мне хотелось это сделать ради Нави. Ради Лолы и Бренна. Ради себя и своих чувств.

Я сама не заметила, как в моих руках оказались карандаш и блокнот и как я сидела и делилась на бумаге своими чувствами.

Штрих за штрихом. Карандаш в моих руках уверенно выводил линии и заштриховывал. Я не задумывалась над сюжетом рисунка и техникой, я руководствовалась лишь чувствами. И вскоре на первом листе блокнота появился первый рисунок. Девушка, похожая на меня, обхватила себя руками, зажмурившись. Сначала мне хотелось нарисовать позади нее еле видного парня, который был ее опорой, даже не находясь с ней физически. Но я не верила в призраков. Может, они и существовали, но у меня никогда не было ощущения, что его дух преследовал меня повсюду.

Зато я точно была уверена, что Нави всегда оставался в моей душе, не давая мне сломаться окончательно. А сейчас он заставлял меня двигаться вперед.

Поэтому закончив с девушкой, нарисованной простым карандашом, я взяла в руки голубой карандаш и нарисовала в области груди девушки свечение. Смешавшись с серостью грифеля, голубой карандаш на бумаге приобрел точный оттенок глаз Нави. Его свет и тепло находились в моей душе, ведь Нави был частичкой меня. И как бы мне не было страшно, эти свет и тепло, поселившиеся во мне однажды, теперь

помогали мне всегда.

Глава 13.

Умбра

Как говорится, если сомневаешься – не делай, а если уж делаешь – не сомневайся. Страх все еще не покидал меня, но я твердо решила пойти в полночь по тому адресу, который дал мне Кас. Мы договорились с Алисой, что я якобы останусь у нее на ночевку. После недавних событий мне не хотелось быть пойманной отцом во время сбегания из дома в ночи. На самом деле, вечер я действительно провела у Алисы дома, потому что оттуда было ближе идти к тому самому месту.

– Так, нож, перцовый баллончик, второй нож, – проверяла меня Алиса.

Чтобы быть более скрытной, я надела черную длинную кофту Алисы с большим капюшоном и доходившую до колен. Один нож был в кармане вместе с баллончиком, другой в ботинке. Нужно быть подготовленным на всякий случай, ведь кто знает, куда Кас меня мог завести.

– В левый рукав вшито маленькое лезвие, – сказала Алиса. – Если что, достань его. И потом обязательно приходи сюда. Я за эту ночь с ума сойду.

– Я буду осторожна, – пообещала я, обнимая подругу на прощание. – Я не собираюсь становиться Робмуном, но и убивать их я сегодня не планировала. Просто хочу разведать обстановку и узнать больше об их деятельности.

– Ты же знаешь, что я не могу и тебя потерять.

– Не потеряешь.

На мое счастье, мне не встретилось ни одной патрульной машины. С другой стороны, я специально подбирала такой путь, чтобы большую его часть проходить через дворы, где патрулей нет.

Кас меня должен был ждать в арке одного из жилых домов, но когда я туда пришла, никого не было. Я взглянула на свои наручные часы. Была ровно полночь.

Прошло пять минут, но Кас так и не появился. Мне начало казаться, что он меня обманул. Может, он вовсе и не собирался отводить меня к Робмунам.

Мне было неприятно стоять там одной. Темная арка, ведущая в такой же темный двор, ни одной кошки или мышки не пробегало. Зато могли проходить маньяки. Я старалась об этом не думать.

«Еще пять минут и я вернусь к Алисе», – решила я, как вдруг в арку завернул какой-то парень. Это был не Кассиопей, но на вид примерно его возраста. И направлялся он ко мне.

Я инстинктивно сделала шаг назад.

– Умбра? – тихо спросил он. Я осторожно кивнула. – Я друг Каса. Он не смог за тобой прийти, поэтому попросил меня отвести тебя.

Что ж, Кас хотя бы не кинул меня, но откуда мне было знать, что этот парень не собирался меня убить? С другой

стороны, и сам Кас мог лишить меня жизни, никому из Грабителей Лунного Света нельзя было доверять. Так что какая разница, с кем мне идти?

Парень повел меня через двор. Он шел немного впереди меня, так что я вполне могла еще сбежать.

Но я не хотела отступать.

– Кстати, я не представился. Я – Рорин, – сказал он.

Мы подошли к какому-то подвалу. Единственная оставшаяся разумная клетка моего сознания спрашивала, куда подевался мой инстинкт самосохранения. Место не выглядело безопасным. Совсем.

Мы спустились в подвал, в котором были разве что трубы и ничего похожего на сборище Грабителей Лунного Света.

– Вход чуть дальше. Это наше неофициальное место, – объяснил Рорин. Мы протискивались между трубами, пока не добрались до небольшой двери, которая была открыта.

«Боже, куда меня завели?» – подумала я.

Мы оказались в некоем помещении. Это была одна большая комната, в которой находилось несколько человек. Двое мужчин лет тридцати читали газеты, пара парней-подростков играли в приставку, а рыжеволосая девушка с короткой стрижкой готовила напитки. Света практически не было, разве что из небольшого окошка у самого потолка проникал уличный свет, и горела гирлянда, развешанная по периметру комнаты. В дальнем углу была небольшая дверь, за которой была уборная, а в самой комнате были диван, пуфики, стол

со стульями и пара стеллажей. Вполне уютная комната для развлекательного времяпровождения.

Это было совсем не то, что я ожидала увидеть. Никаких подвешенных к потолку жертв, бокалов с кровью, колдунов в мантиях и со свитками в руках.

– Куда мы пришли? – шепотом спросила я у Рорина. Не то чтобы я была разочарована, просто это мало походило на место, где собирался орден убийц, пугавший весь Каедес.

Никто из этих людей не был похож на безжалостного ма-
ньяка. Рорин был милым парнем. Ровесник Каса, немно-
го пухлый, с отросшими светлыми волосами, яркими сини-
ми глазами и мягкими чертами лица.

Тут никто не скрывал свои светящиеся линии на позво-
ночнике, они просвечивали сквозь одежду и виднелись на
шеях, но это было единственным, что указывало бы на Гра-
бителей Лунного Света.

Удивительно, но никто не обратил особого внимания на
меня. Скорее всего, Кас предупреждал их о моем приходе.

– «Убивающий серп», – ответил Рорин. – Так называется
это место. Мы тут иногда тусуемся. Хочешь, можем выпить,
пока ждем Каса.

Он взял два стакана у девушки, которая готовила их, и
протянул один мне.

– Это же... обычный напиток? – уточнила я, настороженно
приняв стакан.

– Это апельсиновый ликер со сливками, – ответил Рорин, после чего усмехнувшись добавил: – А ты думала, мы тут кровь пьем, как вампиры?

В целом, да, я допускала такую вероятность, но ответила нет.

– Мы не пьем кровь, – сказал Рорин. – И не убиваем, как привыкли все думать.

Во мне яркой горячей вспышкой воспламенилась ярость. Они убили моих друзей, все признаки указывали на то, что это сделали Робмуны, но сейчас мне утверждают, что они не убивают?

Мне резко захотелось наброситься на Рорина. И на всех здесь присутствующих. Но я сразу вспомнила, зачем я здесь. Вспомнила свой план. Главное, не подавать виду, что я ненавижу их. Нужно делать вид, будто я искренне хочу стать одной из них и в моей голове совершенно нет ни одной фантазии, в которой я безжалостно их убиваю.

– А где Кассиопей? – поинтересовалась я.

– Как он сказал, задерживается на работе.

– Работа связана с деятельностью Робмунов?

– Нет, он работает тату-мастером. Там вроде у него сегодня клиент с очень сложной работой, поэтому задерживается.

Мало же я знала о Касе. Точнее, почти ничего. Как и о Робмунах в целом. Нужно расспросить о них. Словно почувствовав, что у меня появилось куча вопросов, Рорин сказал:

– Про нас он сам тебе будет рассказывать, он предупредил, чтобы мы тебе ничего особо не рассказывали об ордене.

– Ладно. Но про него самого я расспрашивать могу, не так ли? – нагло вато уточнила я, на что Рорин усмехнулся. Я расценила это как положительный ответ.

– Вчера он был в клубе... Он ждал девушку? – спросила я, и мне тут же захотелось стукнуть себя по лбу. Ну что за лишняя заинтересованность?

– Не-а. Он говорил, что вчера грустно было, вот и решил развеяться.

– А живет он один?

– Угу.

А я себя спрашивала: «Умбра, зачем ты этим интересуешься?»

– Он вообще человек скрытный, – сказал Рорин.

– Я успела заметить.

– Ро, у тебя нет случайно лунного календаря на октябрь? – окликнул его один из парней, и Рорин оставил меня.

Как раз в этот момент вошел Кас. От него повеяло уличной ночной прохладой и ноткой парфюма. Он скинул с головы капюшон, от чего его черные волосы слегка взъерошились. Его холодный убивающий взгляд обвел всю комнату и остановился на мне.

– Привет, – мрачно сказал он, пройдя сразу к столу и взяв стакан ликера. Я молча наблюдала, как он выпил его залпом.

– Сложный вечер? – спросила рыжая девушка, приготовав-

ливавшая все коктейли. Почему-то она мне напоминала белку.

– Есть такое, – буркнул Кас, после чего повернулся ко мне.
– Здесь тебе бояться нечего. Если передумаешь, можешь без проблем уйти, так как тут нет официальных лиц.

– Хочешь, чтобы я ушла? – спросила я, чувствуя его отстраненность и некую неприязнь.

– Нет, просто предупреждаю.

– Ну, для начала я хотела бы знать, что вы из себя представляете.

– Хорошо.

Кас взглядом дал понять девушке, чтобы та оставила нас двоих. Мы сели на стол друг напротив друга. Хоть мы и были в одном помещении с остальными, стол находился достаточно далеко, так, что наш разговор никто бы не слышал. Да и судя по увлеченным своими делами другим Робмунам, они не особо то и интересовались мной.

– Рорин говорил, что вы не убиваете, – начала я.

– В целом, он прав. Далеко не все из нас имеют полномочия лишать других жизни. И убивают только в случае предательства.

– Предательство? – переспросила я.

– Да, например, если ты перестал быть Грабителем Лунного Света или еще хуже, сдал нас властям. А если кто-то совершил убийство по собственной воле, его жестоко наказывают.

– То есть вступив в ваш орден, ты не сможешь из него выйти?

– Таковы наши правила. Став Робмуном, пути назад уже не будет.

Этого я не знала. Определено, идя сюда, я не осознавала всего риска. Однако раз уж я сюда пришла, отступить мне не хотелось. Может, я найду способ выйти из их ордена. Вряд ли уж не найдется ни одной лазейки, как перестать быть Робмуном. В крайнем случае, мой отец обладает значимыми связями с законом и правоохранительными органам. Придется ему рассказать обо всем, но вряд ли власти закроют глаза на то, если дочь важного человека будут преследовать опасные преступники. Или я смогу привести власти прямо к ним. Может, тогда я поступлю очень низко, но это будет благом для всего нашего государства.

– Хорошо. Перейдем к сути? – спросила я.

– Мы используем магию Луны, точнее заимствуем у нее энергию, отдавая ей что-то взамен, – рассказывал Кас, а я не уставала поражаться его глубокому грубому голосу. – Это дает нам понимание природы, понимание души, понимание человека и его сущности. Ну, и это дает нам еще некоторые преимущества перед людьми. Энергия есть в каждом человеке, но не каждый способен познать мир так.

– То есть ничего, связанного с преступностью и жестокостью? – уточнила я.

– Не сказал бы так. Орден – организация, имеющая свои

правила, свои должности. В основном из-за этого иногда нам приходится делать жестокие вещи... Но тут все зависит от ситуации.

«Почему тогда убили Нави, Бренна и Лолу? Не скрывали ли они от меня чего-то?»

Может, я начинала сходить с ума, и Робмуны вовсе не виноваты?

Следователи говорили, что Робмуны после своих убийств оставляли на телах жертв серебристые следы, такие были на телах моих друзей. И тогда было полнолуние. Что-то не сходилось, либо Кас меня обманывал, либо... Мне не хотелось думать о том, что мои друзья были как-то связаны с Робмунами. Во всяком случае, именно из-за этого я и была здесь – чтобы разобраться.

– Что мне нужно сделать, чтобы стать Робмуном? – спросила я.

– Позволь спросить, зачем тебе это? – вместо ответа задал мне вопрос Кас.

– Просто хочу стать Робмуном, – растерялась я. – Как и вы все. Просто скажи, что мне нужно сделать? Какие-то ритуалы или что-то вроде того... Я же могу им стать?

– Нет, – резко ответил Кас, от чего у меня пробежали мурашки. Не только его голос был сердитым и грубым, но казалось, что и в глазах стояла строгость и хмурость. – Тебе тут делать нечего. Не нужно тебе быть Робмуном.

– Почему ты смеешь мне запрещать? – возмутилась вдруг

я. Он так убийственно смотрел на меня, но почему я не чувствовала угрожающей опасности от него. Потому я и не боялась отвечать ему в том же тоне.

– Просто... такой девушке, как ты, тут не место.

– Я не спрашивала об этом. Что мне сделать? Куда прийти?

Вместо ответа я услышала томный вздох.

Я не понимала, почему Кас злился. Может, он догадывался о моих истинных намерениях? Вряд ли. Тем не менее я не могла его понять. Этим он злил меня.

– Ты должна пролить свою кровь в священный источник в новолуние, – все-таки сказал он. – Ближайшее новолуние через неделю. Произнесешь клятву, капнешь кровью из пальца на алтарь, и все, после этого ты Робмун.

– Хорошо, я согласна.

– Но перед этим нужно будет немного обучиться. Если действительно хочешь стать Робмуном... Я попрошу кого-нибудь обучить тебя.

– Лучше сам обучи Умбру всему, – сказал проходящий мимо Рорин.

Отлично, значит, у меня была неделя, чтобы передумать. От мысли, чтобы стать Робмуном, у меня едва волосы не вставали дыбом. Зато за неделю я вполне могла выведать нужную мне информацию.

– Посмотрим, – буркнул Кас.

Мне казалось, я ему не нравилась, потому он и пытался

запретить мне вступать в их орден. Ну и плевать, я тут была с определенной целью, и я не обязана всем нравиться. Главное, я потихоньку добивалась своего.

Своим молчанием Кас дал понять, что разговор окончен, и я подумала, что он хочет поскорее выгнать меня оттуда, но на мое удивление он сказал:

– Если хочешь, можешь подождать тут до утра, чтобы не попасться патрулям.

Однако я не горела желанием оставаться там на всю ночь, моего доверия к этим людям пока не хватало, поэтому я вернулась к Алисе.

Глава 14.

Кириан

Триста двадцать восемь...Триста двадцать девять...Триста тридцать.

Триста тридцать секунд я простоял в планке, закончив свою утреннюю тренировку. Сегодня я измотал себя сильнее обычного, добавив к привычным упражнениям пробежку по улицам и пару лишних подходов планки. А все из-за того, что вчера после библиотеки я зря потратил время на бессмысленные прогулки, пролистывания художественных книг и газет, и ничего не сделал для нахождения картины. За несколько часов можно было сделать много чего, но я никак не мог заставить себя продолжить свои поиски, и теперь в полной мере ощущал свою бесполезность.

«Помни о своей единственной цели, ради которой жи-

вешь».

Может то был страх или усталость после длительных поисков в безграничных текстах, которые сильно утомили меня, но этот был не повод бездельничать, и сегодня утром я был чрезвычайно недоволен этим. На меня медленными волнами находило состояние безнадежности, появлялись мысли, что я ничего не добьюсь для своей семьи. Поэтому чрезмерные физическое нагрузки перезагрузили мне голову.

У кого не бывает подавленных состояний? У всех они бывают, а я не вылезал из него последние полтора года. Постоянно пребывать в апатии и депрессии плохо, начинает страдать не только ментальное, но и физическое здоровье. Поэтому нужно находить способы выбираться из него. Как и способы заглушать боль. Ты можешь этого не делать, но тогда куда ты прикатишься с такими темпами? Лучше об этом не думать.

После смерти родителей первое время я заглушал боль алкоголем и сигаретами. Но спустя время я нашел для себя еще одно утешение – в физических нагрузках, во время которых голова очищалась от всех мыслей.

Что ж, в сегодняшней мой план входит слежка за Робмунами. Пойти в любой магазин, где продаются телескопы и черные блокноты, и проследить за человеком, который бы их купил.

Хотя какова вероятность, что мне попадет такой покупатель? Кажется, это сразу звучит, как провальная идея. Я

могу прождать в магазине целый день и все так же уйти ни с чем.

«Хватит думать, начни делать», – одернул я себя и пошел собираться. Нужно было выглядеть обычно и непринужденно, поэтому я надел черные джинсы и белую футболку. Волосы я решил не собирать.

Я пошел в один из самых больших и популярных универсамов Диврета. Чтобы не привлекать внимания, я рассматривал книги. С ними в отделе были блокноты с черными листами, а недалеко были телескопы, бинокли, подзорные трубы и глобусы. То, что мне надо.

Мне пришлось делать вид, что я внимательно читаю книги, стоя у полок, пока я пытался дождаться хоть одного человека, которого бы интересовали телескопы или черные блокноты, но так я потратил три часа зря. Тогда я пошел в другой магазин, но спустя два часа я подумал, что изначально это действительно было плохой идеей, где можно было рассчитывать только на везение, которое сегодня было не на моей стороне.

Было обеденное время, поэтому я заглянул в кафе. Пока я ел свой обед, за соседним столиком я заметил знакомые светлые волосы и знакомую синюю рубашку. Алиса сидела ко мне полу боком, поэтому не замечала меня, пока что-то внутри меня не заставило подойти к ней.

«Ну и зачем? – спрашивал я сам себя. – Хорошо же один сидел, думал над своей задачей.»

– Здравствуйте, – удивленно произнесла она, улыбнувшись.

– Привет. Какими судьбами тут?

– Поехала в кондитерский магазин, чтобы купить новую форму для тортов. Решила заодно перекусить. А вы?

– Да так, гулял... – соврал я.

– Ну, тогда, если вы не против, можем продолжить прогуливаться вместе, – предложила она, и я тут же согласился. Все равно ожидание покупателя телескопа и черного блокнота не приведет меня к результату. Мы оплатили счет, и вышли на улицу. Народу было немного, поэтому мы пошли по одной из главных улиц. Диврет был удивительным городом. Вроде людей в нем жило много, но на улицах я еще не встречал столпотворения, из-за чего столица окутывала меня своим уютом.

– Вчера вечером делала торт на заказ, и, как назло, уронила свою форму для выпечки, – рассказывала Алиса. – Она сломалась, вот и пришлось купить новую. Зато торт все равно получился идеальным. Представляете, мне за него заплатили аж двадцать серебряных! Он был шоколадный с вишневой начинкой, украшенный ягодами.

Я представил, как это могло выглядеть, и почему-то у меня резко возникло желание что-нибудь приготовить.

Я давно не готовил что-то с удовольствием, делал это лишь от нужды в пище, а сейчас у меня появилось вдохновение для готовки.

Мимо нас быстрым шагом прошел мужчина лет на десять старше меня, несший в руках большую коробку. Тротуар был весьма узкий, поэтому он нечаянно задел нас, извинившись. Мы прошли пару метров, как вдруг до меня дошло. На коробке был нарисован телескоп.

Это был первый человек с телескопом за день.

Конечно, он мог купить его просто так, я не собирался обвинять человека в том, что он Робмун без каких-либо доказательств, и тем не менее нужно было проследить.

– Пойдем за ним, только не привлекаем внимания, – шепнул я Алисе. Она недоуменно посмотрела на меня, как на душевно больного.

– Зачем?

– Я потом все объясню, просто делаем вид, что гуляем.

Может, и не стоило втягивать Алису в свои дела, но сейчас я об этом не думал.

Мужчина шел действительно быстро, словно куда-то спешил. Мы следовали за ним две улицы подряд, пока я не понял, что он направлялся в район трущоб. Мне показалось, на запястье у него была странная татуировка. Может, признак Робмунов, о котором никто не знал? Или это была просто татуировка, а я всего лишь надумывал это?

Все это время мы с Алисой шли молча, но когда мы оказались на краю самого неблагополучного района Диврета, она сказала:

– Тут даже днем опасно. Надеюсь, у вас есть пистолет или

еще что-нибудь.

Пистолета у меня с собой не было, он лежал на дне моей сумки дома, на самый крайний случай. Пока я мог вполне обойтись своей физической силой, ну, или ножом-бабочкой.

– Не бойся, просто не отходи от меня далеко, – успокоил ее я, готовый защитить ее в любой момент.

Дома имели совершенно другой вид, нежели пару улиц назад. На дороге то и дело валялись осколки стекла, окурки и фантики. По улице слонялись подозрительные личности, стены домов были ободраны, стоял сырой неприятный запах.

Мужчина все шел и шел, а мы следовали за ним.

– Кириан, вам обязательно следить за ним? Это вообще кто? – спросила Алиса. И тогда я рассказал шепотом свой план, как выйти на Робмунов.

– Что ж всем эти Робмуны понадобились... – пробубнила она.

Мужчина наконец свернул в арку, и мы зашли туда же, но он уже пропал из виду.

– Куда он делся? – спросила Алиса, как вдруг из-за стены выскочил этот самый мужчина, направив на нас пистолет. Мы с Алисой подняли руки над головой, сделав шаг назад.

– Почему вы за мной следили? – с паникой в глазах спросил он. Его руки тряслись, и тем не менее, если он выстрелит, может ранить одного из нас.

– Мы просто шли по своим делам, – уверенно сказал я, прикидывая, как мне удачнее выбить из его рук оружие. Мо-

ему ответу он явно не поверил.

– Вы меня знаете? – продолжал спрашивать мужчина, устремляя дуло пистолета то на меня, то на Алису.

На самого себя мне было плевать. Я был готов к подобному, но если Алиса пострадает из-за того, что пошла со мной...

Она никакого отношения не имела к Робмунам и картинке, которую я хотел вернуть в свою семью. Алиса не могла пострадать. Поэтому нужно действовать быстро.

– А ты уверен, что сейчас сзади не прибегут полицейские? – спросил я, посмотрев за спину мужчины, словно там действительно кто-то шел. Он опустил пистолет, резко обернувшись, и за эту секунду я успел подскочить к нему и выбить из его рук пистолет, отлетевший в сторону.

– Ах ты ж!.. – прошипел мужчина, но я толкнул его к стене, прижав к ней и приставив к горлу нож.

Опустив взгляд, я посмотрел на руку, туда, где, как мне казалось, была татуировка. Но сейчас я разглядел. Это была вовсе не татуировка, а выжженное клеймо.

– Не сдавайте меня полиции! – принялся умолять мужчина.

– Грабитель Лунного Света? – уточнил я.

– Отпустите меня! Я ничего плохого не сделал еще!

– Я не буду тебя сдавать кому-то или убивать. Просто нужно спросить кое-что.

– Тогда спрашивай!

– Ты знаешь что-нибудь о «Луна осветит реку?» – спросил я напрямую.

Да уж, не так я собирался действовать, но в стрессовой ситуации мозг отказывался работать и искать более подходящие варианты поведения.

– Нет, – ответил мужчина, глядя мне прямо в глаза. От чего-то на его лице отразился еще больший испуг.

– *Гест д нат...*

– Что? – переспросил я, не поняв, что он сказал.

– *Гест д нат*, отпусти меня! Я буду исповедоваться Луне, но не трогай меня! – умолял меня чуть ли не со слезами, чем сбил меня с толку.

– Точно не знаешь ничего о картине? – спросил я еще раз.

– Ее ищут другие члены ордена... Но никто не знает даже ее месторасположения. Отпусти!

– Куда ты шел?

– К себе домой.

– Иди, – отпустил его я, и он смылся с бешеной скоростью.

Алиса не убежала и не ушла, но она стояла с таким перепуганным видом, что мне стало стыдно. А стыд я испытывал крайне редко. Язык сам произнес:

– Прости.

– Вам не за что извиняться, но почему вы отпустили его? Он же Робмун...

– Сам не знаю. Пусть живет. Он сказал мне то, что мне нужно было услышать. Картины у них нет, но это лишь

осложняет задачу. Если не у них, то у кого и где? И еще это означает охоту на картину, кто быстрее ее найдет – я или Робмуны.

– Он сказал странную фразу. *Гест д нат*. Вы знаете, что это значит?

– Без понятия. Первый раз слышал. Может, это их специфическая молитва, а может пытался произнести какое-то заклинание. Черт его знает.

– Может, пойдём отсюда? Мне не нравится этот район.

Мне он тоже не нравился. Мы поспешили убраться оттуда.

– Может, вам нужна помощь в поисках? – спросила Алиса.

– Нет, спасибо.

Я не стал уточнять, что я не хотел этого из-за того, что Алиса могла пострадать, а я этого очень не хотел. Наверняка стычка с Робмунами, которые тоже охотятся на картину, не пройдет бесследно, не оставив после себя какие-либо потери.

Глава 15. Кириан

– Вы разобрались с той старой книгой? – спросила Алиса, пока мы шли по улице. Я решил проводить Алису до дома, хоть в районе, где она жила, было безопасно днем. Не хотелось оставлять ее одну после того, что ей довелось увидеть. – Мне стало интересно насчет той бумажки сестры с текстом на том же языке, поэтому я поискала другие ее бумажки и нашла парочку примечательных. Может, вам будет интересно?

– Предлагаешь зайти к тебе? – догадался я.

– Если у вас есть свободная минутка.

Из практического интереса я согласился.

«Разумеется, только из-за него», – повторял я себе.

Алиса жила в многоквартирном доме на втором этаже, в маленькой съемной квартирке, где кухня была совмещена с гостиной и спальней. В углу, рядом со входом в ванную стояла старая хлипкая барабанная установка, напротив нее в углу стояла большая кровать, занимавшая большую часть помещения. Кухня все же была немного отделена стеллажом, служившим в качестве стены.

На кровати лежало много разноцветных подушек, а над ней на стене висели журнальные плакаты, как нарисованные, так и с фотографиями разных известных личностей.

На кухонном столе я заметил черную коробку, по разме-

рам как от обуви, на которую наклеили много-много наклеек.

– Будете чай или кофе? – спросила меня Алиса. – Или поесть хотите?

– Чая будет достаточно, спасибо.

Я сел за стол, рассматривая коробку и догадываясь, что в ней вещи сестры Алисы.

Поставив на стол две кружки чая, она открыла коробку и достала оттуда две необычные на вид карты и ту бумажку, про которую она уже говорила.

Бумажка была для меня абсолютно бесполезна, пока я не мог прочитать этот язык. Собственно, так же бесполезна, как и моя книга.

Я взял в руки три карты, которые были плотнее и по размерам больше, чем обычные игральные. На них были изображены разные таинственные рисунки, на которых явно что-то зашифровано, а сверху каждая имела свою цифру.

– Похоже на... гадальные карты? Или что-то еще? – предположила Алиса. – Лола, моя сестра, никогда не их не показывала, хотя мне казалось, у нас не было секретов.

– Порой приходится скрывать какие-то вещи от своих близких, и в основном ради них самих, ради их безопасности.

– Вы правы. Но подобные карты я нигде больше не видела. Хотя я и не искала нечто подобное. А бумажка – вообще сплошная загадка.

– Единственное, что мне известно – это древний язык, окутанный тайнами, – сказал я, рассматривая несколько строк совершенно неясных мне закорючек. – Якобы не каждый человек сможет это прочесть. Но и карты не менее странные, почему их только три? Наверняка их должно быть больше.

Все три карты имели определенную цветовую гамму. Заметно преобладали темно-синие, темно-серые, голубые и серебристые цвета.

Я взял в руки одну из них и принялся внимательно рассматривать рисунок на ней, поднеся к дневному свету, лившемуся их окна. Карта была «семеркой», а рисунок на ней был весьма прост: серебристый силуэт человека, поднимавшегося в гору сквозь камни и буреломы прямо к вершине под звездным безграничным небом. Человек словно наполовину упал, а на спине были красные полосы – раны, но мне показалось, его взор был направлен к вершине горы – к его цели.

– Мне кажется, карта может символизировать беспомощность, – сказала Алиса, глядя на эту же карту. – Он много прошел, но сильно покалечился, и теперь смотрит на вершину горы, понимая, что не в силах ее достичь. Беспомощность и отчаяние, вот что я здесь вижу.

– А я вижу целеустремленного человека, готового ради своей цели на все. И смотрит на вершину он с надеждой. Это – его цель, к которой он стремится, не боясь опасностей и

трудностей.

– Думаю, Лола бы здесь увидела бы здесь нечто похожее, что и вы, но добавила бы, что человек серебристый, когда все вокруг темное, потому что в каждом человеке есть свет. Есть что-то хорошее, как бы ты не был сломлен, – сказала Алиса, и мне послышалось, как дрогнул ее голос. – Знаете, иногда она казалась грубой и дерзкой, и тем не менее ее душа была куда более чуткой, чем моя. Она была более внимательной, более сильной и стойкой, более смелой и ответственной, нежели я.

– Зато тебе есть на кого равняться.

– Вы правы. Я всегда старалась быть такой, как она. Она была открытой, живой, веселой. Вы бы слышали ее песни... В каждой из них частичка ее души. Но родители не всегда поддерживали ее любовь к музыке. Да и в принципе она часто ссорилась с родителями. Помню, однажды, когда ей было шестнадцать, почти семнадцать, за пару месяцев до смерти родителей и пожара, она вообще ушла из дома и мы не могли ее долго найти. Началось все вечером, я сидела в комнате и делала уроки, когда ко мне зашла Лола, сказав, что собирается со своим парнем Бренном на рок-концерт своей любимой группы, которой она сильно вдохновлялась. Концерт был поздно вечером, родители бы не отпустили, поэтому она попросила меня сказать родителям, мол, она устала и спит в своей кровати и лучше ее не беспокоить. Незаметно через окно она ушла с Бренном на концерт, а я сообщила родите-

лям, что она очень устала, поэтому пошла рано спать. После концерта она осталась у Бренна и пришла рано утром так же через окно. Только при этом она уронила и разбила вазу, и родители, которые не спали, сразу прибежали на грохот. Они увидели Лолу, залезающую в окно, и сразу поняли, что она куда-то ходила ночью. Об этом можно было догадаться и по ее черному размазанному макияжу и спутанным синим локонам.

«Лола, что происходит?» – недовольно спросила мама, сначала не сорвавшись на крик.

«И не смей врать», – добавил отец.

«Я была у Бренна, вечером мы ходили на рок-концерт, а потом были у него дома», – ответила Лола без капли стыда или сожаления в глазах.

«Что ты себе позволяешь?! Тебе всего шестнадцать лет!» – начала ругаться мама. Я стояла в дверном проеме, понимая, что и мне попадет за обман. Только если я собиралась извиняться, Лола и не думала этого делать.

«Вот именно, мне всего лишь шестнадцать! Разве не этот ли возраст для веселья, тусовок, беззаботности, порыва вдохновения и любви?» – спрашивала Лола, повышая голос.

«Ты же еще ребенок! – восклицал отец. – Но уже ходишь по этим бесстыдным концертам и сама становишься такой! Знаешь, какое будущее у музыкантов? Они или от бедности умирают, или от наркотиков».

«Музыка – это искусство, а то, что ты говоришь – глупые

стереотипы».

«А как насчет того, что ты ночевала у мальчика?»

«Я же не у абы-кого ночевала, а у Бренна, с которым мы дружим с детства.»

«Дружить никто вам не запрещает, но не ночевать же! – продолжала мама. – Боже, даже думать не хочу, что вы могли там делать...»

«А будь я монашкой, которая краснеет при виде парней, и не играла бы на гитаре, вы бы меня больше любили?» – спросила Лола, почти выкрикивая слова.

«Будь ты такой, было бы явно лучше», – раздраженно ответил отец, а мама стояла молча, сдерживая слезы.

«Единственное, что я делаю – живу. Наслаждаюсь моментами своей жизни. Никто не знает, как жизнь повернется, так к чему откладывать все радости на потом?»

«Не говори глупостей», – отмахнулся папа.

«Глупости здесь говорите только вы», – с этими словами Лола выбежала из дома.

Время близилось к вечеру, а Лола так и не вернулась домой. Родители звонили домой Бренну и друзьям Лолы, но ее ни у кого из них не было.

Тогда я думала, что с ума сойду. Молчу про то, как переживала мама. Отец уже начал поднимать свои связи для поисков, Бренн и ее друзья обыскивали весь Диврет, куда Лола могла пойти. Но ее не могли найти. К полуночи она вернулась домой, целая и невредимая. Мы с мамой плакали, что с

Лолой все хорошо. Она так и не сказала, где была. Наверное, нашла какое-то место для уединения, а может просто ходила в лес. И именно после этого у нее в комнате появилась бумажка с надписью на этом странном языке.

– Какой была Лола, когда вернулась? – почему-то захотел спросить я.

– Явно успокоившейся, она все обдумала и перестала обижаться на родителей. Тем не менее на следующий день она написала одну из песен. А что?

– Просто пытаюсь понять, где она могла взять бумажку. Могла ли она в тот день встретить Робмунов?

– Вы думаете, этот древний язык связан с ними?

На самом деле, я вообще ни в чем не был уверен. В голове то и дело появлялись ничем не подтвержденные догадки и варианты насчет всего. Голова готова была взорваться, и не от того, что меня осеняли гениальные мысли, а как раз таки потому, что ничего не было понятно.

– Думаю, что вполне может быть, – ответил я. Тайный язык, тайный орден... Вполне может быть связано, но тогда появлялся вопрос, откуда эта книга взялась у моей семьи. – Все мои расследования связаны с Робмунами, которые сами по себе окутаны тысячей тайн. Может, язык относится к ним, но я не могу это ничем подтвердить пока что. Ты говорила, Лолу убили Робмуны.

– Да. Они. Но не уверена, что Лола могла связаться с убийцами.

– Робмуны – не простые кровожадные убийцы, они куда сложнее, чем мы думаем. И разобраться с этим, не будучи Робмуном самому, очень сложно.

Алиса взяла в руки другую карту. На ней не было особо сюжета, лишь поле, на посреди которого стоит девочка и смотрит на ночное небо. Этой картой была «тройка».

– Думаю, тут вообще нет какого-то смысла, – сказала Алиса и взяла в руки следующую карту.

– А по-моему, смысла нет как раз таки здесь, – сказал я, глядя на третью карту под номером одиннадцать. На мой взгляд на ней действительно была изображена бессмыслица, которую сложно понять. Посреди изображения на карте было что-то вроде гигантской прозрачной тарелки или линзы. Сверху на изображении было что-то совершенно непонятное – какие-то узоры и растекшиеся кляксы голубых, серых и зеленых оттенков. А внизу уже более ясное изображение с такими же оттенками – простой пейзаж протекающей реки, леса и гор. Еще одна важная деталь – девочка, сидящая на этой линзе сверху, там, где совершенно неясный рисунок.

– Наоборот, – возразила Алиса. – Тут четко просматривается, что хотел сказать автор этой карты. На все можно посмотреть под другим углом. По цветам мы можем догадаться, что снизу и сверху изображения одинаковые, только в верхнем они настолько сильно размыты, что мы не понимаем, что это такое, а снизу мы четко видим все детали. Явно, что смотря на верхнюю часть рисунка, девочка, как и мы, не

понимает, что там такое. А смотря вниз сквозь этот стеклянный пол она может увидеть четкое изображение, понятное ее глазу. Как лупа. Человек видит слившиеся в одну линию строчку, а поднеся к ней лупу, увидит четкие буквы и слова.

В моей голове мелькнуло воспоминание. Отец сидит в своем кресле и читает какой-то текст на пергаменте сквозь лупу. Она у него была особая – серебряная рукоятка с выгравированными фигурками животных.

Отец никогда не говорил мне о проблемах со зрением, но порою я видел его, читающего тексты или книги с лупой, но не акцентировал на этом внимание, ведь бабушка читала так же.

Но почему меня никогда не интересовало, что именно отец вычитывал сквозь ту лупу? У него были старые книги и дневники, листы пергаменты и свитки, и я думал, это был его некий научный интерес к политической истории, чем он, собственно, при жизни и занимался. И почему когда я подходил к отцу, он сразу откладывал эти книги и свитки в сторону, чтобы я их не видел?

Надо же, раньше я совершенно не обращал на это своего внимания. Почему-то теперь мне казалось, что это все связано. И лупа была непростой, иначе зачем человеку с хорошим зрением читать что-то с ее использованием?

– Вы о чем-то задумались? – спросила меня Алиса.

– Мне нужно домой, на юг, – уверенно ответил я. – Кажется, я догадываюсь, как могу прочитать книгу и бумажку

твоей сестры. Спасибо, ты мне дала наводку. Сам я сейчас, скорее всего, не додумался бы до этого. Возьму билет на завтра, и примерно через четыре или пять дней вернусь обратно в Диврет.

Глава 16.

Умбра

Во время обеда я не могла проглотить ни куска, мой желудок нервно сжимался всякий раз, когда я вспоминала о ночном посещении Робмунов.

Оба родителя были на работе, поэтому, когда я пришла домой от Алисы, их уже не было. Все утро я терзала себя мыслями, что поступаю совершенно безрассудно, подвергая опасности себя и, возможно, своих близких. А еще я никак не могла понять причину смерти друзей.

Когда я ночью вернулась к Алисе, она сразу набросилась на меня с расспросами, и после того, как я ей все рассказала, она спросила:

– Кто тогда их убил, если Робмуны не убивают всех подряд?

У меня возникал тот же вопрос, и я не имела ни малейшего представления, что могло произойти.

– Либо твой Кас врёт, либо...не могли же Лола, Бренн и Нави быть связаны с Робмунами? – рассуждала Алиса.

– Думаешь, мы бы не заметили, если бы они действительно были с ними связаны? Хотя...я ни в чем уже не уверена.

– Думаю, мы бы точно заметили. Тут скорее дело не в них,

а в Робмунах и твоём Касе, который наверняка просто навешал лапшу тебе на уши.

– Все может быть. И вообще, хватит называть Каса «моим». Я ему явно не нравлюсь, и он меня часто раздражает.

– Тогда тем более есть вероятность, что он соврал тебе. Или он просто не хотел тебя пугать, чтобы ты не убежала оттуда и не побоялась становиться Робмуном.

– На самом деле, он наоборот этого не хотел.

– В любом случае, не думаю, что Лола, Нави и Бренн по своему желанию могли бы присоединиться к ним, – уверенно сказала Алиса.

Я старалась думать так же.

Мне просто не хотелось верить, что друзья могли меня обманывать. Да такого просто не могло быть!

Особенно Нави. Он никогда ничего не скрывал от меня. Да и Лола с Бренном всегда говорили все прямо в лоб, не утаивали никаких мыслей и чувств и говорили то, что думали.

Я смотрела в тарелку супа, заставляя себя поесть. Напряжение с сегодняшней ночи не покидало мое тело, все мышцы были нервно сжаты, голова не отдыхала от сомнений и вопросов.

Сделав глубокий вдох, а потом медленный выдох, я расслабилась и успокоилась.

Нельзя все время об этом думать. Нужно чувствовать гармонию мира внутри себя, хоть иногда.

Доев суп, я собиралась пойти к себе в комнату, как вдруг позвонили в дверь.

Я никого не ждала, разве что Алиса могла прийти, но мы виделись всего несколько часов назад, так что вряд ли это была она.

С опасением я открыла дверь и увидела всего лишь почтальона. Вновь возникшее напряжение во мне резко пропало.

– Рирких Умбра? – спросил он. – Вам заказное письмо.

– Спасибо, – удивлённо приняла я конверт, на котором было мое имя получателя и одна марка в углу с волком, воющим на полную луну.

Закрыв дверь, я вернулась на кухню и открыла конверт.

«Надень что-то, в чем не будет жарко. Встречаемся в то же время, в том же месте», – гласило письмо, а внизу была подпись, которую я сразу узнала. Красивые узоры вокруг аккуратно выведенных букв я уже видела однажды, когда мы с Кассиопеем подписывали документы в тюрьме. Тогда я хорошо запомнила его подпись.

Надо отметить, сам текст письма был написан таким же невероятным почерком. Буквы слегка вытянуты и наклонены вправо, и каждая заканчивалась изящными завитками.

Интересно, мы пойдем куда-то, где будет жарко?

Весь день я позволила себе ничего не делать. То читала книжку, то пялилась в телевизор, пока не пришли родители.

– Начал происходить какой-то дурдом в городе, – сказал отец, рассказывая, как прошел его день.

– Опять Робмуны? – спросила мама.

– Нет, наверное... Надеюсь, что нет, иначе это все лишь усложнит ситуацию. Не хочу вас пугать, но на солнечных станциях какие-то перебои в работе. За всю историю таких серьезных проблем не было.

– Из-за чего это? – поинтересовалась я.

– Вот мы и пытались сегодня понять, из-за чего. Занимаемся расследованием этого, – ответил отец, как вдруг раздался звонок телефона. Он у нас был в гостиной, поэтому я, находившаяся ближе всего к выходу из кухни, пошла взять трубку.

– Привет, есть минутка поговорить? – спросила Алиса.

– Конечно. Что-то случилось?

– Тебе никогда Лола не показывала какие-нибудь необычные карты? Например, гадальные. Или просто карты с картинками.

– Нет, – с сомнением ответила я. – А что?

– У Лолы есть три странные на вид карты. А еще бумажка на непонятном древнем языке. Может ли это быть связано с Робмунами?

– Глупо связывать все таинственное и неясное нам с Роб-

мунами, – старалась говорить я тише, чтобы родители не услышали. – Но я постараюсь узнать. А что за бумажка и язык?

– Помнишь племянника Августы? Он тоже расследует что-то, связанное с Робмунами, и у него есть целая книга на этом языке.

– И ты ему показала бумажку Алисы и ее карты? Ты уверена, что ему можно доверять?

– Мне кажется, да.

– Хорошо, – вздохнула я. – Во всяком случае, я потом гляну на эти карты и в течение недели постараюсь узнать что-то от Робмунов. И да, если что, я иду сегодня с Касом куда-то, но он не уточнил, куда именно.

– Будь осторожной и утром обязательно позвони, – попросила Алиса.

Я выполнила просьбу Каса и оделась легко. Конечно, я не надела шорты или юбку, потому что носить слишком открытую одежду девушкам ночью на Каедесе было сущим безрассудством. Штаны из зеленой легкой струящейся ткани, белая укороченная футболка и сандалии с плетеными ремешками показались мне идеальным вариантом. Волосы я скрутила в жгут и закрепила заколкой-крабиком.

Чтобы не разбудить родителей, мне пришлось снова выбираться через окно. Я специально вышла пораньше, чтобы добраться на трамвае, поскольку пешком идти слишком

долго, больше часа. Еще не наступил комендантский час, он должен был начаться только через пол часа, поэтому общественный транспорт еще ходил.

На этот раз мне ждать было уже не так страшно, как вчера, но тем не менее я была заинтригована, что меня сегодня может ожидать.

В этот момент меня уже не столь окутывал страх, сколько азарт.

В полночь в эту арку пришел Кас, сам лично. Одет он был как всегда в черную водолазку и куртку с капюшоном, как и до этого.

– А тебе самому жарко не будет? – спросила с издевкой я.

– Я разденусь. Пошли.

Кас отвел меня к какой-то машине, стоявшей на улице неподалеку, в которой уже сидел Рорин. Мы сели на заднее сиденье, и Рорин приветливо сказал мне:

– Добрый вечер. Отличный вечер для посвящения в тайны ордена, не так ли?

– Ро, я сам все расскажу, – напомнил ему Кас серьезным тоном, после чего обратился ко мне: – Пока ты не Робмун, по правилам мне придется завязать тебе глаза.

– Нет, – возмущенно возразила я.

– Да, – ответил Кас загробным голосом, беря в руки черный шарф из плотной ткани. – Хочешь стать Робмуном, тебе нужно понять, что это орден, в котором ты обязана придерживаться правил и законов.

Я больше ничего не сказала, лишь томно вздохнула, позволив Касу завязать себе глаза.

«Ты совершенно безумна и глупа», – шептал мне мой внутренний голос. Оставалось лишь молиться, что меня не убьют. Хотя, с другой стороны, если бы хотели это сделать, уже бы сделали.

Я думала начать запоминать повороты, куда мы ехали, но это оказалось сложно. Зато отсутствия взора позволило мне понять, что во мне совершенно не осталось страха, лишь интерес и любопытство. Даже от Каса я не ощущала никакой опасности. Может, ощущала что-то раздражающее от его закрытости и холодности, но не опасность. Даже если учитывать, что он прислал письмо мне домой, хотя не знал, где я живу.

– Кстати, откуда ты узнал мой адрес? – осмелилась спросить я.

– Робмунам доступно чуть больше информации, чем обычным людям, – загадочно ответил он после недолгой задумчивой паузы.

Больше мы не говорили. Даже Рорин с Касом не разговаривали между собой. Мы ехали около получаса или чуть больше, по моим ощущениям. И на весьма высокой скорости. Когда мы наконец остановились, я услышала голос Каса:

– Нужно еще немного пройти, но маску снимать нельзя. Мы пойдем вдвоем.

Он помог мне вылезти из машины, и под ногами я почув-

ствовала не привычный асфальт, а неровную землю с камнями. Тонкая колючая трава касалась моих ног.

– Если я упаду и сломаю себе что-нибудь, вся вина будет на тебе, – пообещала я Касу, чувствуя, что идти здесь с закрытыми глазами будет очень трудно.

– Не упадешь, – сказал он, и в следующий миг я мое дыхание от неожиданности, когда его руки подхватили меня. Кас поднял меня с земли, слегка прижав к себе, и куда-то понес.

Интересно, ему слышно, что мое сердце сейчас вот-вот вырвется из груди?

Пока Кас не остановился и не поставил меня обратно на землю, я не могла ни о чем думать.

Что за дурная реакция? Он просто отнес меня на руках, чтобы я не навернулась.

Я даже не знала, где мы могли оказаться, поэтому по пути не строила никаких догадок.

Кас снял с меня повязку, и я увидела вокруг нас одни лишь полуразрушенные каменные стены, словно мы оказались посреди разрушенного много-много веков назад города. Над нами было открытое звездное небо, вокруг не было ни единого источника света или присутствия других живых душ.

– Где мы и, главное, зачем мы тут? – спросила я.

– Мне придется погружать тебя в магию луны. Начать стоит с взаимосвязи основных элементов земли и энергии луны. Сегодня начнем с огня, потому я и просил не одеваться

тепло.

– Что значит взаимосвязь огня и луны? И почему я должна погружаться в магию именно в этом странном заброшенном месте?

– Это развалины древнего города, разрушенного очень и очень давно. Сюда мало кто решает сунуться, поскольку кому нужны такие развалины? Соответственно, и правительство никак не охраняет эти места. Поэтому мы иногда приходим сюда для полного уединения себя с окружающим миром и луной. А еще это место предназначено для огня. Смотри. – Кас указал на подобие поребриков или длинных клумб для цветов с углублением. Они образовывали дорожку, на которой мы стояли, а в нескольких метрах были остатки почти полностью разрушенных каменных стен, служивших когда-то в незапамятные времена стенами домов, от которых теперь не осталось даже в крыш.

Неподалеку росло дерево – единственное живое в этом месте.

Кас собрал немного хвороста под ним и разложил в те углубления по обе стороны.

– Отойди подальше, – приказал он, и я отошла на приличное расстояние и стала внимательно следить за действиями Каса.

Мне стало ясно, что вопросы тут излишни, нужно просто смотреть и ждать.

Кас стянул с себя сначала куртку, к затем водолазку и бо-

тинки и отшвырнул все это в сторону, оставшись в одних штанах.

В темноте мне было не очень то что видно, я еще и стояла на расстоянии метров десяти от Каса.

Он развернул ладони кверху, держа их на уровне своей груди, взгляд был устремлен на месяц. Медленно его ладони начали светиться, и я задумалась, не сплю ли.

Резким движением он махнул руками в стороны и будто сбросил свет из ладоней, от которого вспыхнул хворост. Медленно разгорелись все веточки, уложенные в длинные «клумбы», образовав две огненных стены. Скорее всего, это не были клумбы, это были специальные построения, служившие для освещения улицы огнем. Только огонь был не обычный, а... лунный? Такую характеристику я могла ему дать. От него шел жар, но пламя было белым. Совсем как свет Луны.

Как он сумел сделать это без спичек и зажигалки?

Каменные развалины около нас начали нагреваться, от чего становилось жарче. Я подошла к Касу, глядя на него непонимающим изумленным взглядом.

Огонь был похож на обычный, только пламя действительно было белым с серебристым отблеском. Казалось, будто огонь холодный.

– Это... как? – спрашивала я восхищенно.

– Лунное пламя. Разжигается при помощи энергии Луны, – объяснил Кас, после чего повернулся к огню и сунул в него руки.

Я ахнула от неожиданности, но в следующую секунду он достал руки, не обожженные и совершенно невредимые, а в ладонях он удерживал частичку пламени, освещавшем его красивое тело и лицо. Черные локоны спадали на лоб и были слегка мокрыми от пота, появляющимися блестящими капельками на лице. Они появлялись и на его груди, что было не удивительно, становилось невыносимо жарко, учитывая, что сама ночь была теплой.

Мне тоже хотелось потрогать огонь, но Кас меня предупредил:

– Ты можешь обжечься, ты не подготовлена еще, подожди. Протяни руки.

Во мне проснулось необъяснимое доверие к Касу, я совершенно не сомневалась, что он не причинит мне боли, потому протянула свои ладони.

– Расслабься, не напрягай сильно руки и посмотри на Луну, – говорил он. – Попробуй просто подумать о том, что ты можешь прочувствовать энергию Луны. Представь, как она к тебе тянется и льется по твоим венам.

Я пыталась это сделать, не сводя глаз с ночного светила. У меня не было ни малейшего представления, как это должно ощущаться, пока я не почувствовала в ладонях резкий жар, сменившийся холодящим покалыванием. Но это была никакая не магия Луны, это был огонь.

Белый лунный огонь на моих ладонях.

Кас передал мне частичку пламени, и теперь я его удержи-

вала. Это совершенно невероятно! Пламя не обжигало мои руки, наоборот, внутри я чувствовала что-то похожее на приятное расслабление.

– Через природные стихии мы учимся чувствовать Луну, – пояснял Кас. – Ее энергия помогает видоизменять их, и новичку легче всего начать с огня. Даже неосознанно ты начинаешь привыкать к магии. Твое тело адаптируется, запоминает новые ощущения.

– Чувствуется как пробуждение после долгого сна или свободу, которую ощущаешь на прохладном приятном ветру, – восхищенно говорила я. Рассоединив ладони, в обеих осталось гореть пламя.

Кас улыбнулся. Кажется, улыбка на его лице была исключительной редкостью.

– Верное ощущение. Но начинать привыкать нужно потихоньку.

Он накрыл мои ладони своими, и пламя в них погасло. Я вся вспотела, моя одежда была мокрой. Все тело Каса тоже было мокрым от пота. Оказывается, если держись в своих ладонях огонь, становится еще более жарко.

Чувство действительно было непередаваемым. Я забыла и Робмунах, и о своей задаче, мне действительно хотелось самой научиться разжигать лунный огонь и чувствовать энергию Луны...

– Чувство действительно непередаваемое, – подтвердил Кас.

– Можно еще раз?

– Вернемся сюда завтра. Сразу пытаться вобрать в себя много магии с непривычки может быть вредно для твоего здоровья.

Кас махом руки затушил огонь вокруг нас, и вновь стало темно. Он взял в охапку свои вещи, и мы направились к машине. Он шел впереди меня, а я за ним, поскольку улочки, по которым мы шли, были слишком узкими для двоих.

Он шел с голым торсом, потому я видела его светящуюся линию, тянувшуюся вдоль ровного позвоночника. Его спина была красивой, мышцы слегка подкачены, кожа ровная и гладкая, и на фоне ее тоненькая полосочка серебристого света, перекликавшаяся с луной и звездами.

– Во сколько лет ты стал Робмуном? – поинтересовалась я. Он не ответил, и я уже было подумала, что он либо не услышал, хотя в такой тишине сложно было не услышать, либо решил просто не отвечать, но все же он сказал:

– В семнадцать, почти восемнадцать. Меня привела туда моя мама по моему собственному желанию. Мама тоже была Робмуном. Но... знаешь, использовать магию Луны и быть Робмуном – немного разные вещи, как, например, вера и религия. Я хотел колдовать и не знал, что орден – общество с весьма жестокими правилами... Я не был готов к тому, что там все настолько секретно, тайно и временами опасно, но потом я привык. Ни капли не жалею.

– А твой отец? Он тоже Робмун?

– Нет. Они всегда ругались с мамой из-за этого. Мы скрывали от него, что я стал Робмуном, чтобы мне с ним не переругаться.

– Сложно ли не попадаться, что ты Робмун? Все же время приходится скрывать.

– По сути днем мы действительно живем обычной жизнью, лишь ночью делаем наши «робмунские» вещи в ордене.

– Когда же вы спите?

– Мы не все ночи обязаны посещать орден, а так спим по два-три часа.

Да уж, это жутко, быть вечно невыспавшимся.

– То есть днем ты живешь как обычный человек, – повторила я.

– Да. Работаю тату-мастером, живу в обычной квартире, ем, моюсь, хожу в туалет... все обычные рутинные вещи.

– А от друзей сложно ли это скрывать?

– Безумно сложно. А еще тяжело от понимания, что подрываешь их доверие. Но сейчас у меня лишь один друг – Рорин.

Кас был сегодня удивительно разговорчивым и открытым. Вроде, и отвращения ко мне ни разу не показал.

Мы уже подходили к машине, где нас по-прежнему ждал Рорин.

– Мы отвезем тебя до дома, – сказал Кас, вновь надевая мне на глаза шарф.

– Тогда поедем другим путем, более коротким, – добавил

Рорин. – Как все прошло?

– Замечательно! – воскликнула я. – Я не ожидала, что магия Луны – настолько приятно. Я словно птица, освободившаяся из клетки.

– Потому что энергия Луны помогает лучше понять, что в душе человека. Ты начинаешь лучше осознавать себя и окружающий мир. Сливаешься с природой и вселенной, – говорил Рорин.

– Но это не значит, что ты погружаешься в полную гармонию, – дополнил Кас. – Внутренние проблемы и переживания, боль и негативные чувства никуда не деваются...

Машина резко остановилась.

– Вот черт, – услышала я голос Рорина.

Кас позволил мне снять с глаз повязку, и я увидела, что мы остановились около каких-то построений, плохо различаемых в темноте.

Когда к нам подошел какой-то мужчина и посветил фонариком в окно машины, я поняла, что нас кто-то остановил.

Рорин и Кас сразу открыли двери и выскочили наружу, и я тоже собиралась выйти, но Кас шепнул мне:

– Не выходи.

Мне стало немного не по себе. Хотелось бы знать, что происходит, но раз Кас велел не выходить, лучше действительно не встречать в разговор. Тем более мне и отсюда будет все слышно.

К мужчине с фонариком присоединились еще двое. Один

был уже пожилой с седыми волосами и деловом костюме, двое других в черных одеждах, скрывавших их почти полностью, кроме лиц.

– Куда это мы едем? – спросил один из мужчин.

– Домой, – ответил Кас.

– Точно? Не на станцию ли?

Я посмотрела еще раз на здание и видневшиеся за ним железные вышки и поля с какими-то странными устройствами. Ну конечно, стоило догадаться сразу. Это была солнечная станция, откуда проходило электричество во весь Диврет.

– Нет, – продолжал отвечать Кас. – Что-то случилось?

– Случилось, господин Гоцц, – сказал другой мужчина в черном. Он знал фамилию Каса? Неужто они были знакомы? – По какой-то причине произошли проблемы с электричеством. Проблема в солнечных батареях, и никто не может быстро решить эту проблему, говорят, требуется не меньше недели, а то и больше, чтобы все отремонтировать. Мы предложили свою помощь, а нас обвинили, что это мы, мол, специально подстроили проблемы на станции, чтобы предложить нашу помощь.

– И зачем нам это, по их мнению? – спросил Рорин.

– Потому что вы гнусные выродки! – воскликнул мужчина в костюме. Кажется, он был начальником электростанции, а двое других – Робмуны. И кажется, это была та проблема, о которой говорил отец за ужином.

– Ничего подобного, – ответил один из Робмунов. – Мы

предложили помощь, не хотите – не надо. Пусть Диврет хоть месяц без света будет сидеть!

– Нам не нужно, чтобы нашу проблему решали убийцы и обманщики! Я прямо сейчас пойду звонить полиции! Пусть вас забирают! Еще и за порчу станции пусть осудят вас!

– Ага, – усмехнулся один из Робмунов, и вдруг начальник электростанции упал без чувств. На асфальте разливалась лужица крови, перемешанная с серебристыми следами, которые оставляют Робмуны, и я заметила нож, мелькнувший в руках одного из мужчин в черном.

Меня замутило.

– Думаю, можно было договориться, – со всей спокойностью сказал Рорин, лишь слегка поморщившись.

– Согласен, – сказал Кас. – Разве это было допустимо? И разве стоило ли предлагать свою помощь напрямую? Не думаю, что это изначально было хорошей идеей.

– А вы, господин Гоцц, не лезьте в дела не вашей компетенции и не забудьте о вашем завтрашнем мероприятии.

Кас и Рорин вернулись в машину.

– Что это было? – спросила я, пытаясь выбросить увиденное из головы.

– Ты все слышала, – буркнул Кас, после чего сказал Рорину: – Поехали.

Ну что ж, вернулся прежний недовольный Кас. Хотя мне казалось, сейчас он стал более серьезным и закрытым после последней фразы, которую сказал ему один из мужчин в чер-

НОМ.

Не знаю, что он имел в виду, но вряд ли мне об этом сейчас расскажут. Доехали до моего дома мы молча, и когда я выходила, Кас даже не попрощался, глядя в окно в противоположную от меня сторону тяжелым взглядом.

Глава 17.

Умбра

Ей никогда не было дела до чужого мнения.

Лола могла начать петь посреди улицы, ее смех всегда был звонким и громким, она не боялась хохотать в общественных местах. Одевалась так, как нравилось ей, не думая, модно ли это, прилично ли это и нравится ее одежда кому-то еще. Она была тем человеком, который постоянно интересуется чем-то вокруг, постоянно задает вопросы. В каждом дне и событии она старалась находить что-то веселое и хорошее. Она жила для себя, любила себя и думала прежде всего о своем благе, но эгоисткой ее назвать нельзя.

Лола была куда более открыта миру, нежели я. Помню, как однажды на ее день рождения мы пошли в парк аттракционов. За день до этого Бренн и Нави слегли с высокой температурой, потому мы пошли вдвоем, взяв с собой и Алису.

Много аттракционов и веселящихся людей, палатки со сладостями, рисующие и поющие люди... Все было таким ярким, беззаботным, что сейчас казалось вовсе нереальным.

– Мы должны прокатиться на карусели! – воскликнула Лола, указывая на большую крутящуюся карусель с сидени-

ями в виде животных. Ей исполнилось восемнадцать, и, кажется, это был не совсем подходящий возраст для таких развлечений.

– Это ж для детей, – сказала Алиса, словно прочитав мои мысли.

– И что? На входе не написано, что туда нельзя взрослым! – воскликнула Лола и потащила нас туда.

В тот день она выглядела немного иначе, чем обычно. Привычные черные кружевные и кожаные откровенные вещи она сменила на белое платье в черный цветочек, а свои синие волосы заплела в аккуратную косу.

Мы с Алисой скромно сели на скамейку в виде кареты, а Лола залезла на зебру, которая во время медленного вращения карусели поднималась вверх-вниз. Кажется, ее это действительно осчастливило, поскольку когда мы вышли с карусели, ее улыбка чуть ли не доходила до ушей.

– А теперь идем есть сладкую вату, и вы не посмеете отказаться от этого, – уверенно заявила она, и мы направились к лавке. Каждая взяла себе большое облако ароматной сладкой ваты, таявшей во рту, и мы присели на скамейку, возле которой рос настоящий бамбук. На Каедесе он рос лишь в специальных оранжереях, в природе он не встречался.

– Я бы хотела посадить в горшке бамбук, чтобы он рос у меня в комнате, – сказала Лола.

– Интересная мысль, – сказала я. – О, смотри, там продают шарики!

Я указала на продавца разноцветных воздушных шаров, и Лола, которая теперь стала совершеннолетней, но все еще хотевшая задержаться в детстве подольше, пошла купить шарик. Узнав, что у нее день рождения, продавец отдал ей шарик бесплатно.

– Действительно, как дети малые, – усмехнулась Алиса.

– Жизнь и так нелегкая штука, порой нужно давать себе время побыть ребенком и радоваться мелочам, – возразила Лола. – Кто знает, может, впереди нас ждут еще более трудные времена.

В этом она была права, хотя мы и не думали, что будет только хуже.

– Кстати, я так и не подарила подарок! – внезапно вспомнила я и протянула свою сахарную вату Алисе, доставая из рюкзака маленькую коробочку в черно-синей подарочной бумаге. Такие цвета у меня ассоциировались с Лолой.

Она с нетерпением развернула упаковку и вынула оттуда медиатор для гитары. Он был непростым, его материал – настоящий камень метеорита, я нашла его в антикварной лавке, где работала моя мама. Лола очень обрадовалась этому подарку, ведь вместе с медиатором я дарила ей поддержку в ее исполнении своей мечты – стать музыкантом и показать миру свое творчество.

Что, увы, так и не осуществилось.

Я проснулась, когда уже был полдень. Мне снилось вос-

поминание о дне рождении Лолы, которое я вспоминала с приятной, но тоскливой ностальгии. Переведя взгляд на календарь, я увидела дату и поняла причину своего сновидения. Сегодня был день рождения Лолы, и я не могла об этом забыть.

Ночное приключение, если его так можно было назвать, забрало у меня много сил, потому я проспала долго, и в Диврет я собралась лишь к обеду. В мои планы входило купить бамбук. Я давно задумывалась завести комнатное растение, а теперь, вспомнив об одном желании Лолы, решила его осуществить.

Скорее всего, его можно было купить в небольшом магазинчике рядом с ботаническим садом, где росли эксклюзивные растения.

День хоть и был пасмурным, воздух был теплым. Я стояла на остановке, ожидая своего трамвая. Наш район состоял из частных домов, и остановка находилась на краю леса. Остановка была предпоследней, народу на ней было немного, но сейчас, в рабочее время, я стояла вообще одна.

Прошло пол часа, а ни одного трамвая не прошло. Мне это показалось странным, пока я не вспомнила вчерашний случай на электростанции. Когда я встала с кровати, свет еще был, но когда выходила, я не проверяла. Может, электричество вовсе отключили, а потому и трамваи не ходят?

Мне пришлось идти пешком, и пока я шла, ни одного трамвая не проехало мимо. В ближайшем газетном киоске я

купила свежий выпуск и тут же заметила большой громкий заголовок: «Диврет останется без света? Кто хочет избавиться от электричества?».

Такие заголовки мне не нравились. Я начала читать статью, где вначале говорилось о перебоях электричества, а затем об убийстве главного министра электроэнергетики.

Так тот мужчина, которого вчера убили Робмуны, был не просто какой-нибудь начальник станции, а министр?

В статье не говорилось причин проблем на станции, так же не упоминались Робмуны. Мне становилось не по себе, я не понимала, что происходит, но если не вернут электричество, жизнь усложнится в десятки, а то и сотни раз.

Я двинулась дальше в центр города, и на главной улице попала в самую гущу негодующего столпотворения.

Люди с плакатами кричали «Верните электричество!», «Убить Робмунов!» и «Вернуть свет в Диврет!».

Мне уже стало не до бамбука. Полиция безуспешно пыталась утихомирить толпу и убедить, что скоро все вновь заработает, но никого не убеждали пустые слова.

Трамваи не ходили, свет не горел, многие работники не могли выполнять свои задачи. Это ужасно, но не конец же света! Я не понимала, действительно ли люди так озабочены отключением электричества или это был просто предлог для забастовок? Может, они и целое восстание так поднимут?

Меня не особо интересовала политика и новости Диврета.

Ладно, меня вообще мало что интересовало. Но я не зна-

ла, как вообще обстоят дела на Каедесе.

Я поспешила убраться оттуда, и на мое счастье такие бурные скопления орущих людей были только на главном проспекте, поэтому к цветочному магазину я шла по спокойной улице.

В магазине никого не было, но он хотя бы работал. Я прошла мимо рядов цветов в горшках, ища глазами бамбук.

– Добрый день, вам что-нибудь подсказать? – услышала я голос продавца сзади. Это была милая старушка в зеленом переднике.

– Да, у вас есть бамбук?

– Последний остался. Будто вас ждал, – улыбнулась она. – Три серебряных.

– Всего? – удивилась я. Чашка кофе столько же стоила, а бамбук – растение редкое.

– Да, дорогая. Бери. Кому нужен бамбук? Сейчас вообще мало кто цветы берет. За последние два дня ты – первая покупательница.

– Ого, – удивилась я и отдала намеренно немного больше денег. – Спасибо.

Выйдя из магазина с горшком маленького бамбука в руках, я поняла, что придется возвращаться вновь через тот ужас бастующих людей. Придется обходить, чтобы меня не задавили.

Когда я подходила, услышала взрывы, и мое сердце ушло в пятки, а в ушах зазвенело.

Что происходит?

– Верните электричество!

– Убейте Робмунов!

Люди кричали, кто-то что-то взрывал, и, кажется, где-то лежали бездыханные тела. Полиция старалась разгонять толпу, они били палками кричащих людей, а я, такая невинная девочка с растением в руках и цветастом сарафанчике, шла мимо на трясущихся ногах с широко распахнутыми от страха и испуга глазами.

– Ты тоже с ними? – вдруг возник возле меня полицейский.

– Нет, – ответила я тихо, горло мое пересохло. Я старалась идти настолько быстро, насколько была способна, но меня практически снесла толпа бегущих от полиции мужчин. Я успела увернуться, врезавшись в стену, и все-таки упала на колени, не выпуская из рук горшок.

– Вставай и уходи отсюда, – шепнул мне вдруг кто-то и поднял, схватив за локти. В таком шуме сложно было различить голос, он был мужским и знакомым, но все было так быстро, что я не успела его узнать, а обернувшись, там уже никого не было. На земле лишь валялась какая-то карточка.

Что-то заставило меня ее поднять и сунуть в карман, после чего я поспешила домой.

Горшок с бамбуком хорошо смотрелся на моем подоконнике, и только сейчас я поняла, что именно зелени мне в комнате и не хватало.

Я вынула из сумочки карту, которую подобрала с земли. У меня не было ни идеи, что это такое и зачем я вообще подняла это с земли.

Карта была чуть больше, чем игральная, и на ней было сверху число двадцать один, а под ней картинка. Красивые скалы, меж которыми пролегал пролив цвета отражающегося в нем неба глубокого голубого цвета. Между краями скал был протянут трос, по которому балансируя шла девочка. Лишь края, самые края картинки отличались друг от друга. Слева, откуда шла девочка, светило солнце, освещая скалы, а справа небо темнело и виднелась полная луна.

Если это была двадцать первая карта, то я смела предположить, что где-то должны быть и остальные.

Пока я рассматривала карту, услышала, как кто-то пришел домой. Спустившись на первый этаж, я заметила, что это была мама, очевидно, вернувшаяся домой с работы – антикварной лавки, раньше из-за происходящего в городе.

– Что происходит, ужас! – воскликнула мама с порога. Я заметила, что она держала в руках конверт. – Работать без света невозможно, да и покупателей нет. Кстати, тебе тут письмо под дверь лежало.

Я взяла в руки конверт и увидела точно такой же конверт, только марка на этот раз была другая, с изображением солнца. Пока мама разувалась и мыла руки, я успела быстро прочитать письмо, которое снова отправил мне Кассиопей:

«В полночь мы заберем тебя у твоего дома. Поедем туда

же».

– Что за письмо? – поинтересовалась мама.

– Да так... не важно, – постаралась уйти от темы я. – Интересно, сколько продлится этот кавардак в Диврете?

– Отец сегодня, наверное, поздно вернётся, если вообще не завтра утром. Работы у него будет много.

– Надеюсь, скоро вернут свет, и люди уgomонятся, – сказала я, про себя думая, помогут ли Робмуны, и что сейчас у них происходит. Вспомнив вчерашнее убийство министра, меня замутило, поэтому я поскорее прогнала это воспоминание из головы.

– Да... Если едешь в город, будь осторожной, – попросила мама. – Ближайшие дни лучше переждать дома. И Алисе тоже скажи это.

– Папа даже не подумал бы это сказать, – тихо сказала я.

А ведь мама знает много необычных старинных вещей. Может, она и про ту карту может что-то знать? Я сбегала наверх и принесла ее.

– Ты не знаешь, что это?

– Догадываюсь. Ни разу их не видела, но существуют карты, помогающие лучше познать себя. Показывающие путь к твоей душе. В какой-то мере это волшебные карты. Но лучше не интересуйся этим, ради собственной безопасности. И спрячь куда-нибудь подальше, чтобы отец не увидел. Кстати, откуда у тебя это?

– Да так, на улице нашла...

– Поаккуратнее будь с такими находками, – с заботой сказала мама, будто догадывалась, что я ввязывалась во что-то опасное и незаконное, но напрямую ни о чем не спрашивала.

Из окна я увидела, когда подъехала машина Рорина, и уже тогда вылезла из окна и направилась к ним. Оба сказали мне «привет», Кас вновь повязал мне на глаза шарф, и мы поехали. За всю дорогу мы не проронили ни слова, но в воздухе так и ощущалась удручающая напряженность. Я догадывалась, что это было связано с тем, что происходило на станции и в городе в целом, но я не решалась что-либо спрашивать.

Кас вновь нес меня на руках до того места, где мы были вчера и, сняв шарф с меня, принялся раздеваться до трусов. Ночь сегодня была вновь теплой.

Я заметила, что по середине плеча рука его была перебинтована, хотя еще вчера у него все было в порядке.

– Что с твоей рукой? – не удержалась от вопроса я.

– Неважно, – буркнул он. – Мы здесь не за этим.

В целом, другого ответа я и не ожидала.

Я последовала его примеру и тоже начала раздеваться. Почему-то с ним мне хотелось быть чуть-чуть понаглее, потому я решила сегодня не жариться в одежде. Под изумленным взглядом Каса я сняла с себя джинсы и футболку, оставшись в черном топе, больше напоминавшем лифчик, и чересчур коротких велосипедках.

– Продолжим то, что делали вчера, – сказал он более ти-

хим и низким голосом, не делая вид, что моя откровенность его поразила.

Кас разжег огонь вокруг нас, как это было вчера, и, взяв в руки частичку пламени, вновь направился ко мне.

Движения Каса сегодня были более резкими и грубыми, точно у человека нервного и психованного. Он подошел ко мне, сказав:

– Делай, как вчера.

Я посмотрела на луну, протянув к нему руки, как вдруг почувствовала дикое нестерпимое жжение в ладонях.

– Ай! – воскликнула я. У меня чуть искры из глаз не полетели, но слезы точно брызнули.

Кас тут же среагировал, погасив пламя и взяв меня за руки. Его глаза испуганно округлились.

– Прости, – сказал он. – Сильно больно?

– Достаточно, – буркнула я, все еще чувствуя жжение, но плотное прикосновение к ладоням Кассиопея словно снимало всю боль.

– Ты несобранная, – сделал он замечание, что почти привело меня в бешенство. – Возьми себя в руки и будь готова к тому, что этот огонь тебя коснется. Тогда и не будет больно.

– Я собрана! Может, это ты какой-то слишком рассеянный? Что происходит? – начала в ответ возмущаться я.

– А то и происходит! И так были проблемы, а тут ты мне на голову еще свалилась, как сосулька с крыши.

Он сорвал с себя бинт, и я увидела выжженную букву «В»

красивым необычным шрифтом по середине плеча. Но как бы это ни было красиво, она была выжжена прямо на коже. То был не рисунок, а еще не заживший шрам.

– Думаю, ты вряд ли слышала когда-либо о Всадниках Весов.

– Кто это такие? – спросила я.

– Робмуны, вершащие правосудие. Во имя Луны Всадники Весов лишают жизни предателей, отрекшихся от ордена и силы, которую дарует нам Луна.

– И ты теперь один из этих всадников?

– Да. Грубо говоря, теперь я ассасин. Несмотря на то, что у всего Диврета вчера был тяжелый день, у меня было посвящение во Всадники Весов.

– И ты теперь будешь убивать?

– Ну, да, но еще Всадники Весов получают многие преимущества... Я сделал это по личным причинам. И я попрошу об этом не распространяться.

Смешно. Кому мне рассказывать? Да и будто он сказал мне что-то подробное...

– Спасибо за доверие, – с сарказмом проворчала я.

Кас явно не хотел делиться планами, и, собственно, кто я такая, чтобы знать их? И все же я не удержалась от одного вопроса:

– А тебя не будет мучить совесть, когда ты будешь лишать людей жизни?

– Умбра, ради Луны-матери, давай продолжим заниматься твоим привыканием к магии, а не обсуждением моей жизни? – недовольно прорычал Кас, и я кивнула, чувствуя, что он уже и так слишком разозлен весь день.

– Только будь аккуратнее, – попросила я. – Мне мои ладони еще нужны.

Кас подошел ко мне поближе, видимо, чтобы нам было легче справляться с огненной силой Луны. От него веяло приятным теплом, а сосредоточенный и немного грозный взгляд охлаждал душу. Он вновь взял белое пламя, освещавшее его бледные руки, на которых от жара выделялись вены, как молнии на грозовом небе.

– Сделай глубокий вдох и медленный выдох, считая до пяти. И закрой глаза, – шепотом приказал Кас, и я подчинилась, выставив руки вперед.

Когда я полностью выдохнула, открыла глаза, и увидела огонь на моих ладонях, который создавал ощущение, будто мы не на земле. По рукам прошло приятное щекочущее ощущение.

Я не могла сдержать улыбку, но вдруг кроме звуков костра послышались чьи-то шаги и голос:

– Это кого ты сюда привел?

Кажется, этот мужчина не был похож на того, которые остановили нас вчера. Тем не менее, за его спиной виднелось серебристое свечение от линии Робмунов, а вопрос был явно адресован Касу.

– Аккарий, – предупреждаяще прошипел Кас, заслоняя собой меня от пришедшего. – Ты то что тут забыл?

– Простого мальчишку это волновать не должно, – усмехнулся тот. По возрасту он был старше моего отца, имел весьма хорошую физическую форму и неприятную ехидную ухмылку. Переведя взгляд на плечо Каса, где хорошо было видно свежее клеймо, он усмехнулся:

– Хотя, смотрю, теперь ты не просто мальчишка.

– Заткнись. Чего тебе?

– Тебе не кажется, что мы все еще не рассчитались? – мне показалось, или у Аккария в ладонях что-то засветилось?

– Будешь использовать запрещенные приемы? – спросил его Кас.

– Дед Солнца разрешил мне.

Понятия не имела, что все это значило, но я почувствовала, как напрягся Кас, сжав кулаки до побеления костяшек.

Не дожидаясь, пока Аккарий что-либо сделает, Кас первым бросился на него, но Аккарий увернулся.

– Зачем мне с тобой драться, если я могу отплатить тебе, используя твою прелестную, но увы, незнакомую мне спутницу? – спросил он уже без ухмылки на лице.

Я не успела среагировать, как Аккарий отправил прямо в мою сторону что-то светящееся, взявшееся невесть откуда. Я так и не поняла, что это было – какой-то белый ветер или большое светящееся облако, сбившее меня с ног. По моему телу прокатилась волна боли, и уже лежа на земле, я отклю-

чилась.

Глава 18. Кириан

Дорога до моего дома от Диврета занимала полтора дня пути с пересадкой во втором по величине городе на Каеде-се – Фрелли. Добрался я лишь поздно вечером. Меня встретил холодный пустой особняк. Я покинул его не так давно, и месяца не прошло, но дом словно окутал промозглый туман серости, заброшенности и пустоты.

А ведь когда-то, несколько лет назад, здесь никогда не было подобного, но то тёплое, родное, спокойное место, где тебя всегда ждут, уже не вернешь.

По дороге я купил себе пару сэндвичей, а чай я нашел дома. Перекусывал я, сидя на диване в гостиной, где некоторое время назад я дал себе строгое обещание: ни с кем не сближаться. С меня хватило близкого общения и отношений, мне не хотелось никому больше доверять после предательства девушки, которую любил. Но проведя немного времени с Алисой, мое обещание самому себе становилось выполнять сложнее.

Перед тем, как уехать, мы обменялись номерами телефонов на всякий случай. И сейчас я боролся с желанием позвонить ей. У меня не было конкретной цели разговора, просто хотелось услышать ее голос, сказать, что я хорошо доехал и спросить, как у нее дела.

«А как же обещание никому не доверять?» – спрашивал

меня мой внутренний голос.

Никого любить я точно больше не собирался, но, может, иметь друга не так уж и плохо?

Вспоминались мамины слова, что человек не может долгое время быть один и чувствовать себя счастливым. О своем счастье я больше не смел задумываться, я знал, что моя жизнь скоро закончится в опасных поисках семейной реликвии. Однако, может, не стоит отказываться совсем от людей? Пусть у меня будет один друг.

– Привет, я доехал до дома, – сказал я Алисе, когда она взяла трубку.

– Здравствуйте, как дорога? – ответила она. Судя по голосу, кажется, она обрадовалась моему звонку.

– Хорошо, но немного устал. А у тебя как дела?

– Как только вы уехали, в Диврете началось что-то странное. Сегодня весь день нет света, а в центре власти не могли подавить забастовку.

– Из-за чего?

– Есть подозрения, что из-за Робмунов, но нам, простому народу, этого не говорят. Проблемы с солнечными батареями. Электричество вернули лишь час назад.

– Ну хорошо, что вернули. Однако если Робмуны к этому причастны, мне становится совершенно непонятно, чем они занимаются, потому что нарушение электропитания определено связано с угрозой властям, а вот кража картины к политике никакого отношения не имеет, – задумался я. Где же

мне искать правду об этом всем?

– Если бы я знала ответы на эти вопросы, с радостью бы вам помогла...Кстати, сегодня кое-что произошло. Мне очень хочется поделиться этим с вами.

– Что-то плохое? – насторожился я.

– Наоборот, очень хорошее, – возразила очень теплым и радостным голосом Алиса, словно она была воплощением чистого, такого безобидного и невинного солнца, освещавшим даже самый унылый и грустный день. – Сегодня день рождения моей сестры. Ей бы исполнилось двадцать. И поэтому я пошла в парк аттракционов, потому что именно там мы праздновали ее последний день рождения. Сегодня там, на удивление, было спокойно, не так, как на улицах. Кроме аттракционов там много развлечений, и в том числе детские барабанные установки. Ну и я от скуки сыграла небольшой кусок из песни Лолы, а меня заметили несколько ребят. И представляете, они пригласили меня в свою группу и согласились исполнить песни Лолы!

– Алиса, это очень здорово!

– Спасибо. Завтра мы начнем с ними первые репетиции и более тщательное знакомство.

– Тогда удачи тебе, – сказал я, чувствуя искреннюю радость за нее. Пусть хоть у нее в жизни будет все хорошо.

Утром я начал поиски лупы, но наткнулся на свои тетради и ежедневники. Один из них привлек мое внимание – ту-

да я раньше записывал рецепты. Тетрадь была немного мятая, а страницы пожелтели и испачкались во время готовки, но тем не менее тетрадь казалась мне такой родной с видом пройденного опыта тысяч получившихся и не получившихся блюд.

Почти полтора года я не брал ее в руки, а сейчас мне захотелось забрать ее с собой в Диврет.

Однако я отвлекся от своих поисков. Никакие рецепты мне не помогут прочесть книгу на древнем языке, потому я продолжил искать в отцовском кабинете. Там все осталось таким, каким он сам оставил, никто туда больше не входил.

Вряд ли лупа лежала бы вместе с шариковыми ручками, какими-то рабочими документами и двумя пустыми кружками.

Я прошерстил все ящики в столе и полки, и нигде лупы не было. Было много чего другого интересного и необычного, на что я прежде никогда бы не обратил внимания, но лупы я не нашел.

В гостиной у нас таился в самом углу за шкафом книжный уголок. К стене прилегал большой стеллаж, до самого потолка заполненный книгами, а рядом было небольшое кресло, где мама любила проводить время за чтением бульварных

романов после рабочего дня.

Но и там я лупу не обнаружил. Особняк наш был большой, два этажа больших роскошных комнат, соединенных просторными коридорами. Но нигде не было лупы. Мне уже начало казаться, что никакой лупы на самом деле не было, и отец не читал никакие свитки через нее. Но ведь и книга мне не приснилась? Она сейчас лежала в рюкзаке, с которой я приехал.

Приблизилось время обеда, потому я отправился в ближайший магазин, который находился весьма далеко. Проходя мимо соседских владений, я увидел, как соседка, милая одинокая женщина лет сорока тренировала лошадь.

У нас тоже были лошади, но я их отдал этой соседке недавно перед отъездом в Диврет. В последнее время они стали тем, что отвлекало меня от моей апатии. Я любил их, особенно свою кобылицу – черно-белую пегую лошадь. И сейчас я не мог не навестить их.

Как раз соседка заметила меня и помахала мне рукой.

У нее были гигантские владения вместе с большим особняком, но жила там она одна, если не считать слуг. Муж ушел от нее много лет назад, дочь уехала учиться в Диврет, а родители умерли. Периодически я замечал, как к ней приходили мужчины, которых она меняла раз в два-три месяца.

– Привет! – поздоровалась она. – Ты, никак, вернулся?

– На пару дней, по делам.

Соседка никогда не лезла не в свои дела, потому уловила, что я не хочу развивать эту тему и сказала:

– Кстати, сюда приходила какая-то девочка, спрашивала, дома ли Дэллет, но я сказала, что теперь тут никто не живет.

– Кто это был?

– У тебя хотела спросить. Она представилась как Дэллет, которая ищет своих родственников. Сразу ушла и больше не появлялась, но отсутствие кого-либо в вашем дома очень огорчило ее.

– Когда она приходила?

– Позавчера, часов в пять вечера.

– Не похоже на мою бывшую?

– Нет, я помню эту дуру. А та, которая приходила, вежливая, милая. Да и совсем маленькая она, хотя издалека мне плохо видно было, она близко не подходила.

– Ладно, спасибо. Я хотел спросить, могу ли навестить Исабеллу и остальных?

Мою лошадь звали Исабеллой, и я полюбил ее сразу, как родители подарили мне ее на четырнадцатилетие еще жеребенком. На ней еще нельзя было ездить, но я каждый день навещал ее и ухаживал за ней. Впервые сел я на нее, когда мне исполнилось восемнадцать. Между нами было полное взаимопонимание, она ни разу не сбросила меня с себя, как делала это лошадь матери, к примеру.

– Конечно, как раз сейчас конюх должен их кормить, –

ответила соседка, и отворила калитку.

Я вошел в длинную конюшню и сразу направился к Исабелле, которая узнала меня и оживилась, громко заржала и подпрыгнула. Конюх вывел мне ее.

Она была все такой же красавицей с белой шерстью с черными пятнами, будто сама тьма оставила на ней свои отпечатки.

Лошадей родителей я тоже не обделил вниманием. И очередной раз за свою жизнь убедился, что животные очень хорошо понимают людей. После смерти родителей они были опечалены, и даже когда я к ним приходил, они продолжали лежать, не поднимая на меня голову, и сейчас они по-прежнему скучали по своим прежним родным хозяевам.

Зато сейчас они обрадовались моему появлению. Правда, мамина кобыла фыркнула и отвернулась от меня, как происходило всегда, а вот конь отца и еще одна лошадь обрадовались мне.

– Думаю, вам тут хорошо, да? – спросил я у лошадей, которые, разумеется, мне не ответили.

– Прогуляйся по лесу, – сказала мне соседка, кормя одну лошадь яблоками.

Я закрепил седло на Исабелле и забрался на нее, выведя на полянку.

– Поедем по тропинке, – сказал я ей и направил в лесную

зону, часть которой принадлежала соседке. Мы шли через сосны, пока не дошли до берега океана. Я спрыгнул с Исабеллы на песок, перемешанный с кучей сосновых иголок. Солнце то и дело скрывалось за облаками, вызывая приятный ветер, который колыхал не только мои волосы и гриву Исабеллы, но и волны, превращавшиеся у берега в белые барашки.

– Я не буду отступать, – решительно я сказал то ли Исабелле, то ли океану, то ли себе самому. Хотя я давно уже все решил, просто сейчас избавился от последних капель сомнения и страха. Кто знал, увижу ли я еще раз Исабеллу? А стоило ли мне сближаться с Алисой, подвергая ее опасностям и страданиям, когда меня убьют?

Жизнь была вещью непредсказуемой, интересной, сложной и простой одновременно. Многие зависело именно от меня, и я уже знал, что меня ждет в будущем.

Но теперь я был намерен действовать быстро и уверенно, без капли замедления из-за вечных терзающих мою душу сомнений.

Я взял яблоко из мешка, который дал мне конюх, и скормил его Исабелле.

Она напоминала мне, что я не один. Какие бы у меня не были планы на будущее, что бы со мной не происходило, я бы не был один, хотя бы благодаря ей. Она не могла мне ничего сказать, как и лошади родителей, но от них я мог получить поддержку, даже от кобылы матери, с которой у нас всегда была неприязнь друг к другу. А когда знаешь, что ты

не одинок, становишься смелее и чуточку спокойнее.

Может, и Алиса мне в этом поможет, а я – ей.

Исабелла что-то ковыряла в песке, и я понял, что это была большая сосновая шишка.

– Зачем тебе это? – спросил я. Исабелла будто подталкивала шишку ко мне, хотя сначала мне показалось, будто она играла с ней, хотя лошадям это было не совсем свойственно.

Я поднял шишку в руки. Такая же стояла на полке с книгами в кабинете отца в качестве украшения интерьера.

А за ней был маленький секретный сейф отца, о котором знали только мы троим, и даже воры бы не догадались о нем.

«Почему мне раньше не пришло в голову посмотреть лупу там?» – вдруг осознал я.

Глава 19. Умбра

Голова раскалывалась, тошнило. Открыть глаза мне стоило непосильных трудов, будто к векам привязали камни. Радовало, что я лежала в своей кровати. Только встающее, еще совсем очень яркое солнце светило сквозь полузакрытую занавеску. Наверное, не было и пяти утра. Я не сразу вспомнила, почему я так отвратительно себя чувствовала. Что со мной сделали? Сбили белым лунным ветром?..

Но еще больше меня волновало, как я попала домой. Конечно, это хорошо, но что произошло после того, как я отключилась?

Мне начало казаться, что я ночью вовсе никуда ни с кем не ездила, а все это было лишь сном, но воспоминания об огне, Касе и том мужчине были слишком яркими. Все вопросы посыпались градом на мою голову, которая нестерпимо болела. Вот бы выпить таблетку или хотя бы воды, но если я встану, моя голова закружится еще сильнее и я точно упаду.

Словно вселенная услышала мое желание, как в комнату вошел Кассиопей со стаканом воды и пачкой обезболивающих таблеток.

– Ты очнулась, – сказал он тихим грубоватым голосом.

– Что произошло? – спросила сразу я. – Родители слышали, как мы пришли? Кто был тот мужчина?

От стольких вопросов моя голова затрещала сильнее, по-

этому я поспешила выпить таблетку. Кас стоял около кровати, держась словно тенью в своей темной закрытой одежде.

– Твои родители не слышали и не видели нас, я принес тебя через окно, – ответил он. – И, кстати, это было довольно сложно. Сейчас тебе нужно отдохнуть, а не выслушивать долгие истории о перепалке двух Робмунов. Просто знай, что больше он к тебе не сунется.

Я не была удовлетворена его ответом, но сейчас меня сильнее беспокоило мое состояние. Все-таки подобное со мной было впервые.

– Скоро пройдет, – сказал Кас. – Аккарий сдул тебя лунным ветром с примесью своей ненависти. Коротко говоря, воздействовал на тебя с помощью магии. К вечеру ты будешь в порядке. Пока не будем экспериментировать с лунной магией, продолжим завтра или послезавтра.

Он направился к двери, и я спросила:

– Ты куда?

– Домой. Спать, – коротко ответил Кас.

– Я имею в виду, ты не через окно пойдешь?

– Выйду через дверь как человек.

– А если встретишься с родителями? – не унималась я

– Познакомлюсь с этими удивительными людьми, которые произвели тебя на свет. До встречи, – улыбнулся он на прощание, и вышел за дверь.

Спустя несколько минут после его ухода добралась до ванной и посмотрела на себя в зеркало. Мой внешний вид пол-

ностью соответствовал моему самочувствию: опухшее лицо с синяками под глазами от размазанной туши, растрепанные волосы, пара царапин на лбу и висках (видимо, ударилась, когда падала). Ко всему прочему, лампа над зеркалом очень хорошо подсвечивала мои недостатки на лице в виде чёрных точек и пор. Обычный мой уход за лицом включал в себя умывание водой, но сейчас мне захотелось привести себя в порядок. Я залезла в душ, тщательно вымыв тело и волосы, после чего нанесла на лицо очищающую маску и спустилась на кухню заварить кофе в надежде не разбудить родителей.

Раннее утро отличалось своей тишиной, свежестью и предвкушением предстоящего дня, особенно летом. А если оно радовало красивым закатом, то ощущалось совершенно иначе. Единственные звуки на улице – пение птиц и стрекотание насекомых.

Обычно я сплю, когда небо окрашивается в розовые и оранжевые оттенки рассвета, озаряя только просыпающуюся землю желтым солнцем. Поэтому каждый рассвет для меня запоминающийся. Особенно один, который я встретила с Нави.

Та история началась еще вечером, и не совсем приятно. Мама не всегда работала в антикварной лавке, какое-то время она занималась садом и домом, но в один момент ей это надоело, и она увлеклась разными старинными вещами. Она покупала книги и журналы, интересуясь всем древним, что только могла найти. И в один день она решила пойти ра-

ботать в антикварную лавку. Мой отец, человек весьма суровый и властный по своей натуре, был недоволен маминым решением. Прежде она всегда во всем с ним соглашалась и подчинялась, но тут четко стояла на своем и на запрет выходить на работу ответила, что не намерена спрашивать его разрешения.

Раньше все решалось словом отца. Без его одобрения мама не делала ничего. Пусть он и не был тираном или плохим человеком, но последнее слово всегда оставалось за ним.

Услышав мамино заявление, он рассердился, и они сильно поругались. Дошло все до криков, громких обвинений и совсем неприятных слов, сказанных со злости. Я сидела в своей комнате, но все прекрасно слышала. И пусть мне уже было на тот момент семнадцать, мне было больно и страшно слышать их ссору, которая почти привела их к разводу и разбитому сердцу их дочери. Последние их реплики довели их до истерики мамы и уходом из дома отца.

– Лучше бы домом занялась или дочерью! – кричал отец. – Она и так дурью мается со своими рисунками, из нее человек нормальный не вырастет! А тут посмотрит, что ты занимаешься черт пойми чем, вообще передумает нормальным человеком становиться!

– А может ты поймешь, что у каждого своя жизнь, и не все зависит только от тебя? Мне надоел твой вечный контроль и мания величия! – срывалась в ответ мама.

– Может, и замуж за меня ты вышла по моему повелению?

И Умбра родилась тоже только из-за того, что я захотел? Кажется, воспитывала ее только ты, потому она и выросла такой! Никуда ты работать не пойдешь! Тебе моих денег мало?

– Не в деньгах дело, а в моем интересе! А если что-то не нравится, катись к черту!

– И уйду, а ты оставайся при своем глупом мнении! – с этой фразой отец выскочил из дома, хлопнув дверью так, что стекла на окнах задрожали. Мама вся в слезах заперлась в ванной, а я, испуганная такой сильной ссорой, еле сдерживала слезы, стараясь делать вид, что все нормально и что меня не задела слова отца. Но на дворе был поздний вечер, что усугубляло ситуацию. Ночью все казалось иначе, чем днем. Мне было страшно, обидно и больно, и я сама не заметила, как оказалась у телефона и набрала номер Нави.

Он примчался за двадцать минут. Я ему сказала лишь, что родители сильно поссорились, и не зная всей ситуации, он не допрашивал меня, а молча обнял, давая мне выплакать все слезы.

Мама проскочила в свою спальню и до утра оттуда не выходила, а мы сидели на кухне. Я рассказала Нави о ссоре, вздрагивая от сильного рыдания.

– И что мне теперь делать? – спросила я. Отец был против того, чтобы я рисовала. Я и сама не была уверена в том, что смогу стать успешным художником, но слышать, что мое любое увлечение – глупость, было до боли неприятно.

– Я не стану нормальным человеком... – продолжала я. –

Где обычно заканчивают художники? Умирают от бедности или алкоголизма?

– Ну что ты такое говоришь? – воскликнул Нави. – Во-первых, все это было сказано стгоряча. А во-вторых, если веришь в себя, ты добьешься многого.

– Художники не могут быть нормальными людьми, как сказал папа.

– Не воспринимай это всерьез. Ты просто умеешь видеть прекрасное и изображать это на бумаге. В этом нет ничего плохого.

– Ничего не хочу видеть, никакое прекрасное, и рисовать в жизни больше не захочу! – упрямо сказала я, вытирая слезы.

– Сколько сейчас времени? – посмотрел Нави на часы. – У нас есть еще пара часов.

– До чего?

– Увидишь. Бери свои материалы для рисования.

– Что ты задумал? Я никуда не пойду.

Нави не стал со мной спорить, он проследовал в мою комнату и сгреб в мой рюкзак все, что увидел на столе – разные виды красок, карандаши, ластики, блокнот и листы бумаги.

– Надеюсь, ты не потащишь холсты и мольберт, – фыркнула я, но Нави лишь безэмоционально глянул на меня, после чего взял в руки мольберт и два новых чистых холста, и понес все это вниз.

– Ты с ума сошел, – сказала я. Нави положил мои вещи

при входе, после чего отправился на кухню. Открыв холодильник, он оглядел полки, достал оттуда виноград и яблоки из нашего сада, а потом немного подумал, и взял еще наполовину полную бутылку вина.

– Как раз нам хватит.

Я вздохнула, не понимая действий Нави. Он принес из шкафа мою куртку, протянул мне и сказал:

– Пошли. Помогу тебе переубедить саму себя.

– У меня совершенно не то настроение, чтобы идти куда-то. Мама останется одна, папа черт знает куда ушел, а мне нужно думать, что делать со своей жизнью и увлечениями, чтобы не закончить жизнь через пару лет где-нибудь в канаве, – снова начала расстраиваться я.

– Именно поэтому мы сейчас и пойдем.

Я лишь молча шла за Нави по еще спящим улицам под едва светлеющим небом и смотрела, как он тащит рюкзак, пакет с едой, мольберт и холсты.

– Давай возьму что-нибудь, – предложила я.

– Единственное, что тебе нужно сейчас взять – это себя в руки.

Мы шли по направлению к краю жилого района. Дальше лишь длинные дороги, ведущие в далекие деревни и другие города, леса и поля.

Нави свернул на маленькую тропинку между кустов, и вскоре мы вышли на луг. Был сентябрь, некоторые листья уже начинали желтеть, но луг все еще оставался зеленым.

Нави остановился посреди него, достал из пакета с едой плед, который успел взять, пока я обувалась, и расстелил его.

– Я не буду больше ничего рисовать, – повторила я, глядя, как он раскладывает все мои материалы.

– Ты упрямишься, потому что в плохом настроении. Для тебя данный вид искусства не просто хобби и даже не будущая работа. Для тебя это то, в чем ты находишь свое успокоение, то, где ты можешь вылить свою душу и показать все, что ты чувствуешь. Это то, где ты можешь отразить то, как видишь окружающий мир.

– И зачем это? Это совершенно бесполезно, – сказала я, мысля как отец.

– Если так подумать, все в нашем мире бесполезно.

Мы сели на плед, Нави предложил перекусить виноградом и яблоками и налил в стеклянные стаканы, которые тоже успел захватить с кухни, красное полусухое вино.

– И все же, что мы тут делаем? – спросила я.

– Я не буду тебя заставлять, но я подумал, если ты увидишь что-то красивое, ты можешь изобразить это на бумаге или холсте. Скоро рассвет. Обычно краски неба, сопровождающие садящимся или встающим солнцем, вызывают у людей всплески восхищения. Я их часто фотографирую. Может, тебе захочется это нарисовать.

«Еще чего», – подумала я, но ничего не сказала. Из принципа я больше ни кисти, ни карандаша в руках держать не собиралась. Нужно найти нормальную работу и увлечение, а

это... Это бессмысленно.

Я съела несколько сладких ягодок винограда, запив вином, которое теплом разлилось по моему желудку и вскоре слегка затуманило голову.

Хоть и наступила осень, ночь была достаточно теплой, чтобы не мерзнуть в обычной одежде. Небо потихоньку начало светлеть, солнце вставало на горизонте длинного, казалось, нескончаемого луга. Оно освещало нас своими лучами и окрашивало небо в оранжевые и розовые оттенки, такие яркие и сочные, что мне не хотелось упускать это прекрасное утро.

Я глянула на Нави, его прозрачный стакан с красным вином на дне, и лучами утреннего осеннего солнца на его лице, таком важном и серьезном, но вместе с тем добром, милым и беззаботным, каким он становился сейчас.

Он не торопил меня, не говорил ничего, лишь наслаждался природой.

Что я делала со своей жизнью? Почему я не могла делать, что хочу? Может, то был страх неодобрения общества и родителей или страх перед неизвестностью будущего, но вещь у меня были Нави, Лола и Бренн, которые поддержали бы меня в любом моем пути. А я была тем человеком, который, чувствуя поддержку близких, начинает и сам становится уверенным. В тот момент я в очередной раз я убедилась, что в тогда четырнадцать лет моя жизнь перевернулась благодаря им.

В этом возрасте ты еще совершенно несформированная личность. Тебе еще предстоит понять себя, выстроить из себя человека, которым ты потом будешь. И встретив их однажды, я начинала лучше узнавать себя саму. Неосознанно они помогали мне в этом. Я стала лучше понимать свои желания и интересы, появилось представление, какая я на самом деле. А может они сформировали меня как личность, мое поведение и мироощущение. Каждый из них троих по отдельности. И я оказала на них влияние. Может, судьбы и не существовало, но не встретиться я тогда с Нави совершенно неожиданным образом, моя жизнь бы осталась такой же неопределенной и серой?

«Может, так и сейчас я встретила с Касом неслучайно?» – внезапно пронеслась мысль о настоящем среди моих воспоминаний.

Смотря на красивого Нави, на закат и луг, я тогда поняла, что он был абсолютно прав. В своих работах я отображала окружающую действительность, какой ее видела я, и добавляла туда свои чувства. Это было моим способом проживать то, что я чувствовала внутри. Я сохраняла счастье и радость, я отображала там боль и справлялась с трудностями и страхами. Я не держала все в себе, мне было легко показать это в наглядном виде.

Я взяла лист толстой бумаги, акварель и начала полностью изображать пейзаж. Но моя картина не была бы полной, если бы сбоку я не изобразила Нави, лишь наполовину повер-

нутого ко мне, держащего стакан с вином и смотрящего на солнце.

Я все водила кистью по бумаге, добавляя новые детали и оттенки, и когда солнце уже поднялось, а краски рассвета на небе рассеялись, я закончила свою работу.

– Я же говорил, – улыбнулся Нави. – Очень красиво, кстати.

– Мне нравится запечатлевать красоту и что-то важное в виде рисунков, полноценных картин и эскизов, и вряд ли я от этого откажусь насовсем.

– Мне тоже нравится сохранять красоту или что-то важное. Особенно когда это изображают под своим видением, это настоящее творение, важное и ценное, – сказал Нави.

– Мне будто легче даже стало, – выдохнула я.

– Ты должна делать то, что ты хочешь. Тем более, рисовать у тебя получается отлично, думаю, это даже твое призвание.

– Если бы не ты, этой работы не было. Как и многих других. Спасибо, что помогаешь мне.

– Настоящие близкие – те, кто видят в тебе красоту, талант и призвание. И помогают тебе полюбить себя.

Знал бы он, что потом я два года не буду брать в руки ни одного инструмента для рисования, а мои настоящие желания и какие-либо хорошие чувства к себе вовсе пропадут.

Но сейчас, сидя утром с очищающей маской на лице и кружкой горячего кофе в руке, я думала, может, жизнь все-таки способна наладиться?

Интересно, ведь до этого я пустила все на самотек. Вошла в опасные круги Робмунов. Но магия и самое ее ощущение не показались такими ужасными. Даже наоборот.

Я сама не заметила, как я взяла из своей комнаты блокнот и карандаш, спустилась обратно на кухню, и начала рисовать.

У меня вновь не было конкретной идеи, я просто изображала то, что чувствовала. Начали появляться тот старинный город и пламя огня, луна на небе и небольшие вихри в воздухе, которые в жизни не были видны глазу, однако вчера ночью я их чувствовала, такие приятно охлаждающие тело лучи лунного света. А потом, пока я задумалась о луне и ее магии, слева на рисунке рядом с источниками пламени моя рука изобразила Кассиопея...

Глава 20. Кириан

Сейф у отца был до невозможности прост – в виде книги. Глядя на книжную полку, ни за что не догадаешься об этом. Если не брать в руки сейф, действительно можно подумать, что это всего лишь книга, обложка и корешок были неотличимы от обычных, но внутри он был железным. Туда не помещалось много, например, пачка денег туда бы вряд ли влезла, зато там лежали другие ценности. Однажды отец рассказал мне о нем и показал, где лежит ключ, на всякий случай.

Впрочем, и ключ был необычный – фигурка в виде звезды, а замочная скважина – маленькое узкое отверстие с краю. Ключ у отца хранился на рабочем столе в рамке с нашей семейной фотографией между задней стенкой рамки и самой фотографией.

Открыв сейф, я действительно обнаружил в нем лупу, а еще пару драгоценностей в виде колец и просто камней, которые не особо привлекли мое внимание.

В руках эта лупа ощущалась как что-то невероятно ценное, но не успел я ее еще разглядеть, как вдруг раздался звонок в дверь. Мне стало не по себе. Может, я слишком себя накручивал.

С другой стороны, я обзаведён оружием, так чего мне бояться?

Но, на свое удивление, открыв дверь, я увидел девочку, ей было не больше десяти лет.

– Привет, я Берта Дэллет, – уверенно представилась она.
– Здесь же тоже Дэллет живут?

– Да, я Кириан. Кто твои родители?

Она не ответила, немного смущенно мявшись у двери. Я сразу догадался, что она не хочет ничего обсуждать на пороге поэтому пригласил войти.

– Еды у меня нет, могу предложить чай или кофе, – провел я ее на кухню.

– Благодарю, но не нужно. Я пришла поговорить.

Мы сели на диван, она держалась на расстоянии от меня, но внимательно изучая меня серьезным взглядом.

Выглядела Берта как настоящая Дэллет – утонченные черты лица, интеллигентный взгляд. Густая темная челка аккуратно закрывала лоб, а остальная длина волос была заплетена в две длинные косы. Одета она была в черные тканевые шорты и белую футболку-поло.

– Мои родители – Элиза и Тору, – наконец сказала она.

Я начал припоминать, что Тору – двоюродный уточнить брат моей матери. Его родители работали в Правящей Общине, относя себя к тем Дэллет, которые решили отделиться и не иметь ничего общего с теми предками, имевшими отно-

шение к искусству. Так вышло, что у нас с Бертой одни и те же прабабушка и прадедушка, у которых было две дочери – моя бабушка и бабушка Берты.

– Получается, ты – мой троюродный брат, – сделала вывод Берта.

– Где ты живешь?

– В Диврете, но на лето меня привозят к бабушке и дедушке по маминей линии, недалеко отсюда.

– Меня все-таки интересует, что ты тут делаешь.

– Я просто узнала, что моя бабушка, возможно, была как-то связано с Робмунами. Но она умерла от проблем с сердцем, и мне не у кого спросить, потому что родители не знают этого. Но мама говорила, что несколько раз слышала от бабушки про «Луна осветит реку».

– Картина, которую украли из этого дома два года назад, – сказал задумчиво я.

– Я слышала об этом, потому и заинтересовалась. Но ничего конкретного родители от бабушки не слышали. Только замечали, что перед смертью она стала более нервной. Однако родители решили не разбираться с ее тайнами.

– И ты захотела это расследовать сама? – догадался я.

– Да, – уверенно ответила Берта. Мне казалось, в ее глазах была печаль от потери бабушки, но вместе с ней было стремление действовать. То, чего мне не хватало два года после смерти родителей.

– Родители начали разбирать вещи бабушки, и мне в руки

нечаянно попали старые письма, которые писали друг другу моя бабушка Ариана и твоя бабушка Лаура, – продолжала быстро рассказывать Берта. – Я оттуда ничего не поняла, но там явно есть над чем подумать, и еще... Брат моего папы, мой дядя Лисицкий играет в театре. И он исполняет главную роль в мюзикле, который знаешь как называется? «Луна осветит реку». Ты знал об этом?

– Нет. Честно говоря, я не думал, что эта часть Дэллет связана с этим всем.

– Я тоже. Мои родители отрицали причастность наших предков к магии и были равнодушны к картинам Цефея, да и бабушка тоже не показывала никогда в этом заинтересованности. Однако, как оказывается, с бабушкой не все так просто.

– Ты знаешь, что в этом мюзикле? – спросил я. – Я ни разу о нем не слышал.

– Оно и понятно, потому что это маленький театр, а афиш нигде нет. Мюзикл идет только там, и он очень непопулярный. И я не уверена, что он связан с картиной, хотя все это подозрительно. Я обдумывала это несколько дней, но так ничего и не поняла, потому решила найти тебя. Все-таки у тебя дома была картина, и ты можешь знать больше.

– Видишь ли, я сам занимаюсь сейчас подобного рода поисками.

– Расскажешь мне? Мне это важно знать.

– Смотрю, любопытство – твоя главная черта, – усмехнул-

ся я.

– Семейные тайны – до жути интересное увлечение, – воскликнула Берта с азартом в глазах.

– Может, в силу своего чересчур юного возраста ты еще не понимаешь, но это весьма опасно.

– Но ведь смотреть в лицо опасности – показатель силы, не так ли?

– Не знаю, в каких книжках ты это вычитала и почему родители тебя не научили чувству самосохранения, но это напрямую связано с Робмунами, которые могут убить, и глазом не моргнув. То, что ты ребенок их не остановит.

– Но я хочу расследовать это! – сказала она с детской обидой в голосе. – Тогда позволь с тобой продолжать поиски тайн!

– Я не могу взять на себя такую ответственность за ребенка. На мою безопасность мне все равно, но подвергать смерти тебя я не собираюсь. Однако спасибо, что рассказала это все. Если я останусь жив, когда найду картину и ответы на все вопросы, я тебе обязательно обо всем расскажу.

– Я бы тебе помогла. Пожалуйста!

– Не помнишь название того театра, где играет твой дядя? – спросил я, игнорируя ее просьбы.

– Помню. Малый театр драмы.

– Спасибо. А теперь прости, мне надо собираться обратно в Диверт, – сказал я, встав с дивана, продумывая параллельно, что мне теперь нужно делать. Прочитать книгу че-

рез лупу и бумажку сестры Алисы, найти театр и постараться узнать о сестре бабушки.

– Кстати, ты говорила про письма... – напомнил я.

– Я могу передать тебе их в Диврете, с собой их у меня нет.

– Ладно, спасибо.

Берта ушла. Как мне показалось, она обиделась на меня за отказ помогать мне в расследованиях, но почему-то ее целеустремленность и упорность из взгляда не испарились, и, возможно, она продолжит свое расследование. Однако я был благодарен, что получил новые наводки.

Я стал продумывать, что наверно мне стоило бы ехать обратно на машине. Дорога до Диврета получится чуть дольше, чем на поезде, зато в моих расследованиях свой транспорт мне может пригодиться.

Я собрал все вещи, и отправился в путь на своей черной машине, которую мне подарили родители. В пути я провел больше времени, чем планировал, потому как три раза попал под сильный ливень, который словно останавливал меня, заставляя не бросаться в опасности, как в акулю пасть, а вернуться домой.

Переночевать я остановился в придорожном мотеле, а на утро с восходом солнца снова отправился в путь. Чтобы не отвлекаться от дороги на свои мысли о семейных тайнах, которые никак не хотели утихать, я включал музыку, и параллельно совершенно неосознанно вспоминал об Алисе.

«Как только приеду, нужно будет ей позвонить и встретиться», – думал я.

Вдалеке начали виднеться крайние районы Диврета. С долгой дороги я был уставшим, и надеялся сразу прилечь поспать, поскольку сегодня провел в пути больше двенадцати часов всего с одной короткой остановкой на заправочной станции. Когда я доехал, уже начало смеркаться.

Пока я припарковывал машину, заметил у парадной знакомое лицо, которое видел не так давно. Берта стояла во дворе, одетая в красную куртку с капюшоном, в руках ее был такой же красный рюкзачок. Выйдя из машины, я удивленный подошел к ней, думая, не чудится ли мне.

– Как ты меня нашла? – спросил я.

– Здесь снимает квартиру папин друг, и он говорил, что с ним в соседней комнате живет Дэллет...

Мне было уже все равно, что Берта так легко смогла меня вычислить, потому как я валился с ног. С неба начало моросить.

– Я принесла тебе письма.

– Спасибо.

– Я все еще настаиваю на своей помощи. Я могу быть полезна. Находить всякие штуки или...

Берта не договорила, как вдруг резко полил дождь, и мне ничего не оставалось, кроме как пойти с ней в мою комнату. В коридоре мы пересеклись с хозяйкой квартиры, которая подметала пол.

– Тебе там посылка пришла, я коробку в твоей комнате оставила, – сообщила она мне.

– Спасибо, – сказал я, и мы вошли в комнату. Я засомневался, что за посылка и от кого. Учитывая, что не так много людей знало, где я живу в Диврете, это показалось мне странным.

– Интересно, что там, – сказала Берта.

Я открыл, и вдруг резко отвернул коробку от Берты, чтобы ее детская, еще не порушенная психика не пострадала. В коробке лежала отрезанная кисть руки, покрытая высохшей кровью с примесью серебристого порошка, как это казалось на первый взгляд. Узнав этот след, оставляемый Робмунами, мой желудок скрутился в трубочку.

Так же были приложены вырезка из газеты и записка.

– Покажи! – попросила Берта, словно этот ужас ее ничуть не удивил.

– Не смотри на это, даже мне противно, – сказал я, взяв бумажки и убрав коробку подальше.

Судя по дате, вырезка была из сегодняшней газеты. В ней говорилось об убийстве библиотекарши, с чьим трупом знатно поиздевались, расчленив конечности. Единственное, чего не нашли следователи – одной кисти руки, зато на других остатках тела были обнаружены серебристые следы Грабителей Лунного Света, называемые лунной пылью.

– Зачем тебе это прислали? – спросила Берта, но я сам хотел бы это знать.

К статье в газете приложили и фотографию жертвы – женщина преклонного возраста. Спустя несколько мгновений я вспомнил ее. Именно она помогала мне найти книги про Дэллет, и именно у нее я спрашивал про необычный древний язык.

К отрезанной конечности была приложена еще одна бу-мажка. Чья-то записка, написанная черными чернилами:

«Кровь все помнит. Помни, кто ты есть».

– Намек на связи Дэллет и Робмунов? – предположила Берта. Я понятия не имел, что это значило, но в какой-то мере Берта была права. В поисках картины я хотел наткнуться на Грабителей Лунного Света, но получалось, что они нашли меня पहले. Что именно связывало Дэллет и этот орден? Кто из моих предков имел с ними дело и почему они отправили мне странное послание?

Единственное, что я сейчас понимал, так это то, что мои поиски картины заведут меня гораздо дальше, чем я планировал.

Глава 21. Умбра

– Доброе утро, ты чего так рано встала? – спросил отец, войдя на кухню и завязывая халат поверх пижамы.

– Вчера рано заснула, а сегодня проснулась с восходом солнца, – соврала я, хотя, кажется, отец мне поверил несмотря на то, что для меня сидеть рано утром с маской на лице было совершенно непривычным.

– Что рисуешь? – поинтересовался папа. Кажется, он делал это только когда я была ребенком, лет до пяти.

– Да так, неважно, я еще не закончила, – снова соврала я, чтобы не показывать свою работу. Вид отца был усталым, и может он спросил, чтобы отвлечься на семью и не думать о работе. Наверное, так и было, поскольку тяжелые рабочие проблемы исчезают из головы, когда ты со своими близкими, от которых можешь получить поддержку, даже просто поговорив с ними об обыденности.

– Как на работе? – поинтересовалась я. – Вчера только под вечер электричество дали. И пришел ты поздно. Что там происходит?

Отец покачал головой, закрыв глаза, показывая, насколько ему это осточертело.

– Электричество починили, потому что один умник из правящей Общины принял предложение Робмунов помочь, – все же ответил отец. – Ты же слышала про бунты в центре

Диврета? Мы пытались вчера разьяснить, из-за чего все это изначально произошло. Появилась версия, что Робмуны решили повысить свою известность, и в целом получалось все логично. Только вот на Робмунов это мало похоже, они имеют очень и очень скрытную натуру.

– Вы не можете поймать Робмунов, но ведь если они предложили помощь, значит, виделись с кем-то из Правящей Общины? Вы же можете тогда их поймать.

– Не все так просто. Они общаются письмами, не появляясь лично. Я могу понять Правящую Общину, потому что электричество очень нужно Диврету, а Робмуны предлагали очень быструю помощь. Но они использовали магию, – отец скептически усмехнулся. – Не знаю, что они сделали, но хорошо, что теперь есть свет. Теперь мы разбираемся, кто решил посеять смуту в народе и подвергнуть хаосу всю столицу, потому что мы ничего не понимаем, кто все подстроил. И еще не понимаем, что на самом деле из себя представляют Робмуны.

«Хотелось бы и мне это понимать», – подумала я, тяжело вздохнув.

После обеда мне позвонила Алиса и попросила с ней куда-то сходить, ничего толком не объяснив. Вчера вечером перед тем, как я ушла, она позвонила и рассказала мне о своем успехе, что теперь она станет частью рок-группы. Я была очень рада за нее, и теперь думала, наша сегодняшняя с ней

встреча будет как-то связана с этим.

Мне показалось, что сейчас ее голос был немного взволнован, но радостен вместе с тем.

Погода была теплой, но изредка дул ветер, потому я собрала волосы сзади заколкой-крабиком, чтобы они не растрепались, а из одежды выбрала сарафан на лямках цвета молочного шоколада и сверху вязаный белый кардиган.

Мы с ней встретились в центре Диврета, и Алиса куда-то меня повела.

– Нам идти минут двадцать-тридцать, – сказала Алиса.

– Может, раскроешь наконец эту страшную тайну, куда мы идем? – спросила я.

– В общем, вчера я поняла, что, встретив тех ребят, моя жизнь изменилась. Теперь все пойдет по-другому. Будет гораздо лучше. Я чувствую, что меня ждет счастье в ближайшем будущем. И я решила сделать татуировку. Это означает конец страданий и боли, которые я буду помнить всегда, и новое начало. Вчера позвонила и записалась на сеанс, но одной было идти страшно.

– Ты уже определилась с эскизом?

– Примерно. Я опишу мастеру, и он нарисует.

Я относилась к тату спокойно, но не хотела иметь их на своем теле. У меня не было ни одного изображения, которое я бы хотела хранить рядом с собой до конца жизни, и к тому же, насколько я знала, это было очень больно. Поэтому я была уверена, что точно ни за что не захочу сделать та-

ту. Может, на это влияли и стереотипы, поскольку татуировки стали популярными лишь несколько лет назад, а прежде их делали лишь выделявшиеся из ряда вон неформальные личности и преступники в тюрьмах. Сейчас этим стали интересоваться охотнее, и татуировки не являются ныне чем-то странным и запрещенным.

У Лолы и Бренна были татуировки, одинаковые. Они их сделали, когда обоим было по шестнадцать лет, и это была идея Лолы. Для brutальной внешности Бренна, какая у него была в том возрасте, и для грубоватого стиля Лолы тату были очень нежными и милыми, и поначалу казалось, совершенно им не подходит. Это были два черных котика с полумесяцем и звездами. Место для тату у них было тоже одинаковым – левое плечо.

Рисунок, разумеется, был непростым, можно сказать, именно благодаря ему Лола и Бренн познакомились.

Они ходили в одну группу детского сада, и однажды им дали задание нарисовать что-то. Мальчик, любивший похулиганить и побеситься во время игр, решил побыстрее справиться с заданием, чтобы наконец отправиться бегать и играть с машинками. Он нарисовал первое, что пришло в голову, даже не зная, откуда в его фантазии возникло это изображение – может, видел где-то похожее, а может приснилось когда-то. Ему понадобился лишь один карандаш – черный, но из набора карандашей за его столиком черный карандаш уже был занят девочкой, потому он взял простой и нарисо-

вал котика со звездами и растущим полумесяцем сзади.

Девочка, которая сидела напротив мальчика и забрала черный карандаш первой, была такой же активной и веселой, ей хотелось скорее закончить и отправиться играть с ребятами и радоваться хорошей погоде – за окном светило солнце. Она тоже не особо раздумывала над рисунком, просто выводя линии, пока не получился котик, на фоне которого гармонично разместились несколько звездочек и полумесяц.

Эти двое детей, еще не знавшие, что в будущем будут всем друг для друга, нарисовали одинаковую картинку, не сговариваясь.

Удивительно, не правда ли?

– Кстати, ночью ты опять была с Робмунами? – спросила меня Алиса, пока мы шли к тату-салону. Улица была безлюдной, и тем не менее мы говорили тихо, чтобы точно никто нас не услышал.

– Да. Кас мне показывал на примере лунного огня, как работает магия. И знаешь, это просто волшебно! Непередаваемо, – призналась я, понимая, что не должна испытывать такой радости, о чем мне в следующую секунду напомнила Алиса.

– Но ты же помнишь, зачем ты туда пошла? Ты же не забываешь, что они убийцы?

– Да. И на самом деле, меня вчера чуть не убили.

Я рассказала о ситуации с Аккарием, и как Кассипей при-

вел меня домой. Лицо ее было удивленным, если не сказать пораженным.

– Хорошо, что Кас доставил тебя до дома живой, – сказала она после минуты осмысления. – И все-таки, ты ходишь по очень опасной грани.

– Я знаю, но я просто пытаюсь медленно и осторожно выяснить правду. Во всяком случае, я постараюсь разобраться прежде, чем мне нужно будет стать членом ордена. Пока я этого совершенно не хочу. Но после встречи с Касом и того, как он показал мне два раза лунный огонь, мне стало чуть легче, будто все мои тяжелые мысли слегка утикли. Не пропали, но мне стало легче.

– Смотри, как бы они тебе не запудрили мозги своей магией, – предупредила Алиса. – Кстати, мы пришли. Аж на пятнадцать минут раньше.

Мы вошли в милое опрятное помещение, где при входе нас встретила девушка-администратор.

– Проходите, мастер сейчас подойдет, – провела она нас внутрь.

Светлые стены с черно-белыми пейзажами, черная мебель, на которой были аккуратно разложены инструменты и прочие необходимые вещи и приятная музыка, словно подходящая для прогулок тихой ночью под звездным небом, успокаивали клиентов, располагая их к комфортной процедуре. Помимо нас там сидела еще одна клиентка, которой девушка-мастер делала татуировку на ноге.

– Ты не боишься? – спросила я у Алисы, чтобы скрасить ожидание мастера. – Это все-таки на всю жизнь, и не факт, что тебе попадетсЯ хороший специалист.

– Все нормально, не переживай. Я обдумывала это давно, а сейчас просто подходящий момент. Единственное, я не до конца представляю, как тату будет выглядеть. Есть лишь задумка, и надеюсь, мастер ее доработает и сотворит нечто прекрасное, – убедила меня Алиса, как вдруг из каморки вышел тату-мастер, а я почувствовала, как мои ноги едва не подкосились, и дыхание прихватило. Мне и в голову не могло прийти, что встречу здесь Кассиопея, хоть и знала, кем он работает.

– Здравствуйте, – поздоровалась Алиса, а я пыталась утихомирить свою внутреннюю реакцию, не сумев вымолвить ни слова.

– Добрый день, – абсолютно спокойно поздоровался Кас, хотя, кажется, и он на секунду удивленно застыл, увидев меня.

Выглядел он не таким, каким обычно я видела его по ночам. Менее мрачно и загадочно.

Сейчас на нем были черные джинсы и такого же цвета футболка, обтягивающая его подтянутое тело. Место с клеем на руке было по-прежнему забинтовано, но взгляд был совершенно обычный, волосы не спадали на лоб и не создавали тень его глазам благодаря черной бандане.

Он взял карандаш, ластик и лист бумаги, сев на табурет. Алиса сразу устроилась на кушетку, а я напряженно опустилась на стул.

– Меня зовут Кассиопей, весь к вашим услугам, – представился он. – Не подскажите ваше имя?

– Алиса, – сказала она, кажется, не понимая, с кем разговаривает. Вряд ли увидев его один раз в клубе, она запомнила его лицо, а в разговорах с ней я никогда не называла его полным именем.

– Рассказывайте, что хотите сделать и где.

– У меня есть слово, но я бы хотела к нему какой-нибудь рисунок. Это слово «улыбнись». Так называется песня моей сестры

Кас записал слово по середине бумажки. Я помнила эту песню. Это была не самая любимая и лучшая песня Лолы, и тем не менее она очень четко отображала саму Лолу и ее принципы жизни, которые сквозь слова и музыку она передавала слушателям. Что бы ни происходило, в жизни надо учиться видеть и что-то хорошее, не только плохое.

– Правильно понимаю, что это много для вас значит? – аккуратно спросил он, не требуя напрямую более подробного объяснения.

– Моя сестра сочиняла песни, и эта ее последняя песня, которую она закончила. Потом ее не стало. Но это не только память о сестре. Это напоминание мне, что жизнь продолжается, и нужно стараться видеть в ней хорошие вещи. Даже

после черной полосы приходит белая.

– Место?

– Верх правого предплечья.

Кас принялся обдумывать, пробуя разные шрифты и почерк. Он сделал несколько вариантов с узорами, но ни один не устроил Алису, все были хоть и красивыми, но неподходящими. Пока они обсуждали, мои мысли путались от того, что я снова находилась рядом с Касом. После такой странной и опасной ночи он вышел на работу как ни в чем небывало, а я все еще чувствовала легкую ломоту в теле. Но еще я никак не могла собраться с мыслями. Что-то загадочное было в том, что мы с Касом делали вид, будто незнакомы друг с другом.

– Может, у вас есть хоть примерное представление? Я не телепат, не вижу, чего вы хотите, – сказал Кас, но Алиса покачала головой.

Мне показалось, он был не очень доволен такой нерешительностью, о чем говорили его поджатые губы и нахмуренные брови.

– Мне нужно напоминание о сестре и символ удачи и успеха в будущем, – сказала Алиса.

Кас задумчиво обводил взглядом студию и нас с Алисой в поисках вдохновения, пока в какой-то момент резко не схватил карандаш. Быстро он накидал примерное изображение того, что придумал и показал Алисе, на что ее глаза округлились, а губы дрогнули в небольшой улыбке.

– Да, – наконец удовлетворенно кивнула она.

– Тогда начинаем, сейчас приду, – он удалился в каморку, а Алиса повернулась ко мне:

– Ты чего какая-то не такая? Все в порядке? – спросила она, заметив, что все время я сидела молча, как парализованная с растерянным взглядом.

– Знаешь, кто тебе татуировку делает?

Алиса непонимающе на меня посмотрела.

– Кассиопей... Сокращенно Кас... – шепотом намекнула я ей.

– Это твой Кас? – едва ли не вскрикнула она.

– Только не пялься на него, просто не думай об этом. А то мне и так неудобно.

Кас вернулся, расставляя баночки с краской, настраивая машинку и надевая перчатки, а Алиса теперь не могла скрыть своего уже совсем неприветливого взгляда. Каково ей было знать, что тату-напоминание о сестре, которую убили Робмуны, делает один из них?

Однако, когда Кас начал работу, она сконцентрировалась на ней, внимательно следя за его действиями и лишь изредка глядя на его лицо.

Кас работал молча, сосредоточенно, но вместе с тем холодно и будто отдаленно, что меня завораживало. Я не могла оторвать взгляда, как он выполнял свою работу.

Татуировка была небольшой, потому много времени она

не заняла. Вскоре на покрасневшей части предплечья Алисы красовалось слово «улыбнись». Первая буква изгибалась в линиях, напоминавших перевернутый скрипичный ключ, а последняя буква частью половины бабочки. Казалось бы, это просто надпись с маленькими дополнениями, с чем мог бы справиться каждый, но у Каса все линии вышли удивительно тонкими и аккуратными, какие я бы в жизни не сделала.

– Я замотаю пленкой, через дней пять можно будет ее снять, – сказал он, заканчивая работу.

На удивление, Алиса была очень и очень довольной, совершенно забыв о том, что Кас – Робмун, к которым она питала сильную ненависть. Сейчас она не скрывала свою широкую улыбку.

– Очень красиво, – сказала она с восхищением. – Вы сделали именно то, что я хотела, но никак не могла выразить. Здесь уместились воспоминание о сестре, которое теперь будет всегда со мной, причина того, что теперь я в музыке и талисман в какой-то мере.

Расплатившись, мы вышли из тату-салона. Алиса была радостной и теперь предвкушала дальнейшую работу в рок-группе и счастливое будущее. Я могла лишь сделать вывод, что человек способен пережить боль и построить такую жизнь, какую он хочет.

– Честно признаться, если бы я не знала, что он Робмун, я бы ни за что об этом не догадалась. Обычный молодой человек, – сказала Алиса. – Только почему вы делали вид, что

не знаете друг друга?

– Мы же не друзья с ним. Он мне просто помогает, – пожалала я плечами.

– Ну и правильно. Не надо тебе с ним дружить. Но вообще, он настоящий профи. Я еще никогда прежде не видела ни у кого таких тонких и гармоничных линий на татуировке.

Я не могла с этим не согласиться. Теперь я начинала узнавать его еще больше. Хотелось бы как-нибудь увидеть и другие его работы, я уверена, что он делал более сложные и невероятные творения искусства на коже. По крайней мере, по тому, как он работал, я увидела, что ему действительно нравится этот процесс, в котором он растворялся, хоть и держался внешне слишком отстраненно от мира. Теперь эта татуировка будет маленькой помощью Алисе совершенствоваться в музыке. У них обоих было дело, которое приходилось им по душе.

А я по-прежнему не знала, чего я хочу и кем мне быть.

Глава 22. Кириан

Единственное, что мне пришло в голову – замотать коробку в кучу старых газет, которые мне давала хозяйка квартиры, и выбросить в мусорку. Нести в полицию бессмысленно. Они ничего с этим не сделают, так еще и могут заподозрить меня в сговоре с Робмунами, что мне на руку не сыграет. Берту я отправил домой спать, договорившись утром встретиться с ней и пойти к Августе, а бумажки из посылки спрята́л под подушку. Мне казалось, я был очень уставшим после долгой дороги, но сон никак не хотел приходить. Я продолжал думать о послании Робмунов, которые знали, где я жил, о картине и книге, которую мне предстояло прочитать с помощью лупы.

Почему-то я чувствовал внутри тревогу, которую старался подавлять, чтобы заснуть. На всякий случай я положил под подушку нож, так было спокойнее. Я попробовал заснуть, но сразу начал предполагать, как Робмуны могли узнать обо мне, почему убили библиотекарку и как моя семья была связана с их орденом. А потом я представил, что из-за меня может пострадать не только невинная работница библиотеки, но и более близкие люди, помогавшие мне – тетя Августа, Берта, Алиса...

С такими мыслями я точно заснуть не мог, потому достал сильное снотворное, которое после смерти родителей

пил постоянно. Сейчас я выпил две таблетки. Наверное, этого было много, но после них я точно мог быстро и крепко заснуть. Оно начало действовать быстро, однако даже когда я провалился в сон, все еще думал о всех вопросах, на которые мне предстояло найти ответы. Мои мысли настолько сильно были заняты этим, что и во сне мне привиделось нечто странное. Я видел человека, одетого в черную одежду. Лицо его целиком было закрыто черной фарфоровой маской, а голову закрывала шляпа.

Как это обычно бывает, люди очень смутно запоминают свои сновидения, потому я помнил лишь то, что он пытался душировать меня. Сжав мое горло и вжимая меня то ли в пол, то ли в кровать, он пытался прикончить меня, а я был такой обессиленный, что не мог бороться с ним, будто мое тело парализовало. Мужчина, непонятный ни по возрасту, ни по внешности, ни по личности говорил мне что-то про кровь и мою семью, и не просто говорил, а процеживал каждое слово сквозь зубы со злостью. Моя затуманенная голова не запоминала его слова и не понимала, что он мне говорил, но у меня в памяти четко запечатлелось, что он упоминал книгу на древнем языке. Я не мог ни вздохнуть, ни понять, кто это, меня заполнял страх смерти, которого, как мне казалось, у меня не было.

У меня складывалось ощущение, что я мешал чем-то этому мужчине, и он решил избавиться от меня. Наверное, это мое подсознание показывало мне из-за той кровавой запис-

ки. Неважно, сколько лет человеку и какого он пола, оставленное послание, написанное кровью и прикрепленное к отрезанной конечности может любому вселить страх.

После снотворного я проснулся с ватной головой, стараюсь выкинуть из головы дурное сновидение, но оно настолько сильно меня впечатлило, что я и вправду ощущал боль в горле и шее.

Мне необходим был кофе. Я спал сегодня в одних трусах, потому я оделся и собирался выйти на кухню, как вдруг обнаружил дверь открытой. Со своими тайнами и горьким прошлым у меня теперь всегда входило в привычку запираеть двери за щеколды и замки, где бы я ни находился, а тут дверь была слегка приоткрыта.

Неужели я настолько вчера задумался, что забыл закрыть ее?

Перед завтраком я заглянул в ванную комнату, и случайно посмотрев в зеркало, обнаружил странные следы на своей шее, будто синяки.

Пазл сложился сам собой. Я метнулся обратно в комнату и стал перерывать сумку с вещами, которую брал с собой и еще не разобрал.

Книги в ней не было.

Зато осталась лупа, для транспортировки завернутая в футболку.

Все это не было моей фантазией или проекцией подсознания, я видел сквозь крепкий сон, из которого я не мог вы-

браться благодаря снотворному, как кто-то попал в мою комнату, душил меня и украл книгу.

Когда я вышел из дома, то и дело следил за прохожими, пытаюсь заметить вовремя, велась ли за мной слежка. Но либо Грабители Лунного Света слишком хорошо шифровались, либо за мной не посчитали нужным следить. Так или иначе, добрался до дома тети Августы я без «хвоста».

Утром я спросил у хозяйки квартиры, не пускала ли она незнакомцев ночью или не видела ли кого-то подозрительного, но, по ее словам, входная дверь была заперта на три замка, один из которых можно открыть только изнутри.

Если никто не мог проникнуть в квартиру, у меня возникло предположение, что это мог быть кто-то из сожителей, потому что вряд ли вор, даже если он был Робмуном, стал бы залезать через окно на восьмой этаж. Нужно будет приглядеться к соседям по квартире, а пока мне предстояло обсудить все с родственницами.

Как оказалось, Берта пришла раньше меня и уже успела рассказать Августе все произошедшее. Я прекрасно понимал, что дела принимали уже куда более опасный поворот, и потому начал задумываться, а стоила ли картина чьей-либо безопасности. Да, в таком деле лучше не отказываться от любой помощи, но, с другой стороны, нахождение картины было лишь моей прихотью, а потому обречь на страдания я мог лишь себя самого, и уж точно ни кого-то другого.

– У меня плохие новости, – сообщил я с порога.

– Куда еще хуже то, чем отрезанная рука? – ужаснулась

Августа.

Мы прошли на кухню. По дороге я заметил Алису, занимающуюся чтением с детьми тети. Увидев меня, она улыбнулась и помахала мне, а я ответил ей приветственным кивком.

Чтобы дети ненароком не услышали наш разговор и потом не выдали где-нибудь в обществе наши тайные разговоры, Августа предусмотрительно закрыла дверь.

– Я пирог приготовила и кофе сварила, – сказала она, ставя на стол посуду с угощением.

– Ночью кто-то проник ко мне и украл ту книгу, – сообщил я. – И еще пытался меня задушить, но, видимо, передумал в последний момент.

За воротом темно-серой клетчатой рубашки, в которой я был, слабо виделись синяки на шее, и я решил не показывать их, чтобы не травмировать ничью психику.

– Кириан, подумай о своей безопасности, – попыталась достучаться до меня тетя. – Оставь ты все это дело. Найди нормальную работу, девушку, создай семью. Насколько надо себя не любить, чтобы бросаться в пасть голодному тигру? Не верю, что картина для тебя настолько важна. Уж точно не до такой степени.

Нет, картина и правда была мне важна, но все же отчасти тетя была права. Просто другого выхода для себя я не видел. Я не чувствовал, что могу жить как нормальный человек, от

чего раньше едва ли не впадал в отчаяние. Сейчас я смирился и нашел единственный смысл жизни – семейная реликвия и семейные тайны.

Вслух я, разумеется, этого не сказал.

– Лупа у меня с собой, как и те две бумажки из вчерашнего послания, и если у Алисы та бумажка с собой, можем попытаться в чем-то разобраться, – предложил я.

– Тогда позову ее, – сказала тетя, уйдя сидеть к своим детям, а Алиса присоединилась к нам с Бертой.

– У меня украли книгу и пытались душить, – сообщил я Алисе последние новости. – Но лупа осталась у меня, поэтому я могу прочитать бумажку твоей сестры.

– Хорошо, – протянула Алиса мне бумажку, после чего спросила: – Вы в порядке после этого?

– В целом, да, – равнодушно кивнул я и достал лупу. После столького времени одиночества мне стало вдруг больно от ее вопроса.

– Кто-то в курсе того, что я ищу картину, и, видимо, в курсе тайн моей семьи, – добавил я.

– Не сказать, что вы особо зашифровались, когда мы следили за одним Робмуном, – напомнила Алиса. – Не удивительно, что они вас заметили.

Чтобы не терять времени, я взял бумажку и поднес к ней лупу.

Мне казалось, она лишь увеличит текст, мое сознание никак не хотело признавать, что под лупой окажется совер-

шенно другое изображение. И в действительности я увидел приближенные строки на понятном мне языке. Совершенно невероятно.

Текст был похож на диалог двух людей, и я зачитал его вслух:

«– Ты знаешь, кто ты, но я не знаю, кто я.

– Одно я знаю точно. Ты – моя любовь, и навеки ею останешься, даже когда я уйду. Ты справишься. Помни о нашей любви. Помни, что ты никогда не был один, Деви.»

– У меня нет ни единого предположения, откуда моя сестра могла это взять, – задумчиво произнесла Алиса.

– Мне кажется, это слова из мюзикла «Луна осветит реку», – предположила Берта. – Я слышала, что наш родственник исполняет роль главного героя, которого зовут Деви. Это точно оттуда.

– Я уже понял, что ты из нас самая любопытная и всезнающая, – сказал я ей. – Но почему это записано на древнем языке и как бумажка оказалась у Алисиной сестры?

– Что за мюзикл? – спросила Алиса, не совсем понимая, о чем шла речь.

– Называется так же, как и украденная картина, он нигде не афишируется, и там играет наш родственник Лисицкий, – ответила Берта. – Очевидно, нужно туда сходить и попытаться пересечься с ним. Мне кажется, здесь все связано.

– Это уже давно понятно, что все каким-то странным образом все связано, – заметил я. – Очень надеюсь, что этот

Лисицкий действительно что-то знает.

– Я вычитала в журналах про искусство, что он еще много где играет, у него большая толпа поклонников, но он ведет скрытный образ жизни, его невозможно поймать ни до спектаклей, ни после.

– Но попытка не пытка. А вообще, какие у нас предположения, зачем я нужен Робмунам? Бояться, что я их рассекречу или верну обратно себе картину, потому решили устранить меня?

– Но они не избавились от вас сразу, – заметила Алиса. – Может, вы нужны им живым?

– И еще большая загадка, что в той книге, – добавила Берта. – Если бы мы знали, то могли бы строить предположения, зачем она Робмунам.

– В любом случае, я начну с простого: куплю билет на этот мюзикл, – решил я.

– Бери два, – сказала Берта. – Я тоже пойду.

Я спрятал лупу обратно в карман штанов, после чего попрощался со всеми и отправился к выходу. Уже у самого выхода Алиса вдруг остановила меня:

– Кстати, можем, сходим погулять? Или еще куда-то, куда хотите, – предложила она.

Мне хотелось согласиться, но потом я подумал, что сейчас мне стоит делать акцент только на моих поисках, тем более они становились все опаснее, и Алиса могла пострадать. А еще разум твердил мне, что не нужно терять времени попро-

сту и посвятить его расследованиям.

– Прости, не думаю, что это хорошая идея, – отказался я и ушел.

Малый театр драмы был весьма заметным издалека зданием с белыми стенами и богатым архитектурным украшением стен в виде различных каменных существ.

Я подошел к кассе спросить о мюзикле «Луна осветит реку». Разумеется, на афишах и прочих вывесках о нем не было ни слова. Я понадеялся, что Берта нигде не ошиблась в своей информации.

– Добрый день, у вас сейчас идет мюзикл «Луна осветит реку»? – спросил я у кассирши. Старая женщина с платком на голове сидела с кружкой кофе, и услышав мой вопрос, ничуть не удивилась.

– Да. Ближайший показ завтра, – ответила она.

– Можно два билета, пожалуйста.

– Семьдесят серебряных.

У меня хоть и были деньги, но от такой суммы у меня чуть челюсть не отвисла. Даже на самые известные постановки в главном театре Диврета билеты стоили меньше.

– Малый зал, ряд второй, места тринадцатое и четырнадцатое, – сказала кассирша.

– Давайте, – вздохнул я, отдав нужную сумму.

– Обратите внимание на строгое возрастное ограничение.

Вход с боковой части театра. Не опаздывайте.

Забрав билеты и спрятав их к лупе, я вышел на улицу. До меня не сразу дошло, что на мюзикл пускали только с восемнадцати лет, и Берта никак не подходила по возрасту. Вспомнив троюродную сестру, я внезапно увидел ее, направлявшуюся прямо ко мне.

– Ты следишь за мной, что ли? – удивился я.

– Ну, не то чтобы прям слежу...

– Я купил билеты, но тебя туда не пустят. Маленькая еще. Берта разочарованно поджала губы, после чего сказала:

– Тогда пойдешь с Алисой. Все-таки она тоже в какой-то мере в это все оказалась втянута, раз у ее сестры была такая бумажка.

Я не стал спорить. Что ж, видимо, сама судьба распорядилась так, чтобы мы с Алисой пошли куда-то вместе, пусть я до этого и отказался. Мне вдруг резко захотелось перед ней извиниться. Наверное, я был слишком резок с ней, когда уходил из дома Августы.

«А раньше ты бы и не подумал за такое извиняться перед кем-либо», – сказал я самому себе, задумавшись.

Глава 23. Умбра

У каждого человека в жизни бывают моменты, когда он чувствует, будто потерял себя. Он не понимает, кто он, что ему делать и что он вообще представляет из себя. Живет словно тенью и боится взять свою жизнь в руки. Смотрит на себя в зеркало и видит совершенно неясную личность с кучей интересов, но без конкретной роли. Он может и не осознавать, что много пережил, нажив свой личный неповторимый опыт. Тем не менее, ему кажется, будто хорошая, успешная жизнь – что-то далекое-предалекое, а сам он тонет в омуте апатии, поглощающей его все больше и больше каждый вечер, словно черная, тягучая жидкость затягивает его на дно, откуда он никогда не выберется. На дне этом ты и не осознаешь, что дальше тебе делать. Побороть страхи, взять свою жизнь в руки и начать жить так, как представляешь в мечтах перед сном – совершенно невообразимо сложно, как дотянуться языком до затылка.

Самое интересное, что в таких ситуациях ты стараешься сильно не драматизировать себя и свое состояние, ведь по сути ничего плохого не случилось и ничего не причиняет тебе боли, ты просто заблудился в темном лабиринте, из которого нужно найти выход, где тебя ждут исполненные желания путем твоего хорошего настроения и любви к миру. Однако ты продолжаешь блуждать по этому лабиринту, показывая ми-

ру, что ты лишь тихая незаметная душа, которая существует среди своей нерешительности. Действительно незаметная душа, у которой то вроде все в порядке, но все равно что-то не то, что лишь немногие, далеко немногие могут заметить в обкусанных до крови губах, синяками под глазами и суетливых нервных движениях.

Было замечательно наблюдать, как Алиса начинала развиваться в музыке уже в рамках целой группы. Пусть она и говорила порой, что у нее нет таланта и все, что ей нужно сделать – показать миру творения Лолы, я была уверена, что Алиса и сама прекрасно может раскрыть себя в музыке.

Мне нравилось наблюдать, с каким профессионализмом Кассиопей работал над татуировкой Алисы: и над созданием эскиза, и нанесением его на кожу. Как я это видела, он работал с воодушевлением, вкладывая в его ремесло частичку себя самого, пусть внешне и старался показывать себя каменным.

Но что насчет меня самой? Кем я хочу быть и кем я могу быть?

Наверняка я не была единственным человеком с такой проблемой, однако от этого не становилось легче.

У Нави была схожая проблема и внутренняя дилемма, однако, как мне казалось, она не так сильно беспокоила его, как меня. Либо же он просто этим не делился, хотя у нас с ним не было абсолютно никаких секретов. По крайней мере я так думала.

Но если окажется, что он был связан с Робмунами, это для меня будет большим удивлением и в какой-то мере разочарованием, что между нами все же были какие-то недомолвки. Конечно, человек в праве иметь собственные секреты, о которых будет знать лишь он, их он и унесет с собой в могилу, так и никому их не раскрыв. Но только если это не секреты, из-за которых ты подвергаешься опасности или лишаешься жизни.

Мысли о моей любви, которую теперь никогда не суждено увидеть, давили на меня еще сильнее, и под облачным ночным небом, лежа в холодной кровати и глядя в потолок, я вертела в руках канцелярский ножик, пока случайно не поцарапала ладонь. Мне часто нужно было крутить что-нибудь в руках, особенно когда я размышляла или слушала кого-то. Обычно такими предметами становились первые попавшиеся под руку вещи, например канцелярия, салфетки и фантики или прочие безделушки.

Чтобы я совсем не поранила себя, я убрала от греха подальше ножик и решила взять одну из своих любимых книг детства – сказку о принцессе. Я с малых лет любила волшебство, сказки и фантазии, и сейчас, беря в руки книгу, прочитанную мною дыр. Она была небольшой, с маленьким количеством текста, но такими красивыми иллюстрациями, что часто не только перечитывала саму сказку, но и пересматривала картинки.

До знакомства с Нави я покупала книги в обычных мага-

зинах, но однажды он отвел меня в книжную лавку, где работала его мама, Алия Фальмар. Первый раз он меня привел туда на новогодних праздниках, перед которыми мы только познакомились. Было утро, и поскольку весь Диврет отдыхал, отмечая наступление нового года, на улицах почти не было людей, и тем не менее многие заведения были открыты, хоть и пустовали. Мы встретились тогда в девять утра, и мне пришлось признаться родителям, что я иду встретиться с другом. Мама была приятно удивлена тем, что я начала с кем-то близко общаться и сказала, что потом мы даже можем прийти к нам домой. Отцу же уже тогда не очень нравилось, что я начинала дружить с мальчиком, однако мне не было особой разницы, какого мой друг пола, если мы с ним близки по духу и нашли общий язык, ведь некоторым очень сложно найти по-настоящему близкого к себе человека.

Вход в книжную лавку таился во дворе, в который можно было попасть через темную арку, потому я бы ни за что не догадалась, что в таком неприметном месте может находиться какое-то чудное место. Лавка по правде обладала необыкновенной атмосферой. Отряхивая себя от снега, мы зашли внутрь и оказались среди сотен книг и стеллажей, расположенных на двух этажах.

– Доброе утро, мам, – крикнул Нави, и откуда-то из глубины к нам вышла женщина в забавном красном свитере со снеговиками. Она сразу показалась мне достаточно красивой. Нельзя было не отметить, что она выглядела молодо и я

бы не дала ей больше тридцати, хотя я знала, что на тот момент ей было тридцать восемь. Почему-то сразу я прониклась доверием к этой женщине, особенно когда она нам приветливо и тепло улыбнулась:

– Доброе утро, – сказала она нам.

– Мам, это Умбра Рирких, мой новый друг, – представил меня Нави. – Умбра, а это, как ты поняла, моя мама.

– Очень приятно, Умбра, зови меня просто Алиа, – сказала мама Нави. – Я собираю большой заказ, поэтому Нави сам все тебе покажет. Если что, обращайтесь.

Если приглядеться, можно было заметить схожие черты у Нави и его мамы. Особенно глаза и взгляды у них были очень и очень похожи, прямо одинаковые. Голубые, становящиеся чуть более серыми в тени, смотрели с необъяснимым выражением, были задумчивы и одновременно с этим смотрели тебе в душу, вызывая у тебя чувство приятной духовной близости с человеком.

– Здесь для посетителей есть маленькие столики, – сказал Нави и показал мне за стеллажами с книгами у окошка, выходящего во двор, четыре столика со стульями, сплетенные из железных прутьев. Атмосфера царила прямо домашняя, любой мог заварить чай, поскольку там стояла маленькая плита, и полакомиться печенюшками во время выбора или чтения книг.

– Тут книги совершенно разных жанров, на любой вкус. Есть также коллекционные и редкие издания. Можешь при-

смотреть себе что-нибудь, за счет заведения, разумеется.

– Ухты, спасибо! – воскликнула я и принялась рассматривать полки. На самом деле я могла это делать часами, мне приносило безумное удовольствие разглядывать обложки и рисунки, читать аннотации или даже открывать и начинать читать.

– Кстати, пока ты не увлеклась книжными полками, я бы хотел подарить тебе новогодний подарок, – сказал Нави и достал небольшую коробку, обернутую в подарочную бумагу.

– У меня тоже есть подарок для тебя, – сказала я, ища в кармане подарок, который купила прямо перед новым годом на блошином рынке, пока родители покупали продукты к новогоднему столу. Мое внимание привлекло кольцо из серебра с гравировкой в виде непонятных букв и маленьким янтарем. Кольцо продавалось как кулон, висевшее на цепочке. Так я и купила его на последние карманные деньги, на цепочке.

Мы обменялись подарками, и я начала распаковывать коробку, в которой оказался большой набор акриловых красок.

– Нави, это же очень много стоит! – воскликнула я.

– Ты же любишь рисовать, – сказал он, снимая подарочную бумагу с коробочки, в которой лежала цепочка с кольцом.

– Оно так продавалось, – сказала я. – Мне кажется, тебе пойдет, если будешь носить на шее.

– Спасибо, – улыбнулся он и надел поверх свитера мой

подарок, который потом почти никогда не снимал.

Нави продолжил показывать мне лавку и товары.

– У тебя была книжка про легенды, подобная литература на втором этаже, – подсказал Нави.

– Спасибо. Вообще, я читаю всякое разное. А ты что любишь?

– Что-нибудь приключенческое или философское. Обожаю приключения и глубокие тонкие мысли.

– Наверное, в этом мы похожи. Хотя я не знаю, что именно меня интересует. И я даже отдаленно не представляю, кем хочу быть.

– Очень хорошо понимаю тебя, – признался Нави. – Если у тебя хотя бы живопись входит в основные интересы, то у меня подобного дела нет. Ощущение, что мне ничего не нравится и ничто меня не интересует. Но мама говорит, что с возрастом этот вопрос решится.

– На самом деле насчет живописи я не уверена. Да, я рисую, но я не учусь в художественной школе, потому думаю, что это просто увлечение. А так я тоже не знаю, что меня интересует.

– Не переживай, – сказал Нави, услышав в моем голосе нотку встревоженности, которая у меня была уже в том возрасте. – Ты обязательно найдешь дело своей жизни. Или несколько дел. Давай я лучше тебе покажу кое-что, надеюсь, это тебя развеселит.

Он проводил меня на второй этаж, где в самом углу

на подоконнике странные предметы. Среди них были как странные мешочки, похожие на ведьмины, какие-то маленькие плетеные полотна размером с носовой платок, и еще несколько необычных предметов, назначение которых мне не было ясно, пока Нави мне не пояснил:

– Редкие и почти неиспользуемые музыкальные инструменты. Например, это крота, принцип похож на скрипку.

Я внимательно разглядела инструмент и смычок от него, после чего заинтересовалась другим, имеющий сосудобразную форму.

– А это окарина, духовой инструмент. Могу продемонстрировать мелодию, меня мама научила. – Нави взял в руки, приложил вытянутым концом ко рту и начал играть, перемещая пальцы по специальным дырочкам. Выходила необычная мелодия, будто пела какая-то птица. Создавалось ощущение, что ты переместился на несколько веков назад на какое-нибудь цветочное поле во время заката, и ты пляшешь под эту мелодию среди природы.

– Очень красиво, – сказала я.

Я до сих пор помнила ту мелодию, а также книгу, которую тогда приобрела. Ее мне посоветовал Нави, и это был обычный детектив, где дети искали пропавшие сокровища, но из-за того, что ее мне порекомендовал Нави, для меня она стала чуточку ценнее.

После этого я много раз приходила и с ним, и без него в ту книжную лавку, и теперь я скучала по этому месту, как бы

больно мне ни было. Я посильнее укуталась в одеяло, было слишком холодно. Видимо, на улице температура снизилась. А может мне стало холоднее еще и от моих мыслей.

Я поняла, что мои полки давно не пополнялись новыми книгами, потому я решила посетить место, которое когда-то очень любила.

Утром оказалось, что действительно похолодало, потому я надела черные широкие джинсы и большой зеленый свитер и взяла с собой рюкзак для новых книг.

Конечно, дорогу до книжной лавки я забыть не успела. Когда я вышла из трамвая, с каждым шагом, приближавшим меня к ней, мое сердце начинало биться все сильнее. Я знала, что мне предстояло увидеть Алию, если, конечно, она там еще работала.

Может, я слишком много думала и переживала обо всем произошедшем, ведь прошло столько времени, и казалось бы, пора уже остыть, забыть Нави, не думать о том, что я потеряла свою любовь, но я не могла избавиться от этих мыслей. Я продолжала вопреки себе подпитывать свою боль, словно мне действительно нравилось доставлять себе ужасные и неприятные чувства.

Я остановилась за несколько шагов от входа. Через окно виднелось несколько покупателей, и я заметила маму Нави, которая все еще там работала. Она с улыбкой обслуживала какую-то женщину, весело хохотала с ней. Мне не хотелось

причинять боль и ей, но раз я уж пришла, я не могла развернуться и уйти. Вздохнув, я вошла внутрь, делая вид, будто я обычный покупатель. Алия закончила разговаривать с женщиной, и вдруг увидела меня. Ее взгляд резко сделался удивленным и печальным. Без лишних слов она шагнула ко мне, и мы крепко обнялись.

– Привет, дорогая, – сказала она, не отпуская меня из объятий. – Как ты?

– Нормально. Наверное, нормально.

Мы наконец отпустили друг друга, и она внимательно оглядела меня.

– Ты все такая же красавица, – сказала Алия.

– Спасибо. А вы как?

– Живу. Все нормально. Наверное, нормально, – ответила она так же, как я. Мы встретились с ней взглядами. Видимо, и Алия проживала обычную жизнь, но внутри ее тоже тревожила не утихавшая боль. В ее взгляде я видела недосказанность и тяжесть.

Мне вдруг вспомнился Кассиопей, в чьем взгляде я всегда видела то же самое, и вместе с ним я вспомнила свое расследование. Если Нави имел дело с Робмунами, может Алия могла что-то знать? Но мне не хотелось спрашивать. Я боялась сделать только хуже ее состояние, потому перешла к разговору о том, зачем я пришла.

– Я бы хотела купить книги, – сказала я.

– Выбирай любые. За счет лавки. Не беспокойся об этом.

– Спасибо, – сказала я и приступила к выбору, зная, что Алия не позволит мне оставить деньги за покупку.

Часа полтора я ходила между книжными полками, пока не выбрала три штуки, зацепившие меня описаниями и обложками. Когда я подошла к кассе и положила на нее книги, из одной вдруг выпала какая-то бумажка. Сначала мне показалось, что это была открытка, но потом я узнала карту, похожую на ту, которую я нашла на улице. Только эта была под номером семнадцать, и рисунок на ней был человек с грустным лицом, держащий в руках улыбающуюся маску. Что примечательно, оттенки все были темными-претемными.

– Тут что-то выпало, – сказала я Алии, протягивая ей карту.

– Оставь себе. Если тебе попало, то считай как знак свыше, – улыбнулась она мне. – Выпьем чай?

Посетителей не осталось, поэтому Алия повесила на дверь табличку «закрито», и мы прошли к столикам.

– Рассказывай, как ты, чем занимаешься, – сказала Алия.

– Учусь в университете на юриста, ничего особенного. Часто видимся с Алисой.

– Как она?

– У нее жизнь налаживается, дела идут очень хорошо.

– А у тебя нет? – с сомнением спросила Алия.

Я не знала, что ответить, ведь все вроде бы было неплохо. Ну, если не учитывать, что я связалась с Робмунами, чтобы

выяснить причину убийства. Мне не хотелось об этом рассказывать, но Алия сама будто начала о чем-то догадываться. Она в принципе обладала хорошей интуицией и могла отлично понимать людей по их манере разговора, движениям и мимике. И сейчас, видимо, она что-то заподозрила:

– Умбра, все точно в порядке?

– Так и неизвестно, почему Робмуны убили их?

– Робмунов сложно понять, если ты сам им не являешься.

Так распорядилась судьба, а она бывает весьма жестокой к нам. И нам остается лишь пройти эти испытания, без которых мы не были самими собой.

– Вы правы, – вздохнула я.

– Будь осторожной и сильной. Я уверена, ты со всем справишься, – дала мне напутствие Алия. – Если хочешь, можешь приходить сюда почаще. Я тебя поддержу и утешу, выслушаю, если что.

– Спасибо, – обняла я ее на прощание. Алия была действительно сильной и добродушной женщиной, открытой людям и любящей мир. Но и ей пришлось пройти через многие ужасные вещи. Потеря сына – ужаснейшая боль, и наверное это и было причиной тени и сомнения в ее взгляде, когда она смотрела на меня.

Глава 24. Кириан

После покупки билетов я отправился домой в размышлениях, точно ли мне стоит туда возвращаться. Если воров книги был кто-то из соседей, было опасно там находиться. Однако я подумал, что волков бояться – в лес не ходить, поэтому быстро отправился домой.

Мне нужно было понять, как вор мог проникнуть в комнату, потому оглядел дверной замок, закрывавшийся только изнутри, и окно, от которого до земли была очень большая высота, а балконов рядом не было. Соседи еще не вернулись с работ или прочих своих дел, одна лишь хозяйка квартиры сидела на кухне и вязала носки. Вряд ли она проникла ко мне ночью, то был точно мужчина.

В любом случае мне нужно было спать, и я сомневался, что ко мне могут прийти второй раз, все-таки нужную им книгу уже забрали. И все-таки ради собственной безопасности я решил перестраховаться и не придумал ничего лучше, кроме как положить на пол при входе в комнату мышеловку, найденную в коридоре в куче всякого хлама. Всяко лучше, чем ничего.

Нормальные люди после подобных неприятных и пугающих происшествий, какой была моя прошлая ночь, не смогли бы заснуть и спокойно расслабиться, однако я проспал много часов, не просыпаясь, и на утро чувствовал себя бод-

рым. Никто ко мне не пришел, как я и предполагал. И все же, возможно, мне стоило подыскать новое жилье, хотя где вероятность, что в случае чего, его не найдут Робмуны?

Вечером меня ожидал поход в театр, суть которого заключалась не только в просмотре мюзикла, но и во встрече с родственником, который мог что-то знать. Берта говорила, что он живет очень скрытной жизнью, потому нужно было поймать и уговорить его на встречу. Самый простой вариант, если его нигде не найти, кроме сцены, – подарить цветы с запиской внутри.

Я про Лисицкого почти ничего не знал, но если он был хорошим актером, то такие записки ему оставляли многие поклонницы, а потому он вряд ли обратит на нее внимание. Нужен был другой план, и еще хорошо продуманная речь, чтобы он не послал меня куда подальше, а мне почему-то казалось, что именно такой исход событий вероятнее всего.

Словно сама вселенная послала мне помощь в виде пришедшей Берты. И сегодня она вновь была настроена решительно. Ее настойчивости и любопытности можно только позавидовать.

– Итак? – спросила она.

– Что? – не понял я.

– Лисицкий – один из самых загадочных актеров всего Каедеса, о нем никому ничего не известно. Ну, кроме нас, потому что мы родственники. Поэтому нам нужно обсудить план действий.

– Нужно договориться с ним о встрече. Подловить у выхода из театра после мюзикла.

– В том то и дело, что многие поклонники и журналисты пытались это сделать, только он словно в воздухе растворяется или надевает плащ-невидимку. Не самая лучшая идея.

– А что ты предлагаешь? Сидеть в зале с плакатом: «Лисицкий, я хочу с тобой поговорить»?

– А что, неплохой вариант, – развеселилась Берта.

– Я думал про записку в цветах, но он не обратит на нее внимание.

– Но можно поместить туда не записку, а что-то другое, что точно привлечет его внимание. Отрезанную руку, например. Твое же внимание это привлекло.

– Берта! – укоризненно посмотрел я на сестру.

– Или подарить необычные цветы. Черные розы. А в них записка с рисунком луны.

– И ты знаешь, где найти черные розы?

– Да, предоставь это мне. К вечеру я их добуду. А записку обязательно подпиши полным именем с фамилией, уж фамилия точно может привлечь внимание.

– Хорошо, – согласился я.

– Осталось придумать, что спросить у него.

– Ну, с этим проблем не будет. – У меня было бесчисленное количество вопросов, оставалось решить, на какие из них может ответить Лисицкий.

– И еще, ты прочитал письма, которые я дала?

– Прости, как-то не было времени.

-

А зря. Может, у тебя появится еще больше вопросов после их прочтения, – встала Берта и направилась к выходу. – А может, наоборот. Я пошла за розами, вечером отдам их у театра.

– Спасибо. У тебя есть деньги?

– Да, карманные. Надеюсь, хватит.

Берта ушла, а я, заинтригованный, пошел читать письма, но прочитав одно, написанное моей бабушкой ее сестре, понял, что сестра оказалась права, и я окончательно понял, что ничего не понимаю. Судя по дате, на тот момент моей бабушке Лауре было двадцать лет, и они не так давно поженились с моим дедушкой Модестом, а Ариана, ее сестра, насколько я помнил рассказы мамы, училась в другом городе.

«Ариана, надеюсь, ты уже обосновалась в университете и у тебя все хорошо. У меня кое-что произошло, и я могу рассказать это только тебе. Я знаю, что ты не отвернешься от меня несмотря ни на что и сохранишь мой секрет. Ты знаешь, я не брошу Модеста, он хороший человек. Но вчера я встретилась с Дариусом и...боже, если бы мы только поздоровались и прошли мимо! Но наша встреча затянулась до самого утра...»

Ариана, моя дорогая, я помню, что ты мне говорила забыть его, и разум твердит мне отпустить все и просто работать, жить с Модестом и принять спокойную судьбу, но

знакомо ли тебе чувство, когда ты видишь человека и ни о чем другом не можешь думать? Я уже не первый год задаюсь вопросом, почему именно он похитил мое сердце, если мой здравый смысл всегда твердил, что Дариус мне не подходит?

Глупо было думать, что пройдут года, я выйду замуж за хорошего мужчину и забуду его...

Может, любовь и вправду неконтролируемое глупое чувство, а может все дело в его колдовстве. Я не собираюсь отрицать предназначение нашего с тобой рода, и может, моя встреча с Дариусом и вчера, и несколько лет назад неспроста.

Уверена, мы с ним больше никогда не увидимся, и я не знаю, что он чувствует ко мне, но у меня чувство, будто после этой ночи во мне что-то поменялось.

Очень надеюсь на твою поддержку.

Искренне твоя сестра, Лаура»

Для театра нужно было покрасивее одеться, потому я достал белую рубашку и черный костюм, состоящий из брюк, жилетки и пиджака, и поскольку на улице стало холоднее, сверху я накинул черный длинный плащ. Волосы я собрал сзади в пучок, во внутренние карманы запихал ножи и пистолет, взял с собой зонт и тогда уже со спокойной душой сел в машину и поехал забирать Алису.

Я увидел ее издалека, когда только подъезжал к ее дому.

Меня все еще тревожило, почему в ее присутствии я начал вести себя как подросток с бушующими гормонами. Она стояла у парадной, нарядная и красивая. Для похода в театр она выбрала длинное обтягивающее платье без рукавов и большим, даже чересчур большим вырезом на бедре. Сверху, чтобы не замерзнуть, черная кожаная куртка, а на ногах ботильоны на толстом высоком каблуке, которые стройнили и удлинляли ее и так худые ноги.

Когда она села ко мне в машину, от нее повеяло сладким ягодным ароматом. Волосы лежали в плавных аккуратных волнах, на губах была бордовая помада, и мне представилось, как приятно было бы прикоснуться к ним своими...

«Кириан, мать твою, у тебя в этот вечер должны быть совершенно другие мысли!» – одернул я себя.

– Добрый вечер, – сказала Алиса. – Неплохо выглядите.

– Ты тоже.

Пока мы ехали, начался дождь, а у театра, который находился на площади, не было место припарковаться, потому нам предстояло идти под дождем. Судя по маленькой черной сумочке Алисы, зонтика у нее не было. В такой сумочке в целом кроме помады и носового платка ничего больше не поместится.

Я припарковался на соседней улице, и вспомнил все уроки отца по хорошим манерам. Выйдя первым, я открыл дверь со стороны, где сидела Алиса, и подал ей руку.

– Благодарю, – улыбнулась Алиса. Я распахнул зонтик и

поднял его над нами.

Алиса взяла меня под руку, и мы направились через площадь ко входу в большое здание театра с красивыми стенами песочного цвета, пилястрами и большими окнами, через которые виднелись горящие бриллиантовые люстры в холле театра. Вдоль стен театра прямо на площади росли апельсиновые деревья, разбавлявшие каменную серость площади, особенно в такую погоду.

Я давно не был в театрах, хотя каждый поход туда меня очень впечатлял, будь то спектакль, мюзикл, опера или балет. Начиная с самого здания театра, будь оно скромным внешне и с весьма простым залом и сценой без особых украшений и излишеств, или наоборот старинным с большим залом, и заканчивая самим исполнением актеров своих ролей.

Дэллет – семья аристократов в прошлом, потому с детства родители приучали меня к интересу культурной жизнью Каедеса и часто водили в театры, и во Фрелли, и в Диврете, когда мы туда приезжали, когда я еще был маленьким. И надо отметить, что я весьма ценил и проникался театром, однако в последние года я совершенно позабыл об этом прекрасном времяпровождении.

– Как-то в детстве нас с Лолой сюда водили на какой-то спектакль для детей, – сказала Алиса. – После этого я не ходила в театры, потому что тогда чуть не заснула, настолько это было нудно. Совершенно не мое.

– Думаю, ты просто не видела по-настоящему хороших

постановок. К тому же с возрастом предпочтения меняются, ты начинаешь глубже осмысливать некоторые вещи.

– Может быть, но не думаю, что доросла еще до этого

– Почему тогда согласилась пойти?

– Не знаю, – смущенно пожала плечами Алиса. – А почему вы меня позвали?

– Ну, у меня уже было два билета, и поскольку Берта еще слишком маленькая, нужно было позвать кого-то другого. Она настояла на том, чтобы позвать тебя, – ответил я, не солгав.

Мы уже подходили ко входу в театр, к которому вела лестница, охраняемая по бокам статуями двух древних богинь. На этой лестнице мы заметили маленького человека в красной куртке, мокнувшего под дождем и державшего в руках букет черных роз.

– Хорошо провести вам время, и не забудьте про свою основную задачу, – сказала нам Берта, протянув нам цветы.

В обычных цветочных я ни разу не видел розы такого цвета, лепестки были глубокого черного цвета, словно состоявшие из кусочков осязаемой тьмы.

При входе в театр у нас проверили билеты, а у Алисы попросили документы, чтобы удостовериться в ее возрасте, после чего показали на маленькую неприметную лесенку, ведущую в малый зал Малого театра драмы. В сам зал еще не запускали, поэтому мы ждали в небольшом коридоре, почти темном, если не считать настоящих свечей, горевших в под-

свечниках на стенах, едва освещавших помещение и людей. На самом деле кто-нибудь мог бы и испугаться такого места, потому что коридоры театров обычно не были такими темными и таинственными.

Помимо нас там уже стояло несколько человек, разговаривавших в пол голоса. Чтобы скрасить ожидание, я сказал:

– Еще слышал, что творческим людям может прийти вдохновение, когда они впечатляются театральными постановками. Может, появятся идеи для новых песен.

– Не думаю, что мое призвание писать песни. Скорее моя жизненная цель – показать миру песни Лолы. Сочиняю я их совсем плохо, как мне кажется.

– Во всяком случае, многих театры вдохновляют, – ответил я, как вдруг свечи резко погасли, и коридор погрузился в непроглядную тьму.

Испугавшись, Алиса резко схватила меня за руку, и у меня в груди что-то замерло, но отнюдь не от страха.

Черт.

– Нас же тут не убьют? – спросила Алиса.

– Надеюсь, нет. Держись рядом со мной, – ответил я, сжав крепче ее руку, замечая, насколько она мельче моей и какая у нее мягкая кожа.

Двери в зал открылись, и оттуда сразу полился белый, словно лунный свет.

Количество мест и зрителей было небольшим, не больше пятнадцати человек. Когда мы расселись, можно было раз-

глядеть зал, и стало понятно, откуда шел такой интересный свет. Прямо на потолке находились удивительные светящиеся безо всяких светильников картины с изображением мифических существ, звезд и полумесяцев. Мне было неясно, чем они нарисованы, поскольку это свечение не походило ни на электричество, ни на что-либо еще. Может, здесь была причастна магия.

Когда все расселись, это свечение погасло, и зал снова погрузился во тьму, а мы с Алисой продолжали держать друг друга за руки.

Вскоре открылся занавес, показав нам небольшую освещаемую обычным прожектором сцену без декораций, которые в процессе так и не появились, но надо сказать, они там были вовсе не нужны. Всего было три действующих лица, и первый, кто появился на сцене – главный герой по имени Деви. Его исполнял высокий актер с безупречным телом, короткими черными волосами и большими глазами. Я сразу узнал в нем Лисицкого. Хоть ему и было около сорока лет, играл он молодого человека, еще не переступившего порог двадцатилетия.

Стоит подметить, что мюзикл отличался простотой и минимализмом, потому что помимо отсутствия декораций актеры были одеты в очень простую одежду. Например, на Лисицком были только легкие серые штаны, сделанные немного под старину.

Мне так и не стало ясно, была ли связь мюзикла с кар-

тиной, но суть постановки заставляла задуматься, а искренняя и живая игра актеров завораживала и впечатляла. От их мощных и красивых голосов бежали мурашки по коже.

Главный герой Деви ходил по самому краю сцены, словно по краю обрыва, читая монолог вслух:

– Время летит быстро, но хватит ли мне его, чтобы понять, кто я? Жизнь не торопит меня с этим ответом, будто я никуда не спешу, но я старею, и мою молодость скоро будет не вернуть! А я все еще один и не знаю, что внутри меня...

А потом он начал петь. Появившаяся девушка в углу сцены не сразу привлекала внимание зрителей, лишь только когда заговорила, все обратили на нее внимание. Ее одеяние было белоснежным и словно светилось.

– Я могу помочь тебе, – сказала она Деви. – Я дам тебе вечную молодость, чтобы ты смог ответить на вопрос, который тебя так давно терзает.

И с того момента Деви начал пробовать себя в разных ремеслах, разных работах и делах, пока не встретил однажды девушку, рисовавшую картины.

Посреди мюзикла что-то заставило меня глянуть на Алису, и я увидел ее погруженный в происходящее на сцене взгляд. Кажется, ей нравилось.

– Мне кажется, я влюблен в тебя, – признался Деви в какой-то момент девушке-художнице, чье имя было Агнесс.

– Ты не можешь... ты не должен... – начала заикаться Агнесс, и из ее глаз потекли настоящие слезы.

– Ты не любишь меня?

– Как бы я хотела тебя любить! Я бы хотела тебя рисовать каждый день! Хотела бы разделить с тобой вечность, но мои дни сочтены.

– Что это значит?

– Я скоро умру. Я больна. И у меня очень мало времени закончить творение моей жизни, которое я так и не сотворила до сих пор...

Я, не являвшийся человеком искусства, плохо мог описать то, как они играли, и в жизни бы не смог такого повторить, но зритель сразу начинал верить, что это не была игра. Агнесс умирала, а Деви тратил все время на нее, забыв о своих делах. Он был со своей любимой, пока та заканчивала свой шедевр, который она хотела оставить после себя.

– Так ли хороша эта работа? – спросила Агнесс. – Может, и я за свою жизнь не узнала, кто я на самом деле.

– Ты прирожденный художник. Ты знаешь, кто ты, но я не знаю, кто я.

– Одно я знаю точно. Ты – моя любовь, и навеки ею останешься, даже когда я уйду. Ты справишься. Помни о нашей любви. Помни, что ты никогда не был один, Деви.

Следом шла чередой сцен, где Агнесс медленно умирала, пока ее веки не закрылись навсегда. И ее последнее исполнение было такое душераздирающее, что даже меня сильно тронуло.

Где-то позади себя я услышал всхлипывания других зри-

телей. Кажется, и Алиса прослезилась.

Лисицкий в горе не мог успокоиться и прийти в себя, он метался по сцене с песней, полной горя и боли. В конце он вытащил из кармана маленький пузырек и выпил оттуда яд.

Он упал рядом со своей любимой, отправившись к ней, и его вечная молодость стала уже не нужна. Ему стало ничего не нужно.

Появилась снова девушка в белом, и внезапно за ее спиной на задней стене сцены загорелось изображение полной луны. И тут зрителям стало ясно, что девушка была человеческим обликом ночного небесного светила.

– Я дала ему годы, и он не потратил их зря. Он был ее любовью. Он провел поиски себя. Он не выдержал, и я не могу его винить. Но я помогу ему. Я помогу миру. Каждому.

И Луна начала петь. Это был странный язык, непонятные звуки и слова, которые никто не смог бы разобрать, но голос завораживал, словно пела морская сирена.

В конце актеры начали кланяться, а двое человек уже пошли к ним с цветами. Я попросил Алису отнести цветы, потому что она сидела ближе к выходу.

– Думаете, сработает? – спросила Алиса про наш план, вернувшись.

– Надеюсь.

Мы отправились к выходу, и Алиса больше ничего не говорила, но я чувствовал, что она что-то обдумывает.

– Возможно, я недооценивала театр, – сказала она, когда

мы вышли. – Мне понравилось. Это было великолепно.

– Согласен.

Дождь лить перестал. Мы уже собирались пойти к машине, как вдруг к нам поспешила какая-то девушка, не давшая нам далеко уйти.

– Кириан Дэллет? Вас попросили подойти к тому дому, квартира девятая, второй этаж, – сказала она и испарилась в ночном тумане площади, а мы с Алисой отправились к жилому дому, расположенному на краю площади. Дверь парадной была открыта, поэтому мы без проблем вошли туда, а когда постучали в девятую квартиру, дверь нам открыл не кто иной, как Лисицкий.

Глава 25.

Умбра

Может, я и сама имела иногда привычку прятать свои настоящие чувства под маской, как это делал человек на карте, которую я по воле судьбы нашла в книге. Внутри пожирало что-то темное, и когда я оставалась наедине с собой, меня начинали пожирать мои мысли, но стоило мне выйти в общество, я тихо улыбалась, делая вид, что никаких внутренних дилемм у меня вовсе и нет.

Как так получалось, что мне в руки попала уже вторая такая карта?

Я вертела их в руках, как вдруг заметила, что они были слегка потрепаны, будто им было уже много-много лет, хотя сначала я не обратила на это внимания.

Может, Кассиопей или другие Робмуны могут об этом что-то знать? При встрече нужно будет спросить, хотя Кас не спешил устраивать нам следующую ночную встречу уже три дня.

Я подумала, что мне стоит самой навести визит «Убивающий серп». Конечно, лучше не спешить, подождать и не возникать, однако я жаждала побыстрее узнать правду о своих друзьях, и еще мне хотелось продолжить практику с луной. Да, я все еще ненавидела Робмунов, такую ненависть не стереть из сердца за секунду, но ведь быть частью ордена и просто обладать магией – немного разные вещи, а я скучала по ощущениям от лунной магии.

После работы уставшие родители рано отправились спать, поэтому я спокойно собралась и отправилась к Робмунам. Конечно, с большей долей вероятности я могла не застать там Каса, но, может, я пообщаюсь с кем-то еще и выведаю больше информации. Тем более, как говорил Рорин, это неофициальное место, потому мне не чего было особо бояться. В прошлый раз никто не повел себя со мной невежливо или странно.

Мне пришлось вызвать такси, чтобы слишком сильно не рисковать своей безопасностью. Страх как в первый раз не было, и тем не менее я не могла сказать, что совсем не боялась и мое сердце не билось как бешеное. Ладони вспотели, поэтому если придется схватить нож и защищаться, он выскочит из моих рук.

Однако бояться не стоило. Когда я зашла в «Убивающий серп», сразу наткнулась на Рорина, потому напряжение мое спало, раз тут был хоть кто-то знакомый.

– Умбра, не ожидал тебя увидеть! – улыбнулся он. – Кас вроде собирался позже сюда заглянуть, но не говорил, что и ты придешь.

– А я сама пришла. Я же хочу стать Робмуном, поэтому нужно вливаться в ваше общество, – соврала я.

– Ну правильно, правильно. Проходи, будь как дома. Нас сегодня тут мало, всего трое. С тобой хоть повеселее будет.

Я обратила внимание на сидевших на пуфиках и читавших какую-то книгу рыжеволосую девушку, которую я видела в прошлый раз, и мужчину лет тридцати пяти.

– Проходи, не бойся нас, – приветливо сказала мне девушка. – Нам тут на одну ночь дали ценность. Книга «Основные законы магии» в оригинале, на древнем языке. Не знаю, где ее достали, но это очень ценная вещь, едва ли не в единственном экземпляре сейчас. Нам дали ее почитать на пару ночей.

– Правда, мы, обычные рядовые Робмуны, не владеем древним языком так хорошо, как главные члены нашего ордена, – добавил мужчина. – Кстати, я Финн.

– А я Лада.

– Умбра. Очень приятно.

– Кас тебе показывал уже какие-нибудь фокусы с лунной энергией? – спросила Лада.

– Только огонь.

– Разумное решение, с него вполне легко начать. Хочешь, покажем еще что-нибудь?

– Кас может быть недоволен, что мы показываем и рассказываем что-то лишнее, все-таки он взялся за обучение, – вдруг замялся как-то Рорин.

– А это делает проблематичным кому-то другому мне показывать магические фокусы? – спросила возмущенно я.

– Кас запретил...

– Сначала он и Робмуном мне становиться запретил, – заметила я, негодовавшая, что он вздумал указывать мне и другим, что делать. – Мне нет дела, что он будет недоволен, поэтому с радостью посмотрю на другие магические фокусы.

– Правильно, – поддержала меня Лада. – Могу показать самое простое, например, с водой.

Она взяла в руки стакан воды и закрыла глаза. Через несколько секунд вода забурлила, будто ее вскипятили.

– Теперь это кипяток. Одна из самых простых вещей.

– Для тебя может и простая, а мне для этого нужно приложить кучу усилий, – возразил Рорин.

– Просто если много тренируешься и хорошо концентрируешь внимание, магия не вызывает у тебя труда.

– И возможности, которые дает нам луна, гораздо шире, чем кипячение воды, – добавил Финн. – Просто каждый в этой магии находит свое колдовство, на которое он способен.

– И в зависимости от того, как часто ты прибегаешь к ма-

гии, ты должен сохранять баланс вселенной. Закон баланса и равновесия – основной закон магии, идущий прежде всего. Иначе у тебя просто не останется энергии. Когда берешь силы Луны, ты должен отдавать что-то взамен. Если ничего не отдаешь, Луна забирает у тебя энергию, ты начинаешь чувствовать себя подавленно, уходить в депрессию или болеть.

– А что отдавать взамен? Как сохранить баланс? – спросила я.

– Есть множество способов. Мы используем медитации для восстановления энергии. Кто-то занимается благотворительностью, чтобы принести во вселенную больше добрых дел, но это должно быть из искренних побуждений, – отвечала Лада.

– Но некоторые восстанавливают баланс жертвоприношениями, – сказал Рорин. – Любимый способ у Робмунов с высшим чином. Хотя наш главный, Дед Солнца, не совсем это одобряет, но не запрещает. Поэтому, извините, всякие придурки по типу Аккария и приносят жертвы.

– Но Робмуны же не убивают...

– А для жертвоприношений и не убивают. Используют или свою кровь, или кровь предателей, которых уже убили Всадники Весов.

Это было жутко, но меня заинтересовало, что Рорин упомянул Аккария. Уж не того ли Аккария, которого мы встретили с Касом в заброшенном городе?

– А кто такой Аккарий? – поинтересовалась я.

– Конфликтный и неприятный, но влиятельный тип, – буркнул Финн, будто и он не питал к нему симпатии. – Хотя надо отдать ему должное, именно он нашел где-то оригинал «Основных законов магии». Правда, часто действует вразрез с указаниями Деда Солнца. Аккарий постоянно пытается быть лучше всех и наверняка в будущем мечтает занять место Деда Солнца.

– Давайте не будем об Аккарии, – попросила Лада, поморщившись.

– Тогда лучше сделай нам коктейли, – сказал Финн.

– А вот это с удовольствием. – Лада направилась к столу и холодильнику и принялась смешивать сиропы и какие-то напитки.

Входная дверь внезапно распахнулась, хотя мне не говорили, что кто-то еще собирается прийти. Я, конечно, надеялась, что пришел Кассиопей, но я немного расстроилась, увидев мужчину и сопровождавшего его молодого парня с кучей свитков в руках. Мужчина был ярким, грозным и пугающим, я понятия не имела, кто он. Его черные глаза не просто смотрели в душу, они обнажали все твои потаенные закутки души и сознания. Сложно было сказать, сколько ему лет, но я смела предположить, что около пятидесяти, о чем говорили морщины у глаз и губ. На лице острились длинный нос, скулы и подбородок, а волосы волнами спадали до плеч, но они не мешали его опасному и властному образу.

– Добрый вечер, дорогие дети Луны, – поздоровался он,

оглядев всех присутствующих взглядом. Я стояла самой крайней, поэтому он посмотрел на меня в последнюю очередь и, нахмурившись, спросил:

– А ты кто, прекрасное создание?

– Это Умбра, она хочет стать одной из Грабителей Лунного Света, – ответил за меня Рорин. У меня от этого мрачного мужчины внутри все замерло от страха.

– Но еще не стала ей, поэтому что она здесь делает? Вы рискуете нажать себе наказание.

– Простите, господин, – опустил голову Рорин.

– Ближайшая подходящая фаза луны... – задумался мужчина, повернувшись к парню, с которым пришел: – Подскажи.

– Послезавтра. Как раз полнолуние.

– Хорошо. Тогда послезавтра жду на посвящении. И раз ты уже кое-что знаешь о нас и наших местах, у тебя нет вариантов не прийти. Ты же знаешь, что бывает с теми, кто слишком много о нас знает, но не являются частью ордена?

– Их убивают? – дрожащим голосом предположила я.

– Смышленная девочка, – улыбнулся он мне, и у меня похолодело в области груди. – Тогда встретимся на посвящении.

Судя по всему, мужчина не собирался здесь долго задерживаться и потому уже отправился к выходу, как вдруг развернулся и сказал мне:

– Все-таки ты девочка молодая, хорошая, жалко тебя убивать будет. Поэтому поставлю метку, чтобы ты точно при-

шла. Не переживай, после посвящения она исчезнет. – Мужчина коснулся ладонью моего лба, и я почувствовала резкое неприятное чувство, будто меня ударили током. Я упала на колени, схватившись за левую ладонь, которая болела сильнее всего, и зажмурила глаза.

Я не хотела становиться Робмуном, но теперь у меня не оставалось вариантов. Быть мертвой мне тоже не хотелось. А ведь идя сюда я знала, что это может быть опасно. С самого начала идея аккуратно расследовать правду об убийстве грозила опасностью.

Я не заметила, как мужчина уже ушел, а Рорин перетащил меня на диван, чтобы я не сидела на полу. Я посмотрела на свою ладонь, где теперь красовалась серебристая метка в виде полумесяца, которую было ничем не стереть.

– Обычно, по нашим правилам, ты сразу становишься Робмуном, и лишь потом тебе все показывают и рассказывают. Просто Кас решил почему-то сделать наоборот, – сказал Рорин.

– Кто это вообще был? – спросила я.

– Дариус, Дед Солнца, главный среди Робмунов.

– Не переживай, все будет хорошо, – попыталась поддержать меня Лада. Я должна была делать вид, что радуюсь этому, поскольку делала вид, что мечтаю стать Робмуном, и поэтому выдавила из себя едва убеждающую улыбку. Тем не менее, я понимала, что хорошо уже ничего не будет.

Я была неосторожна и зашла слишком далеко.

Зато, с другой стороны, теперь мне будет проще узнать причину смерти Нави, Лолы и Бренна. Но стоила ли правда такой жертвы?

– На, выпей, это лунная водка, – протянула мне Лада напиток, оказавшийся очень крепким. Он обжег мне горло и согрел желудок, а позже и немного затуманил сознание, но мне это шло только на руку, чтобы сдержать слезы и отчаяние.

Снова открылась дверь, и я побоялась, что вернулся этот Дед Солнца, но на этот раз пришел Кас.

– Умбра? – удивился он. – Какого черта ты сюда пришла, не предупредив меня?

– А тебя ждать долго, пока ты мне весточку пришлешь, – буркнула я. Кажется, от Каса не укрылась моя обеспокоенность.

– Что-то случилось?

– Приходил Дед Солнца, и послезавтра Умбра станет Робмуном, он ей метку оставил, – объяснил Рорин, и Кас неприлично выругался.

– Да ладно вам, главное, он нас не наказал за то, что непосвященная была здесь, – сказал Финн, но Кас лишь махнул рукой, после чего обратился ко мне:

– Пойдем поговорим.

Он вывел меня во двор, а меня уже немного пошатывало от выпитого напитка.

– На, смотри, – продемонстрировала я ему метку в виде

полумесяца на левой ладони.

– Ты же хотела стать Робмуном, что ж теперь недовольна? – разозленно спросил меня Кас. – Черт, не надо было тебе приходить сюда! И не надо было мне изначально соглашаться отводить тебя сюда. Тебе, хорошей милой девочке, нечего делать среди Робмунов.

– А я и не собиралась становиться Робмуном! – вдруг выпалила я.

Кажется, лунная водка сильно действовала на меня, и может я об этом пожалею, но я честно ответила на вопросительный взгляд Каса:

– Я хотела лишь узнать правду, почему убили моего парня и моих друзей. Я думала узнать, пока ты меня медленно посвящал в магическую сферу, но я хотела остановиться и отказаться быть Робмуном, как только узнаю причину убийства. Это все, чего я хотела.

– Я догадывался, что ты не настолько чокнутая, чтобы становиться одной из нас, – тихо произнес Кас. – Ну что ж, с этой меткой теперь никуда не деться. Только если умереть. Других вариантов уже нет.

Глава 26.

Кириан

– У меня не убрано, и из еды ничего не могу предложить, разве что воду, – сказал Лисицкий, пропуская нас в неубранную обшарпанную квартиру.

На полу и диване в гостиной валялись одежда, какие-то

пакеты и фантики, в углу стоял ящик с пустыми стеклянными бутылками из-под спиртных напитков, а сам мой родственник не переоделся из штанов, в которых был на сцене, и в руках держал зажженную сигарету.

Мы с Алисой сели на диван, а Лисицкий поставил перед нами стул и сел на него.

– Кириан Дэллет, внук Лауры... – задумчиво произнес он, выдыхая дым.

-

Да, спасибо, что согласились встретиться со мной, – сказал я.

– Давай на «ты», не чужие друг другу. Чем могу быть полезен и почему моя персона так заинтересовала вас?

– Меня интересует «Луна осветит реку». Ты играешь превосходно, но откуда взялся сюжет?

– Очевидно, что кто-то придумал. Мое дело исполнить роль, а не интересоваться историей.

– Но ты же знаешь, что наш предок Цефей написал картину с точно таким же названием.

– Знаю. Даже видел ее как-то давно. Единственная связь – и то, и другое вызывает интерес у Робмунов. – Лисицкий взял со стола бутылку пива, отхлебнул, после чего спросил:

– Могу вам тоже принести.

– Нет, благодарю. Что именно за связь с Робмунами? – уточнил я. Честно признаться, до этого у меня было предположение, что и сам Лисицкий мог оказаться одним из Гра-

бителей Лунного Света, но еще во время мюзикла я заметил, что на его спине не было серебристой линии.

– Во-первых, они часто посещают этот мюзикл. Во-вторых, оригинал пьесы на древнем языке, связанным каким-то образом с магией. Но повторю, что я лишь актер.

– Может, скажешь, кто режиссер, и тогда я спрошу еще у него?

– Озадачился бы ты этим вопросом год назад, сказал бы, но сейчас моя мать уже мертва.

– Ариана была режиссером? – удивился я.

– Ага. Ну, у нее еще помощница была.

Берта говорила, что ее мама слышала в разговорах Арианы про «Луна осветит реку», но если она была режиссером, то могла говорить вовсе не про картину, как я подумал изначально, а про мюзикл.

– Ты знаешь, была ли она связана с Робмунами?

– Я к Робмунам не лезу, и без понятия, во что там мать ввязалась вслед за сестрой.

– То есть хочешь сказать, сначала моя бабушка Лаура связалась с Робмунами, а потом и Ариана вместе с ней?

– Насколько мне это рассказывала мама, да. Я немного бесполезен в таких вещах.

– Мне пригождается любая помощь и любые сведения, – сказал я. – Еще вопрос, не знаешь ли откуда у твоей мамы взялась пьеса на древнем языке?

– Без понятия. Все наверное как-то связано с Робмунами,

но у меня нет желания копаться в этом всем. У меня есть выпивка, искусство и девчонки, большего мне не надо. Кстати, симпатичная у тебя подружка, – нагло и нахально загляделся Лисицкий на Алису, а если быть точнее, на ее декольте. – Сколько за ночь заплатил ей?

Я не ожидал такого вопроса, потому не сразу понял, что Лисицкий имел в виду. Алиса растерянно отвела взгляд и недовольно поджала губы.

– Нисколько, – прожег я Лисицкого взглядом.

– А ничего такая, могла бы много зарабатывать со своей внешностью, – ухмыльнулся он, и я чудом подавил в себе желание разнести ему пол лица.

– Будь я хуже воспитан, ты бы сейчас валялся на полу с разукрашенной физиономией, – прорычал я.

– Не кипятись, просто мысли вслух.

– Извинись. Быстро, – произнес я таким тоном, что бутылка в руке Лисицкого дрогнула. Я не мог позволить, чтобы он так говорил об Алисе.

– Прости, – обратился он к Алисе.

– Кстати, на премьере была девочка, на Алису чем-то похожа, и в точно таком же платье. Только волосы синие были. Ей не было восемнадцати, но она очень упрашивала на входе ее пустить посмотреть «Луна осветит реку». В итоге ее моя мать пустила и даже денег за билет не взяла.

– Лола? – удивилась Алиса. Кажется, Лисицкий говорил о ее сестре. И у меня возникло подозрение, что Алиса надела

ее платье, потому Лисицкий и узнал.

– Вроде да, черт ее помнит. Но после спектакля мы с мамой пошли сюда ужинать, и она привела эту девчонку. Она была очень заинтересована мюзиклом, и пока я старался вылить в себя всю бутылку шампанского, они что-то обсуждали, и, кажется, мама отдала ей страничку какой-то части пьесы в оригинале.

– А зачем, не помнишь? – спросил я.

– Не-а, ну, видимо, девочке очень уж этот момент понравился. Потом она ушла домой.

– Спасибо за ответы, – сказал я, и мы с Алисой покинули моего родственника. Сев в машину, Алиса задумчиво сказала:

– Мне абсолютно ничего непонятно.

– И мне, – вздохнул я. – После такого сильного мюзикла и разговора голова плохо соображает. До комендантского часа еще полтора часа, ты не против поужинать где-нибудь?

– Конечно, – согласилась Алиса, и мы направились в один из ресторанов, который я заприметил еще вчера, когда ехал домой. Он находился на крыше гостиницы, и мне казалось, оттуда должен открываться отличный вид на город.

Нам повезло, народу там не было много и для нас нашли свободный столик. Мы выбрали блюда и в ожидании, пока их принесут, рассматривали вечерний Диврет под темно-синим звездным небом.

Мы немного устали и каждый находился в своих мыслях.

Алиса наверняка обдумывала все, что услышала про свою сестру, а я думал про письмо, которое прочитал днем, и связь моей бабушки Лауры с Робмунами. У меня закрались подозрения, что причиной их с дедушкой смерти были Робмуны, а никакой не грипп, но рано строить такие подозрения. Я снова был в тупике, где мне продолжать поиски. Давно уже стало понятно, что все связано с Грабителями Лунного Света, и ответы нужно искать у них. Тетя Августа уже намекала поговорить с моей бывшей девушкой, только вот я готов был поговорить с любым другим Робмуном, но не с ней. Думаю, ни одному человеку не хотелось бы разговаривать с тем, кто предал его и причинил большие неприятности и боль.

Нам принесли наш ужин и два бокала белого вина.

– Кстати, спасибо, что заступились за меня, – поблагодарила Алиса.

– Я не мог слушать, как он говорил так.

– Что вы теперь намерены делать? Лисицкий не особо прояснил все, что вас интересовало.

– Утро вечера мудренее, поэтому придумаю завтра. Попробую вместе с Бертой собрать в кучу все, что знаю, и построить какие-нибудь предположения. Из основных вопросов, как моя семья связана с Робмунами, если никто не являлся и не является членом их ордена, где картина и почему Робмуны ее украли.

– А у меня теперь появились вопросы о Лоле. С этим разбирается моя подруга, и завтра нужно будет это с ней обсу-

дить.

– Если уж она тоже старается выведать что-то насчет Робмунов, не знает ли она чего-то о картине?

– Я спрошу у нее, но ее интерес касается только моей сестры, ее парня и их друга, – сказала Алиса.

Еда была весьма вкусной, как и вино. Пора было заканчивать думать о расследовании и просто наслаждаться вечером. В этом ресторане под открытым небом помимо луны и свечей на столах не было больше света, поэтому в полумраке создавалась особая атмосфера. И Алиса, нарядная и красиво одетая, казалась мне воплощением божественной красоты.

– Как у тебя дела с музыкой? – поинтересовался я.

– Мы много репетируем, и через несколько дней у нас готовится первое выступление в одном клубе. Я уже предвкушаю его и не могу нарадоваться, что наконец-то публика услышит песни Лолы.

– Это здорово, – улыбнулся я.

– И еще, я была бы рада увидеть там вас, – чуть тише добавила Алиса, будто немного стесняясь.

– Обещаю, я не пропущу твое выступление, – уверенно сказал я.

Вскоре мы закончили с ужином, и нам принесли счет. Алиса полезла в сумочку за деньгами, но я ее остановил:

– Я заплачу.

– Но вы и так заплатили за билеты в театр, а они безумно дорогие.

– Брось, для меня это мелочи. Тем более мне нисколько не жалко тратить денег на такую красивую девушку.

Да, я сам не верил, что сказал комплимент, и самое главное и удивительное, это было искренне. Решение не иметь больше близких людей, принятое мною ранее, испарилось.

Глава 27.

Умбра

Может, конец света на Каедесе и не собирался наступать, но для меня он уже произошел. Кас и Рорин отвезли меня домой ближе к двум часам ночи, и я была уверена, что не смогу заснуть, однако под действием лунной водки я проспала до полудня.

На удивление, у меня совершенно не было ощущения, будто я готова была выпить целое водохранилище, и голова не болела, как было после обычных напитков подобного рода. Правда, когда я увидела метку на левой ладони, мне сразу поплохело, и я подумала, что взамен этого лучше бы у меня было похмелье. Сегодня была суббота, которую родители наверняка, как всегда, собирались провести дома, и я никак не могла показаться им с этой меткой.

Чудом у меня в комнате оказался бинт, которым я как-то месяц назад заматывала коленку, на которую нечаянно приземлилась, вылезая из окна. Им я замотала ладонь. Проще уж сказать, что я где-то поранилась, чем придумывать нелепые и неправдоподобные объяснения.

Родители давно позавтракали, но оставили мне яичницу

с помидорами, которая уже давно остыла. Мама готовила обед, а отец смотрел телевизор, сидя на диване, потому никто особо на меня внимание не обращал, и все же когда я села завтракать, мама заметила мою перебинтованную ладонь и спросила:

– А что с твоей рукой?

– Поранилась, когда перед сном апельсин резала.

– Ну ты осторожней, солнышко. Ты хоть обработала?

– Да, мам, все в порядке.

– Какая-то ты грустная, – заметила она.

«Ну а какой мне быть, если я уже завтра стану Робмуном по собственной глупости?», – подумала я, не зная, что ответить маме. Благо от ответа меня спас папа, смотревший прогноз погоды и комментировавший его.

– Тише, сейчас узнаем, что у нас с погодой в ближайшее время, – сказал он нам.

– В ближайшие три дня улучшений погоды не ожидается, температура воздуха не превысит одиннадцати градусов, возможны осадки и сильный ветер, – говорила ведущая в новостях. – Однако уже под конец следующей недели вновь ожидается потепление и ясная погода.

– Еще неделю терпеть эту холодрыгу! – воскликнул отец. – Зато на следующие выходные можем поехать на пляж.

Я не знала, как сказать, что мне сейчас не до пляжей. И на погоду мне было плевать. Какая разница, что там на улице, если я в любом случае стану Робмуном или умру? А что,

если я откажусь, и Дед Солнца заставит Каса, как одного из Всадников Весов, убить меня?

– Умбра, точно все в порядке? – забеспокоилась мама. – Ты такая бледная и растерянная.

– Все хорошо, честно, – соврала я. – Просто голова немного болит из-за смены погоды.

– Кстати, звонила Алиса, говорила, к тебе зайдёт, – вспомнил вдруг папа, и тут я поняла, что подруге то придется как-то рассказать, что произошло. После завтрака я быстро смылась в ванную. Из зеркала на меня смотрели янтарные глаза, но несмотря на их яркий цвет, они казались тусклыми, едва ли не погасшими.

Когда я, вымывшись, вышла из ванной, Алиса уже ждала меня в гостиной, сидя с родителями.

– Привет, пойдём в комнату? – предложила я ей.

– Надеюсь, ты не против, что я пришла, – сказала Алиса, когда мы зашли в мою комнату, и я закрыла дверь.

– Я и сама хотела продолжить с тобой встретиться.

– А почему у тебя ладонь перебинтована?

У меня сразу ускорился пульс. Нужно было ей рассказать правду, но для этого нужно было набраться смелости, потому я замяла тему неясным ответом:

– Да так, слегка порезалась... Лучше расскажи, как ты?

– У нас скоро концерт в клубе. Первый. Ты же придёшь?

– Конечно. Я ни за что не пропущу, – пообещала я, сомневаясь, буду ли жива. Но мне бы очень хотелось услышать

и Алису, и песни Лолы.

Вспомнив Лолу, мне внезапно захотелось спросить Алису:

– Кстати, помнишь, ты говорила о каких-то картах Лолы, похожие на гадальные? – Я достала из-под подушки обе карты и протянула ей. – Похожи?

– Да. Будто из одной колоды, – напряглась Алиса. – Откуда они у тебя?

– Одну нашла на улице, вторая... Я ходила в книжную лавку, где работает мама Нави. И в одной книге была эта карта. Алиа сказала мне забирать ее, мол, судьба.

– Интересно... – рассеянно произнесла Алиса, очевидно, думая параллельно о чем-то еще.

– Я не верю особо в гадальные карты, но они и не похожи на такие, на них странные рисунки, каждый с каким-то подтекстом, – продолжала говорить я. – Смотри, тут же явно человек прячет свои эмоции или просто шифруется, представляя из себя не такого... Алис, ты тут?

– А? Да, я тебя слушаю... – задумчиво произнесла Алиса, и тогда я продолжила произносить свои мысли:

– А здесь девочка вообще рискует жизнью, и эти луна и солнце в двух краях карты выглядят весьма странно... – я посмотрела на Алису, но она не поднимала на меня взгляд и загадочно улыбалась.

– Алис, о чем думаешь? Твои глаза буквально светятся и блестят. Влюбилась? – в шутку спросила я, но тут же поняла,

что, кажется, это не шутка. Алиса лишь молча перевела на меня взгляд, сдерживая широкую улыбку.

– Это кто-то из новой группы?

– Нет. И не влюбилась. Наверное... Просто задумалась.

Но нам обоим было понятно, что это была ложь. Алиса рассмеялась, не в силах больше прятать свои чувства.

Помнится, когда-то и я такое испытывала. Когда начала понимать, что Нави не просто друг, и между нами начали проскакивать какие-то искры, казавшиеся чем-то взрослым, непривычным и таким ярким, я приходила домой и, думая о Нави, улыбалась и едва ли не визжала от чувств, переполнявших меня.

– И о ком же ты задумалась? – спросила с любопытством я.

– Вчера я ходила в театр с Кирианом Дэллет, племянником Августы, а потом он пригласил меня в ресторан. И он был вчера таким красивым и галантным, сразу видно, что он из знатной семьи. И он платил за меня. Такой серьезный, но такой красивый! А еще сообразительный, ответственный, задумчивый и немного разбитый изнутри... – перечисляла Алиса. – Кажется, я тебе до этого уже как-то говорила, что он проводит свое расследование, и оно завело нас к его родственнику Лисицкому, который играет в мюзикле «Луна осветит реку». Потом мы с ним встретились, и он рассказал кое-что, о чем я не предполагала. Вообще, мюзикл тайный, как-то может быть связан с Робмунами, и на него

строгое возрастное ограничение. Тем не менее, Лола там была. Помнишь тот день, когда она разругалась с родителями и ушла из дома на день, а мы искали ее по всему городу? Кажется, в тот вечер она была на мюзикле, и постановщик пьесы, мать Лисицкого, вырвала листок из пьесы на древнем языке и отдала Лоле.

– И ты сразу об этом не сказала? – удивилась я. – Да ты точно влюбилась, если в первую очередь думаешь не о делах, а о парне.

Загадок появилось еще больше. Меня посетила мысль, что, возможно, с Нави, Лолой и Бренном произошло то же, что со мной происходило сейчас. Они интересовались Робмунами, а их так же заметил Дед Солнца, и у них было лишь два выбора: присоединиться к ордену или умереть, но они выбрали второе. Предположение было неплохим, но с какой стати им интересоваться Робмунами?

– Что на той бумажке? – спросила я.

– Диалог о любви, и надо сказать, в мюзикле это был трагичный и сильный момент. Но непонятно и то, откуда Лола узнала про этот мюзикл. Лисицкий говорил, что туда часто ходят Робмуны, они основной контингент зрителей. Я все еще не верю, что Лола могла быть одной из них.

– Зато я, кажется, скоро буду... – пробормотала я.

– Что? – переспросила Алиса, явно подумав, что ослышалась.

– Алис, тут такое дело...

Я замолчала, мне нужно было набираться смелости. С другой стороны, вряд ли Алиса отвернется от меня из-за этого. Она единственный человек, с кем я могу поделиться всем, ничего не утаивая.

Я сняла бинт, показав метку.

– Завтра я стану Робмуном. Вчера я случайно наткнулась на их главного, и теперь обратного пути нет.

– Умбра... – озадаченно вздохнула Алиса.

– Я знаю, что я дура. Была очень неосторожной и легкомысленной. Может, можно вырезать эту метку? Ладонь заживет, а я скроюсь от Робмунов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.